

Дин Кунц Лицо страха

Аннотация

Гигантский муравейник — Нью-Йорк никогда не слыл спокойным и тихим местом. Но даже его привыкшие ко всему жители теряют покой и сон, когда на улицы города выходит жестокий маньяк. Полиция сбилась с ног, пытаясь выйти на след убийцы, газеты пестрят кровавыми заголовками, а тем временем жертвы продолжают беспрепятственно впускать «Мясника» в свои дома. Почему?!

Дин Кунц Лицо страха

Часть первая
Пятница, 00.01 — 20.00

1

Осторожно, не ожидая в данный момент неприятностей, но уже готовый к ним, он припарковал свой автомобиль через улицу от четырехэтажного многоквартирного каменного дома. Заглушив мотор, он услышал вой сирены на улице позади себя.

«Они идут за мной, — подумал он. — Так или иначе они поймут, что я один».

Он улыбнулся. Он не позволит им надеть на себя наручники. Легко он не сдастся. Это не в его стиле.

Фрэнка Боллинджера нелегко испугать. В действительности он даже не мог припомнить, боялся ли он когда-нибудь. Он умел контролировать себя. В тринадцать лет его рост уже равнялся метру семидесяти пяти сантиметрам, и он не прекращал расти, пока не достиг метра девяноста сантиметров. У него была мощная шея, широкие плечи и мускулы молодого штангиста. В свои тридцать семь лет он был в той же прекрасной форме, как, видимо, в двадцать семь и даже в семнадцать лет. Любопытно, что он никогда не занимался спортом. У него не было ни времени, ни желания для бесконечных физических упражнений,

бега на месте. Высокий рост, крепкие мускулы были даны ему природой. Несмотря на отменный аппетит и отсутствие диеты, у него не было излишков веса или жировых отложений на бедрах и животе, как у большинства мужчин его возраста. Его доктор объяснял ему, что именно постоянное крайне нервное напряжение и отказ от употребления наркотиков позволяют ему держать под контролем свое состояние. Доктор не исключал даже возможности его ранней смерти от перенапряжения.

Однако Боллинджер пришел к заключению, что может только наполовину согласиться с таким диагнозом. Он никогда не был нервным, а вот в напряжении был всегда. Он искал его, считал необходимым фактором выживания. Он всегда был бдительным. Всегда наготове. Готовый ко всему. Вот почему ничто не могло его испугать или удивить.

Вой сирены становился громче, и он взглянул в заднее зеркало. Вращающийся красный свет пульсировал в ночи на расстоянии немногим дальше квартала.

Он вынул из кобуры револьвер 38-го калибра. Взявшись за ручку двери, он ждал подходящего момента, чтобы распахнуть ее.

Патрульный автомобиль поравнялся с ним и пронесся дальше. Через два квартала он свернул за угол.

Они не шли по его следу.

Он почувствовал легкое разочарование.

Он спрятал оружие и осмотрел улицу.

Шесть люминесцентных уличных фонарей — два с каждой стороны квартала и два в середине — заливали улицу жемчужно-белым светом. Она была застроена трех— и четырехэтажными добротными каменными зданиями. Никого не было видно в освещенных окнах. И это его устраивало, ибо давало возможность остаться незамеченным. Несколько деревьев боролись за существование на краю тротуаров. Чахлые платаны, клены и березки — все, чем мог похвастаться Нью-Йорк за пределами своих национальных парков, — росли с трудом. Их ветви, как обугленные кости, вонзались в ночное небо. Слабый, но холодный январский ветер гнал обрывки бумаги вдоль тротуара, и когда порыв ветра усиливался, ветви деревьев начинали скрипеть, как детская трещотка. Припаркованные автомобили напоминали животных, съежившихся от колючего ветра. Тротуары вдоль всего квартала были пустынные.

Он вышел из автомобиля, быстро пересек улицу и поднялся по ступенькам многоквартирного дома.

В фойе было чисто и светло. Сложный мозаичный пол с изображением гирлянды поблекших роз на бежевом фоне сверкал ровной отполированной поверхностью. Внутренняя дверь фойе была заперта. Ее открывали ключом или кнопкой из любой квартиры.

На верхнем этаже было три квартиры, три — на втором и две — на первом. Квартиру 1А занимал Харольд Нагли с женой, хозяйка дома. Они отдыхали на побережье в Майами. Маленькую квартиру в дальней части первого этажа занимала Эдна Маури. Он подумал, что сейчас она, возможно, готовит легкий ужин с разведенным мартини, чтобы расслабиться после утомительной вечерней работы.

Боллинджер пришел, чтобы увидеть Эдну. Он знал, что она должна быть дома. Он следил за ней шесть вечеров подряд. Она жила по строго заведенному расписанию, пожалуй, даже слишком строгому для молодой и привлекательной женщины. Она всегда возвращалась домой с работы в двенадцать, реже на пять минут позже.

«Хорошенькая маленькая Эдна, — подумал он. — У тебя такие длинные и прекрасные ноги».

Он улыбнулся.

Он нажал на звонок в квартиру мистера и миссис Ярдли на третьем этаже.

— Кто там? — раздался мужской голос в переговорном устройстве.

— Это квартира Хатчисонов? — спросил Боллинджер, прекрасно зная, что ответ будет отрицательным.

— Вы нажали не на ту кнопку, квартира Хатчисонов на втором этаже. Их переговорное устройство рядом с нашим.

— Извините, — произнес Боллинджер, когда Ярдли отключили связь.

Он позвонил в квартиру Хатчисонов.

Хатчисоны, очевидно ждавшие гостей и менее осторожные, чем Ярдли, открыли ему внутреннюю дверь, даже не спросив, кто он.

В холле было тепло и приятно. Коричневый кафельный пол и коричневые стены. На полпути по коридору слева стояла мраморная скамейка, над ней висело большое зеркало. Обе квартирные двери из темного дерева с металлической отделкой находились справа.

Он остановился перед второй дверью и сжал пальцы в перчатках. Он вынул бумажник из внутреннего кармана и достал финку из кармана пальто. Когда он нажал на кнопку на полированной ручке, из нее молниеносно выскочило лезвие, семнадцать сантиметров длиной, тонкое и острое, как бритва.

Блестящее лезвие завораживало Боллинджера, вызывало яркие образы, мелькавшие у него перед глазами.

Он был почитателем поэзии Вильяма Блейка. Неудивительно поэтому, что отрывок из работы Блейка вспомнился ему в этот момент:

*Тогда обитатели тех городов
Почувствовали, что их нервы превращались в мозг,
И твердые скелеты начали изменяться
В быстротечных конвульсиях, муках,
С болью, трепетом и мученьями
На всем побережье; пока, утихнув,
Чувства не убрались внутрь, сжимаясь
Под темной сетью инфекции.*

«Я заставлю обитателей этого города прятаться за своими дверями по ночам, — подумал Боллинджер. — Но только я не инфекция, я — лекарство от всего того, что неправильно в этом мире».

Он позвонил. Спустя минуту он услышал ее за дверью и снова нажал на звонок.

— Кто там? — спросила она. У нее был приятный, мелодичный голос, в котором сейчас проскальзывала нотка беспокойства.

— Мисс Маури? — спросил он.

— Это я.

— Полиция.

Она не ответила.

— Мисс Маури! Вы здесь?

— Что случилось?

— Некоторые проблемы там, где вы работаете.

— У меня никогда не было проблем.

— Я не так выразился. Проблема не затрагивает вас. Но вы могли видеть что-нибудь важное. Вы могли быть свидетелем.

— Чего?

— Для объяснения необходимо некоторое время.

— Я не могла быть свидетелем. Только не я. Я ничего не видела.

— Мисс Маури, — строго произнес он, — если я должен получить ордер, чтобы задать вам ряд вопросов, я его получу.

— Как я могу быть уверена, что вы действительно из полиции?

— Нью-Йорк, — произнес Боллинджер с некоторой досадой. — Разве это не удивительно? Один подозревает другого.

— Приходится.

Он кивнул.

— Возможно. Послушайте, мисс Маури, у вас есть цепочка на двери?

— Конечно.

— Конечно. Накиньте цепочку и приоткройте дверь. Я покажу вам свое удостоверение.

Она неуверенно накинула цепочку. Это позволяло открыть дверь не более чем на три сантиметра. Он показал удостоверение.

— Детектив Боллинджер, — сказал он. Нож у него был в левой руке, прижат плашмя к пальто, острием вниз.

Она выглянула в узкую щель. Затем с минуту она вглядывалась в эмблему на внутренней стороне бумажника, потом внимательно изучала фотографию в пластиковой оболочке под эмблемой.

Когда она закончила изучать документ и взглянула на него, он увидел, что глаза у нее были не голубыми, как он думал, видя ее на сцене из затененного зала, а зеленоватые. Это действительно были самые завлекательные глаза, какие он когда-либо встречал.

— Удовлетворены? — спросил он.

Ее пышные темные волосы упали на лицо и закрыли один глаз. Она убрала их. У нее были красивые длинные пальцы, ногти покрашены красным лаком. На сцене, в кругу яркого света, ее ногти казались черными.

— Так о каких проблемах вы упоминали? — произнесла она.

— У меня к вам ряд вопросов, мисс Маури. Мы должны будем разговаривать через приоткрытую дверь и следующие двадцать минут?

Насупившись, она ответила:

— Я полагаю, нет. Подождите здесь минутку, я накину халат.

— Я могу подождать. Терпение — ключ к удовлетворению.

Она с любопытством взглянула на него.

— Магомет, — сказал он.

— Полицейский цитирует Магомета?!

— Почему бы и нет?

— Вы — той религии?

— Нет. — Его рассмешило, как она построила вопрос. — Я приобрел значительный объем знаний с единственной целью — шокировать тех людей, которые думают, что все полицейские безнадежно невежественны.

Она опешила:

— Извините. — Затем она улыбнулась. Он еще ни разу не видел, как она улыбается, ни разу за всю неделю с тех пор, как впервые увидел ее. Она находилась в лучах света и, двигаясь под музыку, сбрасывала с себя одежду, изгибаясь всем телом, лаская свои обнаженные груди, в то же время оглядывая посетителей холодными глазами. Ее улыбка была ослепительна.

— Вы собирались накинуть халат, мисс Маури.

Она закрыла дверь.

Боллинджер смотрел на входную дверь в конце коридора, надеясь, что никто не войдет и не выйдет, пока он стоит здесь.

Он убрал бумажник.

Нож все еще был в левой руке.

Менее чем через минуту она вернулась, сняла цепочку, открыла дверь и произнесла:

— Входите.

Он шагнул внутрь вслед за ней.

Она закрыла дверь, накинула цепочку, затем повернулась к нему и спросила:

— Какие проблемы...

Двигаясь необычно быстро для такого крупного мужчины, он прижал ее к двери, поднес нож к лицу, перехватил его в правую руку и легонько уколол ее горло острием ножа.

Ее зеленые глаза расширились от страха. Дыхание перехватило, и она даже не могла вскрикнуть.

— Без шума, — свирепо произнес Боллинджер. — Если ты попытаешься позвать на помощь, я воткну этот шип прямо в твое прелестное горлышко. Я забью его в дверь позади твоей шеи. Ты понимаешь?

Она уставилась на него.

— Ты понимаешь?

— Да, — едва слышно произнесла она.

— Ты готова сотрудничать?

Она ничего не отвечала. Ее взгляд скользнул по его глазам, прямому носу, полным губам и волевому подбородку — к руке на рукоятке ножа.

— Если ты не собираешься сотрудничать, — спокойно произнес он, — я насажу тебя на вертел прямо здесь. Я могу пригвоздить тебя к этой чертовой двери. — Его дыхание сделалось тяжелым.

Дрожь прошла по ее телу.

Он ухмыльнулся.

Все еще дрожа, она спросила:

— Что вы хотите?

— Немного. Совсем чуть-чуть. Только немного нежности.

Она закрыла глаза:

— Вы — он?

Тоненькая, едва видимая ниточка крови струилась из-под острого кончика ножа, скользила по шее к воротничку ее яркого красного халата. Он глядел на маленькую струйку крови так, будто он был исследователем, наблюдающим за чрезвычайно редкой бактерией в микроскоп, и, удовлетворенный этим зрелищем, почти завороченно спросил:

— Он? Кто это он? Я не знаю, о ком ты говоришь.

— Вы знаете, — слабо произнесла она.

— Боюсь, что нет.

— Вы — он? — Она прикусила губу. — Тот, кто зарезал всех тех женщин?

Оторвав взгляд от ее горла, он ответил:

— Понимаю. Теперь понимаю. Конечно. Ты имеешь в виду того, кого называют «Мясник». Ты думаешь, я — Мясник?

— Это так?

— Я довольно много читал о нем в «Дейли ньюс». Он перерезает им горло, не так ли? От уха до уха. Я прав? — Он дразнил ее и был чрезвычайно доволен собой. — Иногда он даже потрошит их. Так? Поправь меня, если я не прав. Но именно это он делает иногда, правда?

Она ничего не отвечала.

— Я читал, кажется, в «Дейли ньюс», что он отрезал уши у одной из них. Когда полиция обнаружила жертву, ее уши лежали на ночном столике у кровати.

Ее трясло все сильнее.

— Бедная маленькая Эдна. Ты думаешь, что я — Мясник. Не удивительно, что ты так напугана. — Он слегка похлопал ее по плечу, погладил ее темные волосы, словно успокаивал зверька. — Я бы тоже был напуган до смерти, если бы был сейчас на твоем месте. Но я не на твоем месте, и я не тот парень, которого называют Мясником. Можешь расслабиться.

Она открыла глаза, пытаясь узнать по его глазам, говорил ли он правду.

— Что я за человек, как ты думаешь, Эдна? — спросил он, делая вид, что его могли задеть ее подозрения. — Я не хочу причинять тебе зла, но я сделаю это, если буду вынужден. Я причиню тебе много вреда, если ты не будешь сотрудничать со мной. Но если ты будешь послушной и ласковой с мной, то я буду добр к тебе. Я могу сделать тебя счастливой, и я оставлю тебя такой, какой нашел. Безупречной. Ты безупречна. Совершенная красавица. И твоё дыхание пахнет земляникой. Ты ела, когда я постучал?

— Ты сумасшедший, — мягко произнесла она.

— Теперь, Эдна, давай договоримся.

Он слегка нажал на нож. Слезы заблестели в уголках ее глаз.

— Ты ела землянику?

Она захныкала.

— Итак? — спросил он.
— Вино.
— Что?
— Это было вино.
— Земляничное вино?
— Да.
— Осталось хоть немного?
— Да.
— Я бы выпил.
— Я принесу.
— Я сам принесу, — ответил он. — Но сначала я должен отвести тебя в спальню и связать. Ну-ну, не пугайся. Если я не свяжу тебя, то рано или поздно ты постараться сбежать, и я буду вынужден убить тебя. Поэтому я собираюсь связать тебя для твоего же собственного блага, чтобы ты не вынудила меня причинить тебе зло.
Все еще держа нож у ее горла, он поцеловал ее. Ее губы были холодные, жесткие.
— Пожалуйста, не надо, — еле вымолвила она.
— Расслабься и радуйся жизни, Эдна. — Он развязал пояс на ее талии.
Халат распахнулся. Под ним было обнаженное тело. Он легонько стиснул ее груди.
— Если ты будешь слушаться, то выберешься из этой ситуации. И сможешь получить удовольствие. Я не собираюсь убивать тебя, если ты сама не вынудишь меня. Я не Мясник, Эдна. Я... Я всего-навсего обыкновенный насильник.

2

Грэхем Харрис ощущал смутное беспокойство. Он никак не мог удобно устроиться в своем кресле. Взглянув на стоящие по окружности три телевизионные камеры, он внезапно почувствовал себя окруженным мыслящими и враждебными роботами. Он чуть не засмеялся над этим причудливым представлением. От напряжения у него немного кружилась голова.

— Нервничаете? — спросил Энтони Прайн.
— Немного.
— Не стоит.
— Может быть, не буду во время передачи, но...
— И ни тогда, когда снова выйдем на воздух, — сказал Прайн. — Вы так хорошо держались, — Хотя Прайн был американцем, как и Харрис, он ухитрился выглядеть типичным британским джентльменом: утонченный, худощавый, немного щепетильный, раскованный, образец самоуверенности. Он сидел в кожаном кресле с высокой спинкой, точной копии кресла, в котором Грэхем почувствовал себя так неуютно. — Вы очень интересный гость, мистер Харрис.

— Спасибо. Вы сами интересный человек. Я не представляю, как у вас хватает остроумия пошутить и над собой. Я полагаю, этим вы обязаны жизни на телевидении, все-таки пять вечеров в неделю.

— Но именно это делает жизнь такой волнующей, — сказал Прайн. — Быть свободным, рисковать всем, использовать шанс подурочить всех — вот что дает прилив энергии. Именно поэтому я сомневаюсь, принимать ли одно из многих предложений о выходе этой программы на других каналах. Они бы хотели записать все шоу на пленку и из двухчасовой сделать программу на девяносто минут. Но ведь это уже не то.

Директор программы, грузный мужчина в белом свитере и охотничьих клетчатых брюках, предупредил:

— Двадцать секунд, Тони.
— Расслабься, — обратился Прайн к Харрису. — Минут через пятнадцать все закончится.

Харрис кивнул. Прайн казался дружелюбным, ничем не показывая, что вечер может

оказаться не совсем приятным для Харриса.

Энтони Прайн был хозяином «Полночного Манхэттена», информационной двухчасовой программы, которую выпускали на местной нью-йоркской станции. Подобно другим передачам, «Полночный Манхэттен» представлял актеров и актрис и их последние роли в кино, писателей и их новые книги, политиков и их последние кампании. В ней участвовали также экстрасенсы, психологи и эксперты НЛО. Прайн был верующим. Он был чертовски хорош в своем амплуа, так хорош, что имел возможность получить приглашение компании Эй-Би-Си на работу для общенациональной аудитории. Он не был таким остроумным, как Джони Карсон, или таким домашним, как Майкл Дуглас, но ни один из них не мог задать вопрос лучше него. Почти всегда он казался безмятежным, похожим на Санта-Клауса: совершенно седые волосы, круглое лицо и веселые голубые глаза. Однако порой он мог высмеять гостя, выставить его лжецом или унижить безнравственно поставленными вопросами. Атака длилась не более трех-четырех минут, но она была жестокой и безжалостной, приводившей в изумление.

«Полночный Манхэттен» имел большую и преданную аудиторию благодаря неожиданным вопросам Прайна. Его стиль притягивал зрителя, как кобра. Миллионы людей, проводивших свой досуг перед телевизором, получали большее наслаждение от этого завуалированного насилия, чем от других развлечений. Они смотрели криминальные хроники с избитыми, ограбленными, убитыми людьми, но предпочитали этому неожиданные ходы Прайна, когда он ошарашивал гостя своими вопросами.

Он начинал двадцать пять лет назад как комик в ночном клубе, проделывая старые трюки и подражая голосам известных людей. Он прошел долгий путь.

Директор подал знак Прайну. Красный огонек зажегся на камере.

Обращаясь к своей невидимой аудитории, Прайн произнес:

— Я веду беседу с мистером Грэхемом Харрисом, жителем Манхэттена, который называет себя ясновидцем, или прорицателем. Таково ваше собственное определение этого явления, мистер Харрис?

— Да, — ответил Грэхем. — Однако, когда вы так говорите, это немного отдает религией. Хотя это не так. Я не связываю свое очень чувствительное восприятие ни с Богом, ни с какой-либо другой сверхъестественной силой.

— Как вы говорили раньше, ясновидение явилось результатом травмы головы, которую вы получили в серьезной аварии. Следствием чего стали ваши видения. Если это работа Бога, то его пути более неисповедимы, чем мы думали.

Грэхем улыбнулся:

— Точно.

— Сейчас каждый, кто читает газеты, знает, что вас просили оказать содействие полиции в идентификации человека, которого называют «Мясник». А что с вашим последним делом, убийством сестер Хейвлок в Бостоне? Это весьма интересно. Кстати, расскажите нам об этом.

Грэхем с трудом подвинулся в кресле. Он продолжал ощущать растущее беспокойство, но не мог определить его источник.

— Сестры Хейвлок...

Девятнадцатилетняя Паула и двадцатидвухлетняя Пейдж Хейвлок жили вместе в уютной квартире в Бостоне около университета, где Паула была студенткой, а Пейдж работала над кандидатской диссертацией по социологии. Утром второго ноября Майкл Шот заехал к ним на квартиру, чтобы захватить Пейдж пообедать. Накануне вечером они договорились об этом по телефону. Шот и старшая из сестер Хейвлок любили друг друга, и у него был ключ от их квартиры. Когда никто не отозвался на его звонок, он решил войти и подождать их. Однако он обнаружил, что они дома... Паула и Пейдж были связаны толстым шнуром, изнасилованы и застрелены.

Власти оказались неспособными сделать ни одного решительного шага в расследовании. Поэтому родители убитых девушек обратились за помощью к Грэхему

десятого ноября. Два дня спустя он прибыл в Бостон. Хотя полиция скептически отзывалась о его способностях, а некоторые полицейские были враждебно настроены по отношению к нему, ему позволили посетить опечатанную квартиру и изучить место преступления. Но это не вызывало ни психических видений, ни излучений — только холод скользнул вдоль его позвоночника и свернулся в его желудке. Позже под бдительным оком офицера полиции ему разрешили взять в руки подушку, которую использовал убийца, чтобы заглушить выстрелы, а также пижамы и халаты, найденные около трупов девушек. Как только он прикоснулся к ткани с запекшейся на ней кровью, его необыкновенные способности раскрылись; его мозг стал наполняться видениями, сменяющимися друг друга, подобно порывистым легким волнам, набегающим на берег.

Энтони Прайн перебил Грэхема:

— Подождите минуту. Я думаю, мы должны немного поразмыслить над этим. Вы считаете, что простое прикосновение к окровавленным пижамам вызвало ваши необычные видения?

— Нет. Пижамы стали своего рода ключом, который отомкнул ясновидящую часть моего мозга. Существует определенная связь между почти всеми орудиями убийства и последней одеждой жертвы.

— Почему вы так думаете?

— Я не знаю, — сказал Грэхем.

— Вы никогда не задумывались об этом?

— Я без конца думаю об этом, — произнес Грэхем. — Но я не пришел ни к какому выводу.

Хотя в голосе Прайна не чувствовалось ни малейшей нотки враждебности, Грэхем был почти уверен, что этот человек готовится к началу одной из своих знаменитых атак.

В какой-то момент он подумал, что именно ожидание такой атаки является причиной его беспокойства в течение последних пятнадцати минут. Затем посредством своего шестого чувства он вдруг понял, что несчастье должно случиться с кем-то еще, за пределами этой студии.

— Когда вы дотронулись до пижам, — продолжал Прайн, — вы увидели убитых, как будто они действительно находились перед вами в тот момент?

— Не совсем так. Я видел все действия, они как бы происходили перед моими глазами.

— Что вы подразумеваете под этим? Ваши видения можно расценить как род миража, грезы наяву?

— Что-то в этом роде. Но гораздо более живые, чем грезы. Полные цвета, звука и плоти.

— Вы видели убийцу девушек в своем видении?

— Да, совершенно четко.

— Вы узнали его имя?

— Нет, — ответил Грэхем. — Но я смог дать полиции его точное описание. Ему немногим более тридцати лет, рост под метр восемьдесят, пожалуй, немного полноват. Редящие волосы. Голубые глаза. Тонкий нос, резкие черты лица. Маленькая вишневая родинка на подбородке...

Как оказалось, это было точное описание одного из зрителей дома.

— Вы никогда его прежде не видели?

— Я впервые увидел его мельком в том видении.

— Вы никогда не видели его фотографию?

— Нет.

— Находился ли он под подозрением до того, как вы дали полиции его описание?

— Да. Убийство произошло рано утром в его выходной день. Он клялся, что накануне уехал проводить сестру, это было задолго до того, как девушки Хейвлок были убиты, и сестра подтвердила его показания. Она жила в восьмидесяти километрах от города, и у него практически не было шансов быть на месте преступления.

- Его сестра солгала?
- Да.
- Как вы это доказали?

Держа в руках одежду убитых девушек, Грэхем почувствовал, что убийца явился в дом сестры через два часа после убийства, а не накануне вечером, на чем она настаивала. Он также определил, что оружие — «Смит и vesson-терьер» 32-го калибра — было спрятано в доме сестры, в глубине выдвижного ящика китайского буфета.

Он прибыл вместе со следователем из Бостона и двумя служащими в дом сестры. Столь внезапное появление они объяснили необходимостью задать ей несколько вопросов в связи с новыми фактами в деле. Через десять секунд после того, как они вошли к ней в дом, Грэхем спросил ее, зачем она сказала, что ее брат пришел вечером первого ноября, когда в действительности он появился уже на рассвете второго ноября. Прежде чем она смогла собраться с мыслями и дать вразумительный ответ, он задал следующий вопрос: зачем она спрятала орудие убийства в выдвижной ящик китайского буфета? Потрясенная тем, что ему многое известно, она смогла выдержать только половину вопросов детектива и затем сказала правду.

— Удивительно, — сказал Прайн. — И вы никогда не видели прежде внутреннее убранство ее дома?

— Я никогда не видел этот дом даже снаружи, — заявил Грэхем.

— Почему же она защищала брата, когда узнала, что он виновен в таком страшном преступлении?

— Я не знаю. Я могу видеть то, что случилось, или время от времени те события, которые должны произойти в местах, где я никогда не был. Но я не могу читать мысли. И я не могу объяснить человеческие поступки.

Директор программы подал знак Прайну: пять минут до конца передачи.

Наклонившись к Харрису, Прайн произнес:

— Кто попросил вас помочь поймать человека, которого называют «Мясник»? Родители кого-нибудь из убитых?

— Нет. Один из детективов, ведущих расследование, не так скептически настроенный, как большинство полицейских. Он верит, что я могу делать то, о чем говорю. Он хочет дать мне шанс.

— Вы видели все десять сцен убийств?

— Я видел пять из них.

— И держали одежду жертв?

— Некоторых из них.

Прайн наклонился вперед в своем кресле и заговорщически взглянул на Харриса.

— Что вы можете сказать об этом Мяснике?

— Не очень многое, — ответил Грэхем и нахмурил брови, потому что этот вопрос почему-то вдруг обеспокоил его.

— Это крупный мужчина. Приятной внешности. Молодой. Очень уверенный в себе и уверенный в...

— Сколько вам заплатили? — перебил его Прайн.

Сбитый с толку вопросом, Грэхем спросил:

— За что?

— За помощь полиции, — добавил Прайн.

— Я не получал никакой платы.

— Тогда вы делаете это ради блага общества, да?

— Я делаю это потому, что я должен.

Я вынужден...

— Сколько вам заплатили Хейвлоки?

Он вдруг ясно почувствовал, что Прайн наклонился к нему не с заговорщическим, а с хищным выражением, как зверь, готовый броситься на свою жертву. Его предчувствие

оказалось верным: этот сукин сын выбрал его для ночного бичевания. Но почему?

— Мистер Харрис?

Грэхем на мгновение забыл о камерах, но сейчас же с беспокойством вернулся к действительности:

— Хейвлоки ничего не платили мне.

— Вы уверены в этом?

— Конечно, уверен.

— Вы иногда берете плату за свои услуги, не так ли?

— Нет, я зарабатываю на жизнь тем...

— Шестнадцать месяцев назад был жестоко убит мальчик на Западе. Мы не будем называть город, чтобы не тревожить семью. Его мать обратилась к вам за помощью в поиске убийцы. Я говорил с ней вчера. Она утверждает, что заплатила вам более тысячи долларов, — и после этого вы не смогли найти убийцу.

Что он пытался доказать? Грэхем удивлялся. Он знает, что я далеко не беден. У меня нет нужды пересекать половину страны в надежде получить несколько сотен долларов.

— Прежде всего я сказал им, кто убил ребенка и где они могут найти улики по этому делу. Но ни полиция, ни эта женщина не захотели воспользоваться теми данными, которые я им предоставил.

— Почему они отказались?

— Потому что человек, на которого я указал, как на убийцу ребенка, был из богатой семьи в том городе. Он уважаемый священник и является отчимом убитого мальчика.

По выражению лица Прайна было видно, что женщина не рассказала ему всего. Несмотря на это, он продолжал атаковать. Обычно он ожесточался против гостя только тогда, когда был уверен, что имеет достаточно данных, чтобы загнать противника в угол. Он был далек в своих действиях от совершенства. Однако обыкновенно он не делал ошибок.

— Так она не платила вам тысячу долларов?

— Этими деньгами были оплачены мои расходы: авиабилеты, аренда автомобиля, еда, комната, пока я занимался этим делом.

Улыбаясь, словно нашел то, что давно искал, Прайн спросил:

— Вам обычно оплачивают расходы?

— Естественно. Не следует думать, что я буду разъезжать, тратя тысячи собственных долларов для...

— Хейвлоки тоже заплатили вам?

— Они покрыли мои расходы.

— Но разве не вы только минуту назад заявили нам, что Хейвлоки не заплатили вам ничего?

Раздраженный, Грэхем повторил:

— Они не платили мне. Они только возместили мне...

— Мистер Харрис, простите, если вам показалось, что я обвиняю вас в том, чего вы не делали. Но мне кажется, что человек с такими выдающимися способностями мог бы легко вытягивать тысячи долларов в год у легковых. Конечно, если у них проблемы с совестью.

— Послушайте...

— Когда вы занимаетесь этими исследованиями, вам, значит, оплачивают ваши затраты? — как ни в чем не бывало закончил Прайн.

Грэхем был ошеломлен. Он подвинулся вперед в кресле, чуть наклонившись к Прайну.

— Это возмутительно! — Он отметил про себя, что Прайн откинулся назад и скрестил ноги. Это движение как бы усилило его влияние. Это был умный маневр, который демонстрировал преувеличенность реакции Грэхема. Теперь Грэхем уже очевидно ощутил в нем хищника. Он вдруг почувствовал, что его справедливое негодование выглядело как безнадежная и слабая попытка самозащиты виноватого человека. — Вы же знаете, я не нуждаюсь в деньгах. Я не миллионер, но достаточно обеспечен. Мой отец был преуспевающим издателем. И я получил в наследство существенный капитал. В дальнейшем

я создал свое собственное прибыльное дело.

— Я знаю, вы издаете два дорогих журнала по альпинизму, — сказал на это Прайн. — Но у них маленький тираж. А что касается вашего капитала, я не слышал об этом.

«Он лжет, — подумал Грэхем. — Он скрупулезно готовится к этим программам. Когда я вошел в эту студию, он знал обо мне столько же, сколько я знаю о себе сам. Тогда почему он лжет? Что он выигрывает, когда порочит меня? Что здесь, черт возьми, происходит?»

У женщины зеленые глаза, чистые и прекрасные зеленые глаза, но сейчас они полны ужаса. Она пристально смотрит на лезвие, сверкающее лезвие, крик застрял у нее в груди, и лезвие начинает описывать дугу...

Видение исчезло так же неожиданно, как и пришло, заставив его сильно вздрогнуть. Он знал, что некоторые ясновидящие, включая двух наиболее известных — Питера Харкоса и его друга, датчанина Герарда Кройзета, — могли получать, интерпретировать и распределять психические ощущения и в то же время поддерживать постоянную беседу. Грэхему это удавалось крайне редко. Обычно видения сбивали его с толку. В том случае, когда они касались убийства, он бывал так ошеломлен ими, что терял ощущение реальности. Эти видения были нечто большее, чем интеллектуальное переживание, они оказывали на него сильное эмоциональное и духовное воздействие. На какой-то момент, увидев перед собой зеленоглазую женщину, он не мог полностью отдать себе отчет в том, что его окружало: телевизионная аудитория, студия, камеры, Прайн. Его била дрожь.

— Мистер Харрис? — раздался голос Прайна.

Он оторвал взгляд от своих рук.

— Я задал вам вопрос, — повторил Прайн.

— Извините. Я не слышал его.

Кровь брызжет из ее горла, и ее крик умирает, не родившись, он вынимает лезвие, высоко поднимает и опускает вниз, потом еще со всей силой, вниз, между ее грудями, и он не хмурится, не усмехается, не смеется, как маньяк, он совершает убийство в искусной манере, словно это его профессия, словно это его работа, как будто она не отличается от работы того, кто продает автомобили, моет окна, главное — нужно закончить работу, ударить и разрезать, и капли крови стекают и собираются в лужу... и затем встать и идти домой и спать спокойно с чувством удовлетворения от хорошо сделанной работы...

Грэхема трясло произвольно. Его лицо покрылось каплями пота, он чувствовал себя так, будто сидит в холодной ванне. Его собственная сила пугала его. В момент аварии, в которой он едва не погиб, его не раз пугали многие вещи, но эти видения вызвали сильнейший страх.

— Мистер Харрис? — спросил Прайн. — С вами все в порядке?

Вторая волна впечатлений длилась только три или четыре секунды, хотя и показалась гораздо продолжительней, чем первая. На это время он полностью отключился от студии и от камер.

— Он снова это делает, — тихо сказал Грэхем, — именно сейчас, в эту минуту.

Нахмурившись, Прайн спросил:

— Кто? Делает что?

— Убивает.

— Вы говорите о Мяснике?

Грэхем кивнул и облизнул губы. В горле пересохло, и ему было трудно говорить. Во рту был неприятный металлический привкус.

Прайн оживился. Он повернулся лицом к одной из камер и произнес:

— Запомни, Нью-Йорк, ты услышал и увидел это здесь первым. — Он вновь повернулся к Грэхему и спросил: — Кого он убивает? — В нем неожиданно проснулось дьявольское предчувствие.

— Женщину. Зеленые глаза. Хорошенькая.

— Как ее зовут?

Стекающие струйки пота собирались в уголках глаз Грэхема и застилали их. Он вытер

лоб ладонью и подумал, как глупо он выглядит перед сотнями тысяч тех, кто смотрит на него сейчас.

— Вы можете назвать мне ее имя? — настаивал Прайн.

Эдна... хорошенькая маленькая Эдна... бедная маленькая Эдна...

— Эдна, — ответил Грэхем.

— Второе имя?

— Я не... не вижу его.

— Постарайтесь. Вы должны постараться.

— Может быть... танцовщица.

— Эдна Дансер?

— Я не знаю... может, нет, ...может, Дансер... неверно... может, только, только Эдна...

— Надо узнать это, — сказал Прайн. — Постарайтесь еще. Можете вы сделать это?

— Бесполезно.

— А его имя?

— Дэрил... нет ... Дуайт.

— Как Дуайт Эйзенхауэр?

— Я не уверен, что это действительно его первое имя... и вообще — настоящее, но его так звали... Дуайт... он отзывался.

— Невероятно, — промолвил Прайн, полностью забыв, что несколькими минутами раньше пытался разрушить репутацию гостя.

— Вы видите его другое имя, первое или последнее?

— Нет, но я чувствую... что полиция уже знает его... каким-то образом... и они... они знают его хорошо.

— Вы имеете в виду, что его уже подозревают? — уточнил Прайн. Казалось, что камеры придвинулись ближе.

Грэхему хотелось, чтобы они удалились, чтобы исчез Прайн. Лучше бы он не приходил сюда этим вечером. Но более всего он желал, чтобы ушла его ясновидящая сила, исчезла глубоко в мозгу, ушла туда, откуда явилась после аварии.

— Я не знаю, — ответил Грэхем. — Я полагаю... он должен быть под подозрением. Но в любом случае... они знают его. Они... — он вздрогнул.

— Что такое? — спросил Прайн.

— Эдна...

— Ну?

— Она умерла сейчас.

Грэхем почувствовал себя так, словно он заболевает.

— Где это случилось? — продолжал Прайн.

Грэхем откинулся назад в кресло, стараясь сохранить контроль над собой. Он ощущал себя так, будто он оказался на месте Эдны и что нож только что вонзился в него.

— Где она была убита? — настаивал Прайн.

— В своей квартире.

— Какой адрес?

— Я не знаю.

— Вот если бы полиция могла прибыть туда вовремя...

— Я потерял картину, — сказал Грэхем. — Она ушла. Я сожалею. — Он ощутил холод и пустоту внутри.

3

Около двух часов дня после совещания с директором Энтони Прайн покинул студию, спустился в холл и прошел в свою комнату, которая служила ему офисом и гардеробной, а иногда и домом. В комнате он прошел прямо к бару, положил два кубика льда в стакан и взял бутылку коньяка.

Его менеджер и партнер по бизнесу Пол Стивенсон сидел на банкетке. Он носил дорогую модную одежду. Прайн любил элегантно одеваться и ценил это качество в других мужчинах. Проблема состояла в том, что Стивенсон всегда портил эффект от своего костюма какой-нибудь эксцентричной деталью. Сегодня на нем был прекрасный итальянский серый шерстяной костюм с темно-синей шелковой подкладкой, светло-голубая рубашка, каштановый галстук, черные туфли из крокодиловой кожи... и ярко-розовые носки с зелеными стрелками по бокам, как тараканы на свадебном торте.

Стивенсон был отличным деловым партнером по двум причинам: у него были деньги и он выполнял то, что обещал. Прайн питал большое уважение к доллару. И он не допускал мысли о том, что кто-то, пользуясь своим опытом, умом или правом, мог указывать ему, что он должен делать.

— Лично мне никто не звонил? — спросил Прайн.

— Нет, никто.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Ты все время был здесь?

— Смотрел программу по телевизору, — ответил Стивенсон.

— Я жду звонка.

— Сожалею, но звонков не было.

Прайн нахмурился.

— Ужасная программа, — сказал Стивенсон.

— Только первые тридцать минут. После Харриса другие гости выглядели глупее, чем они на самом деле. Были звонки от зрителей?

— Около сотни, все благоприятные. Ты веришь, что он действительно видел происходящее убийство?

— Ты слышал детали, которые он описал? Цвет ее глаз? Ее имя? Он убедил меня.

— Пока жертва не будет найдена, ты не узнаешь, точны ли были детали.

— Они были точными, — произнес Прайн. Он допил свой коньяк и вновь наполнил стакан. Он мог выпить изрядное количество виски и не опьянеть. Ел он также невероятно много, но не полнел. Он постоянно был охоч до молоденьких хорошеньких женщин и обычно забирался в постель с двумя сразу. Он был не просто мужчиной средних лет, безуспешно пытающимся продлить свою молодость. Ему жизненно необходимы были виски, еда и женщины — и все это в огромных дозах. Большую часть своей жизни он боролся со скукой, глубокой и постоянной обыденностью, царившей в окружающем мире. Энергично шагая и потягивая свой коньяк, он произнес:

— Зеленоглазая женщина по имени Эдна... Он прав. Мы прочтем об этом уже в завтрашних газетах.

— Ты не можешь знать...

— Если бы ты сидел рядом с ним, Пол, у тебя не было бы сомнений в этом.

— Но не странно ли, что его видения появились тогда, когда ты пытался уличить его?

— Уличить в чем?

— Ну... в том, что он брал деньги.

— Если даже он когда-либо и получил больше денег, чем просто компенсация его расходов по работе, то у меня нет доказательств, — сказал Прайн.

Сбитый с толку, Стивенсон спросил:

— Тогда почему ты занимался им?

— Я хотел сломать его, представить лепечущим, незащитным дураком, — улыбнулся Прайн.

— Но если он не был виновен...

— Он виновен в другом.

— В чем?

— Ты узнаешь об этом.

Стивенсон вздохнул:

— Ты наслаждаешься унижением тех, кого приглашаешь на телевидение.

— Конечно.

— Но почему?

— А почему бы и нет?

— Это дает чувство власти?

— Не совсем, — откликнулся Прайн. — Я наслаждаюсь тем, чтоставляю их дураками — политиков, священников, поэтов, философов, бизнесменов, генералов и адмиралов. Большинство людей — глупцы. Я показываю сидящим у телевизоров, что их лидеры такие же тупоумные, как и они сами, — он отхлебнул немного коньяку. Когда он снова заговорил, его голос стал жестче: — Может, когда-нибудь все эти идиоты перегрызут друг другу глотки и оставят мир тем немногим из нас, кто может оценить его.

— О чем ты говоришь?

— Разве я говорю не по-английски?

— Ты говоришь с такой злобой.

— У меня есть на это право.

— У тебя? После твоего успеха?

— Ты не пьешь, Пол?

— Нет. Тони, я не понимаю...

— Я думаю, тебе следует выпить.

Стивенсон чувствовал, когда следует поменять тему.

— Я действительно не хочу пить.

— Ты когда-нибудь был вдрызг пьян?

— Нет. Я не любитель выпивать.

— Ты когда-нибудь занимался любовью с двумя девицами сразу?

— А зачем мне все это нужно?

— Ты не берешь от жизни все, что должен, — сказал Прайн. — Ты не набираешься опыта. У тебя нет достаточной свободы. Это единственный твой недостаток, Пол, правда, еще — твои носки.

Стивенсон посмотрел на свои носки:

— А что не так с моими носками?

Прайн отошел к окну. Он смотрел не на сверкающие огни города, а на их отражение в стакане. Он подмигнул себе. Он чувствовал себя великолепно. Намного лучше, чем раньше, и все благодаря Харрису. Ясновидящий привнес некоторое волнение и чувство опасности в его жизнь, новую цель и интерес. Хотя Грэхем Харрис еще не знал этого, но он стал главной целью в карьере Прайна.

«Мы раздавим его, — счастливо подумал Прайн, — сотрем с лица земли». Он повернулся к Стивенсону:

— А ты уверен, что никто не звонил? Мне должны были позвонить.

— Нет. Никто.

— Может, ты выходил отсюда на минутку?

— Тони, я не дурак. Поверь мне. Я был здесь все время, и тебе никто не звонил.

Прайн осушил свой второй стакан коньяку. Он обжег ему горло. Долгожданное и приятное тепло разливалось по телу.

— Почему бы тебе не выпить со мной?

Стивенсон встал и потянулся:

— Нет. Я уже должен идти.

Прайн подошел к бару.

— Ты пьешь коньяк чересчур быстро, Тони.

— У меня праздник, — сказал Прайн и добавил в свой стакан льду и коньяку.

— В честь чего?

— В честь еще одного развенчанного дурака.

Конни Девис ждала Грэхема в их квартире на Гринвич-Виллидж, когда он пришел домой. Она взяла у него пальто и повесила в шкаф.

Она была хорошенькой. Тридцати четырех лет. Изящная. Брюнетка. Серые глаза. Прямой нос. Полные губы. Эффектная.

Она владела небольшим доходным антикварным магазином на Десятой улице. В бизнесе она крепко стояла на ногах.

Последние восемнадцать месяцев она и Грэхем жили вместе. Их отношения были полны искренней любовью, какой до сих пор не знал ни один из них.

Это было даже нечто большее, чем любовь. Она была не только его любовницей, но и хорошим доктором, сиделкой. После несчастного случая пять лет назад он потерял веру в себя. Его самоуважение год за годом постепенно ослабевало. Она была здесь, чтобы помогать ему, лечить его. Она была не совсем уверена, что он до конца осознавал это, но она видела в этом самую важную задачу своей жизни.

— Где ты был? — спросила она. — Уже два тридцать.

— Мне нужно было подумать. Я шел пешком. Ты смотрела программу?

— Мы поговорим об этом. Прежде всего нужно согреться.

— Согласен. На улице, наверное, минус двадцать.

— Иди в кабинет и садись. Расслабься, — сказала она. — Я разожгла там камин. Сейчас принесу тебе выпить.

— Бренди?

— Что еще такой ночью?

— Ты почти совершенство!

— Почти?!

— Должен ли я считать тебя вообще семи пядей во лбу?

— Я слишком совершенна, чтобы быть нескромной.

Он рассмеялся.

Она повернулась и прошла к бару в дальнем углу гостиной.

Шестым чувством она ощутила, как он провожал ее взглядом, пока она не вышла из комнаты.

Хорошо. Все шло по плану. Он не мог не посмотреть на нее. На ней был облегающий белый свитер и тугие синие джинсы, подчеркивавшие ее талию и округлый зад. Если бы он не посмотрел на нее, она бы почувствовала разочарование. После всего, что произошло сегодня вечером, ему нужна была она. Прикосновение. Поцелуй. Любовь. И она хотела — даже больше, чем хотела, стремилась дать ему это.

Она не только вновь входила в свою роль Матери-Земли. Без сомнения, насколько она стремилась завладеть своим мужчиной, настолько же она хотела принадлежать ему, быть предельно любящей и понимающей, одновременно быть зависимой, несмотря на свою гордость. В отличие от прошлого она хотела зависеть от Грэхема так сильно, как и он зависел от нее. Она желала получить так же много, как и отдавала. Он был первый мужчина, которого она когда-либо удовлетворяла до такой степени. Она хотела заниматься любовью с ним, чтобы успокоить его, но она также хотела успокоиться и сама. У нее всегда были сильные, здоровые сексуальные партнеры, но Грэхем внес новое и острое ощущение в ее страсть.

Она принесла стакан с бренди в комнату, села рядом с ним на софу.

Какой-то момент он молчал, продолжая смотреть на огонь, потом спросил:

— Почему такой допрос? Какой он был после?

— Прайн?

— Кто же еще?

— Ты же смотрел его программы довольно часто. Ты знаешь, какой он.

— Но у него обычно были причины для своих атак. И у него были всегда

доказательства того, о чем он говорит.

— Ну, в конце концов ты заткнул его своими видениями десятого убийства.

— Они были настоящими, — произнес он.

— Я знаю.

— Это было так явственно... как будто я был прямо там.

— Кровавое убийство?

— Одно из самых жутких. Я видел... он вонзил нож ей прямо в горло и затем повернул его. — Он быстро отхлебнул бренди.

Она наклонилась к нему, поцеловала в щеку.

— Я не могу представить этого Мясника, — сказал он с беспокойством. — Мне никогда не было так трудно воссоздать образ убийцы.

— Ты определил его имя?

— Возможно. Дуайт... Но я не совсем уверен.

— Ты дал полиции довольно полное его описание.

— Но я не могу получить еще больше сведений о нем, — сказал он. — Когда видения начинаются, я пытаюсь сконцентрироваться на образе этого человека, этого Мясника. Но все, что я получаю, это волны... зла. Ни болезни, ни проявлений нездорового мозга. Только всеобъемлющее зло. Я не знаю, как объяснить это, но Мясник не сумасшедший в традиционном понимании. Он не убивает в маниакальном неистовстве.

— Он совершил девять зверских убийств женщин, — сказала Конни. — Десять, если ты считаешь и то, которого еще не обнаружили. Он отрезает им уши, пальцы. Иногда вырезает внутренности своих жертв. И ты говоришь, что он не сумасшедший?!

— Он не сумасшедший в том смысле, какой мы вкладываем в это слово. Ручаюсь головой.

— Может, ты не чувствуешь нездоровые проявления его мозга, потому что он не знает, что болен. Амнезия...

— Нет. Не амнезия. Не шизофрения. Он прекрасно отдает себе отчет в убийствах. Он не Джекил и не Хайд. Держу пари, что он пройдет любые психиатрические обследования и тесты с прекрасным результатом. Это трудно объяснить, но у меня такое чувство, что если он и сумасшедший, то это какой-то новый тип сумасшествия. Мне еще не встречалось ничего подобного. Я думаю... черт возьми, я знаю, что он нисколько не волнуется, когда убивает этих женщин. Он просто методичен.

— Ты меня совсем запугал.

— Тебя? У меня такое чувство, словно я побывал в его шкуре, и это мне страшно.

Уголек треснул в камине.

Она взяла его за руку:

— Давай не будем говорить о Прайне или убийствах.

— Как я могу не говорить о них после сегодняшнего вечера?

— Ты прекрасно смотрелся на экране, — сказала она, стараясь отвлечь его от этой темы.

— Да уж, прекрасно. Покрытый потом, бледный и трясущийся.

— Не во время видений, перед ними. Ты очень подходишь для телевидения, даже для кино. Тип мужчины-лидера.

Грэхем Харрис был красив. Густые светло-русые волосы. Голубые глаза. Волевые черты лица. Жесткая кожа с резко прочерченными морщинами, которые оставили долгие годы странствий. Невысокий, худощавый и крепкий. Ему было тридцать восемь, но у него еще проглядывали мальчишеские черты.

— Тип мужчины-лидера?! — произнес он и улыбнулся ей. — Может, ты и права. Что, если я оставлю издательское дело и весь этот грязный психический материал и пойду в кино?

— Будет еще один Роберт Редфорд.

— Роберт Редфорд? Я думал, может, еще Борис Карлофф.

— Редфорд, — настаивала она.

— Подумаем над этим. Карлофф довольно элегантно выглядит без грима. Может, я постараюсь быть как Уоллас Бэри?

— Если ты Уоллас Бэри, то я и Мэри Дресслер.

— Привет, Мэри!

— У тебя действительно комплекс неполноценности или ты культивируешь его как часть своего обаяния?

Он усмехнулся, затем отхлебнул бренди:

— Помнишь тот фильм о морячке Энни с Бэри и Дресслер? Ты думаешь, Энни когда-нибудь спала со своим мужем?

— Уверена!

— Они всегда ссорились. Он лгал ей по любому поводу — и большую часть времени бывал пьян.

— Но по-своему они любили друг друга, — заметила Конни. — Вряд ли они могли бы состоять в браке с кем-нибудь еще.

— Я удивляюсь, как это им нравилось. Он был такой слабый мужчина, а она такая сильная женщина.

— Вспомни, он иногда бывал сильным, в конце фильма, например.

— Что же в этом хорошего для нас?

— Ему следовало быть сильным с самого начала. Он недостаточно уважал себя сам... — Грэхем смотрел на огонь. Он вертел стакан с бренди.

— А что ты скажешь об Уильяме Пауэлле и Мирне Лой? — спросила она. — Они оба сильные. Я знаю, кем мы можем быть. Ник и Нора Чарлз.

— Мне всегда нравилась их собака Аста. Вот это замечательная роль.

— Как ты думаешь, Ник и Нора занимались любовью? — поинтересовалась она.

— Страстно.

— И весело.

— С разными фокусами.

— Именно. — Она взяла у него стакан с бренди и поставила на камин, рядом со своим. Она легко поцеловала его, коснувшись языком его губ. — Полагаю, мы могли бы сыграть Ника и Нору.

— Не знаю. Довольно сложно заниматься любовью и одновременно быть остроумным.

Она села к нему на колени. Обняла его, крепко поцеловала и улыбнулась, когда его рука скользнула к ней под свитер.

— Нора? — прошептал он.

— Да, Ники?

— Где же Аста?

— Я уложила ее спать.

— Как бы нам ее не разбудить.

— Она спит.

— Мы можем травмировать собачку, если она увидит...

— Я уверена, что она спит.

— Да?

— Я дала ей снотворного.

— Какая сообразительная!

— А сейчас и мы уже в постели.

— Очень сообразительная.

— С прекрасным телом, — добавила она.

— Да, ты соблазнительна.

— Правда?

— О да.

— Тогда соблазняйся.

— С удовольствием.

— Надеюсь, так и будет!

5

Спустя час он крепко заснул, а Конни не спалось. Она лежала на боку, изучая его лицо в мягком свете ночника.

Его опыт, переживания нашли отражение в его чертах. Четко выделялась его выносливость, хотя просматривались и мальчишеские черты. Доброта. Интеллигентность. Юмор. Чувственность. Он был очень добрым человеком. Но так же четко прослеживался страх, страх поражения и все его ужасные последствия.

В свои двадцать, а затем и тридцать лет Грэхем был одним из лучших альпинистов мира. Он жил ради вертикальных подъемов, риска и победы. Ничто в его жизни не имело большего значения. Он стал активно заниматься альпинизмом с тринадцати лет. Год за годом он поднимался все выше и ставил перед собой все более сложные задачи. В двадцать шесть лет он организовывал партии для восхождения на труднодоступные вершины в Европе, Азии и Южной Америке. Когда ему исполнилось тридцать, он возглавил экспедицию на южный склон Эвереста. Они поднялись на западный хребет, пересекли гору и спустились по южному склону. В тридцать один год он взялся покорить гору Айгер Директ и, как принято в Альпах, в одиночку, преодолел страшную отвесную скалу без страховки. Его достижения, мужественная красота, остроумие, репутация Казановы (все это преувеличенное как друзьями, так и прессой) сделали его наиболее колоритной и популярной личностью в альпинизме в то время.

Пять лет назад, когда оставалось всего несколько не покоренных им вершин, он собрал команду для восхождения по самому опасному, роковому для многих, юго-западному склону Эвереста. Этот маршрут еще никогда не был пройден до вершины. Пройдя две трети подъема, он сорвался, поломав при этом шестнадцать костей и получив множество внутренних ушибов. Ему была оказана первая помощь в Непале. Затем с доктором и двумя друзьями его доставили самолетом в Европу, где было сделано все возможное для его спасения. Вместо празднования еще одного своего успеха он провел семь месяцев в частной клинике в Швейцарии. Он покинул ее, хотя лечение еще не было закончено. Этот Голиаф не был покорен, он оставил предупреждение нашему Давиду: Грэхем хромал.

Доктора сказали ему, что он может совершать восхождения на несложные скалы и хребты для собственного развлечения, если захочет. При достаточной практике он мог бы даже частично восстановить функции своей искалеченной правой ноги и затем уже преодолевать более сложные вершины. Но не Айгер и не Эверест. Ведь существуют сотни скал, которые могли бы представлять интерес для него.

Вначале он был убежден, что сможет вернуться на Эверест через год. Три раза он пытался подняться, и три раза его охватывала паника на первой сотне футов подъема. Вынужденный отступать даже перед менее сложными вершинами, он быстро понял, что Эверест или что-то подобное ему обречут его на смерть.

С течением времени этот страх претерпел изменения, увеличился и разросся как грибок. Его страх перед восхождением стал всеобщим страхом, затронувшим все аспекты его жизни. Он опасался, что его наследство может быть потеряно из-за неправильного вложения денег. И стал следить за рынком ценных бумаг и капитала с нервным интересом, буквально доставая своего брокера. Он начал публиковать небольшим тиражом три дорогих журнала по альпинизму, чтобы защитить себя от провала на рынке. И хотя журналы давали неплохую прибыль, он периодически опасался их краха. Его преследовала боязнь рака, он видел его признаки в простуде, гриппе, головной боли, приступах диспепсии кишечника. Появившееся ясновидение страшило его. Иногда страх вторгался между ним и Конни в самые интимные моменты, лишая его силы.

Нередко он впадал в депрессию, и в течение нескольких дней у него, казалось, не было ни сил, ни желания, чтобы выйти из этого состояния. Две недели назад он был свидетелем

хулиганства. Слышал крики о помощи — и ушел прочь. Пять лет назад он ринулся бы на защиту без малейшего колебания. Он пришел домой и рассказал Конни о хулиганстве; он унижал, обзывал себя и спорил с ней, когда она пыталась оправдать его. Она боялась, что он может почувствовать отвращение к себе, ибо знала: мужчин типа Грэхема такое поведение могло привести к сумасшествию.

Конни испытывала недостаток квалификации, чтобы помочь ему. Из-за своей сильной воли, противоречий и самоуверенной натуры она приносила больше вреда, чем добра, своим прежним любовникам. Она никогда не думала о себе как об эмансипированной женщине, она просто была, начиная с сознательного возраста, умнее и самонадеяннее большинства мужчин, окружавших ее. В прошлом ее любовники уступали ей в эмоциональном и интеллектуальном уровне. Некоторые мужчины склонны считать женщину низшим существом. Она едва не сломала человека, с которым жила до Грэхема, только тем, что отстаивала свое равенство и, по его мнению, сводила на нет его мужскую роль.

Состояние Грэхема было неустойчиво, и она должна была изменить свою личность. Это стоило напряжения и усилий. Ведь она знала этого человека таким, каким он был до несчастного случая. Она хотела разрушить его оболочку страха и вызволить прежнего Грэхема Харриса. Он был именно тем человеком, которого она так долго искала: человеком, который был равен ей, и которого не устрасит женщина, равная ему. Поэтому, пытаясь вернуть к жизни прежнего Грэхема, она должна была быть осторожной и терпеливой.

Ведь настоящего Грэхема очень легко разрушить.

Порыв ветра ударил в окно.

Несмотря на то что она была под одеялом, она вздрогнула.

Зазвонил телефон.

Она испуганно отодвинулась от Грэхема, звонок был очень резким. Как крик, отозвавшийся эхом в комнате. Она быстро подняла трубку, чтобы не разбудить его.

— Да, — тихо произнесла она.

— Мистера Харриса, пожалуйста.

— Кто звонит?

— Айра Предуцки.

— Очень жаль, но я...

— Детектив Предуцки.

— Сейчас четыре утра, — сказала она.

— Я извиняюсь. Действительно. Мне очень жаль. Искренне. Если я разбудил вас... это ужасно с моей стороны, но, видите ли, он хотел, чтобы я немедленно позвонил ему, если мы найдем новые факты в деле Мясника.

— Минуточку, — она посмотрела на Грэхема.

Он проснулся и смотрел на нее.

— Предуцки, — сказала она.

Он взял трубку.

— Харрис слушает.

Минуту спустя, когда он закончил разговор, она положила трубку.

— Они нашли номер десять?

— Да.

— Как ее имя? — спросила Конни.

— Эдна. Эдна Маури.

6

Постельное белье было залито кровью. На ковре справа от кровати темнело пятно, похожее на кровавую кляксу. Высохшие кровавые разводы виднелись на стене позади прикроватной тумбочки.

Трое экспертов-полицейских работали в комнате под руководством следователя. Двое

опустились на корточки перед кроватью. Третий пытался найти отпечатки пальцев на запыленном ночнике, хотя наверняка знал, что вряд ли что-нибудь найдет. Это была работа Мясника, а тот всегда носит перчатки. Следователь вычерчивал траекторию кровавых пятен на стене, чтобы установить, был ли убийца левшой или действовал правой рукой.

— Где тело? — спросил Грэхем.

— Я очень сожалею, но тело увезли в морг десять минут назад, — ответил детектив Предуцки так, словно он вдруг почувствовал ответственность за некую непростительную оплошность в своих действиях. У Грэхема мелькнула мысль, не являлась ли вся жизнь Предуцки сплошным оправданием. Детектив быстро принимал ответственность за все и считал себя виноватым, даже если он вел себя безупречно. Это был человек неопределенного вида со слабенькой комплекцией и светло-кариими глазами. Несмотря на столь невыразительную внешность и видимость комплекса неполноценности, он являлся одним из наиболее уважаемых членов манхэттенского отдела по расследованию убийств. Большинство из коллег детектива дали понять Грэхему, что он работает с лучшим из них. Айра Предуцки был выдающейся личностью в департаменте.

— Я задерживал «скорую» как можно дольше. Однако у вас ушло много времени, чтобы добраться сюда. Конечно, я поднял вас среди ночи. Но я был вынужден сделать это. Затем вы, вероятно, вызвали такси и прождали его долго. Очень сожалею. Возможно, я все испортил. Мне бы следовало оставить тело здесь немного дольше. Я понимаю, вам хотелось бы видеть его там, где оно было обнаружено.

— Это не имеет значения, — сказал Грэхем. — Мысленно я уже видел ее.

— Конечно, — сказал Предуцки, — я видел вас в программе Прайна.

— У нее были зеленые глаза, да?

— Точно такие, как вы сказали.

— Ее нашли раздетой?

— Да.

— На ней было много ножевых ран?

— И это так.

— И жуткая зверская рана в горле?

— Все верно.

— Он изуродовал ее тело?

— Да.

— Как?

— Страшно, — ответил Предуцки. — Я полагаю, мне не следовало рассказывать вам, потому что ужасно даже слышать об этом. — Предуцки сжал пальцы. — Он вырезал кусок ее живота. Вырвал, как пробку, с пупком в середине. Жуть...

Грэхем закрыл глаза и содрогнулся. Эта...

Пробка... Он начал покрываться испариной, ему стало плохо. У него не было видения, только сильное ощущение случившегося, предчувствие, от которого трудно избавиться.

— Он вложил этот кусок... в ее правую руку и сжал ее пальцы.

— Вот здесь вы обнаружили тело?

— Да.

Следователь отвернулся от окровавленных пятен на стене и с любопытством взглянул на Грэхема. «Не надо так смотреть на меня, — подумал Грэхем. — Я не хочу знать об этом».

Он бы наслаждался своим ясновидением, если бы оно позволяло ему предсказать резкое повышение цен на рынке, а не последствия маниакального насилия. Он предпочел бы угадывать имена выигравших на скачках лошадей, а не имена жертв убийств.

Если бы он мог управлять своим даром... Но это было невозможно, и он чувствовал свою ответственность за развитие и применение своего природного дара. Он верил, возможно, подсознательно, что, делая так, он хотел бы частично компенсировать тот страх, который окружал его последние пять лет.

— Что вы думаете о надписи, которую он нам оставил? — спросил Предуцки.

На стене за туалетным столиком были строки стихов, написанные кровью:
Ринта рычит, мечет молнии в небе нависшем;
Алчные тучи клокочут в пучине¹.

— Есть какая-нибудь идея, что это значит? — спросил Предуцки.

— Боюсь, что нет.

— Узнаете поэта?

— Нет.

— И я тоже. — Предуцки печально покачал головой. — У меня нет хорошего образования, только год колледжа. У меня не было средств. Я читаю много, но непрочитанного еще больше. Если бы я был более образованным, может быть, я бы знал, чьи эти стихи. Но я должен знать. Если Мясник тратит время, чтобы написать их, значит, это что-то важное. Это нить. Какой я к черту детектив, если я не могу ухватиться за такую четкую нить, как эта. — Он снова покачал головой, явно недовольный собой. — Плохо. Очень плохо!

— Может быть, это его собственные стихи, — произнес Грэхем.

— Мясника?!

— Возможно.

— Поэт-убийца? Т. С. Элиот с ножом за пазухой? — Грэхем пожал плечами.

— Нет, — сказал Предуцки. — Человек обычно совершает преступление, потому что это единственный способ, которым он может дать выход своей ярости. Кровопролитие снимает напряжение, накопившееся в нем. А поэт может выразить свои чувства словами. Нет. Как бы там ни было, здесь есть над чем подумать. — Предуцки изучал надпись кровью минуту-другую, потом повернулся и подошел к двери спальни, она была приоткрыта. Он закрыл ее. — Здесь еще одна надпись.

На задней стороне двери кровью убитой были выведены три слова: нить над бездной.

— Он когда-нибудь оставлял что-то подобное раньше? — спросил Грэхем.

— Нет. Я бы сказал вам об этом. Но это встречается в преступлениях такого типа. Некоторым психопатам нравится оставлять сообщение тем, кто находит труп. Джек-Потрошитель писал записочки полиции. Семейка Мэнсона выводила каракули кровью где-нибудь на стенах. А тут: нить над бездной. Что он этим пытается нам сказать?

— Эти слова из той же поэмы, что и другие? У меня нет подходящей идеи. — Предуцки вздохнул, засунув руки в карманы. Он выглядел озабоченным. — Интересно, смогу ли я когда-нибудь схватить его?

* * *

Жилая комната к квартире Эдны Маури была небольшой, но не скромной. Мягкое освещение заливало, все янтарным светом. Золотистые вельветовые занавески, стены отделаны светло-коричневым материалом, напоминавшим джут. Пушистый коричневый ковер. Велюровая бежевая софа. Пара одинаковых кресел. Тяжелый стеклянный столик для кофе с латунными ножками. Полки из стекла и хрома, заполненные книгами и статуэтками. Дешевые издания некоторых известных современных авторов. Все было подобрано со вкусом, удобно и дорого. По просьбе Предуцки Грэхем сел в одно из кресел.

Сара Пайпер сидела на краю софы. Она выглядела так же шикарно, как и комната. На ней был трикотажный брючный костюм темно-голубого цвета с зеленой отделкой, золотые сережки и элегантные часы, маленькие, как полдоллара. Ей было не больше двадцати пяти. Эффектная стройная блондинка, уверенная в себе.

Она плакала. Об этом говорили ее припухшие и покрасневшие глаза. Сейчас она взяла себя в руки.

— Мы уже обо всем говорили здесь, — вымолвила она. Предуцки сидел около нее на кушетке.

— Я знаю, — сказал он. — И я извиняюсь. Действительно уже поздно. Но всегда

¹ Перев. С. Степанова.

найдется то, что можно извлечь из разговора, задавая одни и те же вопросы два, а то и три раза. Вам кажется, что вы рассказали мне все. Но, возможно, вы что-то упустили. Бог знает, я частенько что-нибудь пересматриваю. Вам могут показаться излишними эти вопросы, но это мой стиль работы. Я сортирую факты снова и снова, чтобы убедиться в том, что я был прав. Я не горжусь этим. Просто я так работаю. Другие детективы могут узнать все необходимое для себя из одного разговора. Но боюсь, я не из таких. Вам не повезло, что сигнал поступил в мое дежурство. Наберитесь терпения. Я приложу все усилия, чтобы позволить вам уйти домой немного раньше. Я обещаю.

Женщина взглянула на Грэхема и наклонила голову, будто говоря: вы смеетесь надо мной?!

Грэхем улыбнулся.

— Сколько времени вы были знакомы... с покойной? — спросил Предуцки.

— Около года, — ответила она.

— Как хорошо вы знали ее?

— Она была моей лучшей подругой.

— Как вы думаете, она тоже считала вас своей лучшей подругой?

— Естественно. Я ведь была единственной ее подругой.

Брови Предуцки приподнялись.

— Она трудно сходилась с людьми?

— Да нет. Она нравилась людям, — ответила Сара. — Что могло в ней не нравиться? Она только не становилась другом запросто. Она была спокойной девушкой, держалась скромно.

— Где встретились с ней?

— На работе.

— Где вы работаете?

— Вы знаете где. В клубе «Горный хрусталь».

— И что она там делала?

— Вы знаете это тоже.

Кивнув головой, Предуцки коснулся ее колена и в строгой отеческой манере произнес:

— Совершенно верно. Я знаю это. Но видите ли, мистер Харрис не знает. Я не позаботился о том, чтобы сообщить ему. Мое упущение. Извините, вы не могли бы сказать об этом и ему?

Она повернулась к Грэхему:

— Эдна занималась стриптизом, как и я.

— Мне знаком клуб «Горный хрусталь», — произнес Грэхем.

— Вы бывали там? — спросил Предуцки.

— Нет. Но я знаю, что это клуб высшего разряда, не то что большинство стриптиз-клубов.

В один момент светло-карие глаза Предуцки сузились. Он пристально посмотрел на Грэхема.

— Эдна Маури была танцовщицей из стриптиза. Вам что-нибудь это говорит?

Он совершенно точно знал, о чем детектив думает. Ведь в программе Прайна он уже сказал, что имя жертвы может быть Эдна-танцовщица. Он был не прав, но он также и не ошибся полностью. Ее звали Маури, она зарабатывала на жизнь тем, что была танцовщицей. Со слов Сары Пайпер, Эдна пришла на работу в пять часов накануне вечером. Она выступала в десятиминутных представлениях дважды в час в продолжение семи часов, снимая детали одежды, пока не оказывалась совершенно голой. Между выступлениями, одетая в черное вечернее платье с разрезами, она подходила к посетителям, преимущественно мужчинам, сидящим по одному или группами, разносила напитки в сдержанной и элегантной манере, которая соответствовала их статусу девушек из стриптиз-шоу. Она закончила свое последнее выступление без двадцати двенадцать и покинула «Горный хрусталь» не позднее, чем через пять минут.

— Вы думаете, она пошла прямо домой? — спросил Предуцки.

— Она всегда так делала, — ответила Сара. — Ей никогда не хотелось прогуляться или повеселиться. Выступление в клубе «Горный хрусталь» — это вся ночная жизнь, которую она была в состоянии вынести. Кто может обвинить ее? — Ее голос дрогнул, как будто она снова была готова расплакаться. Предуцки взял ее руку и легонько пожал. Она позволила ему задержать свою руку, и казалось, что это доставляло ему невинное удовольствие.

— Вы танцевали в последнем вечере?

— Да. До полуночи.

— Когда вы сюда пришли?

— Без пятнадцати три.

— Почему вы оказались здесь в столь поздний час?

— Эдна любила читать всю ночь напролет. Она не ложилась спать до восьми-девяти утра. Я сказала ей, что забегу позавтракать и поболтать. Я часто так делала.

— Вы, возможно, говорили мне, — на лице Предуцки было написано затруднение, извинения, неуверенность, — я извиняюсь, решето в голове, говорили ли вы мне о том, почему вы не пришли в полночь, как только закончили работу?

— Я была на свидании, — ответила она.

Грэхем мог сказать по выражению ее лица и тону голоса, что свидание у нее было с богатым клиентом, его это немного задело. Она ему уже нравилась. Он не мог ей помочь, но она ему нравилась. Он ощущал слабые волны ее психической вибрации. Это были положительные мягкие и томные импульсы. Она была хорошим человеком. Он чувствовал это. И желал только самого хорошего для нее.

— У Эдны было свидание этой ночью? — спросил Предуцки.

— Нет. Я говорила вам. Она пошла прямо домой.

— Может быть, ее ждал дружок?

— У нее не было дружка.

— Возможно, один из старых приятелей остановился поговорить с ней?

— Нет. Когда Эдну останавливал парень, он оставался с носом.

Предуцки вздохнул, сжал пальцами переносицу и уныло покачал головой.

— Я испытываю неловкость, спрашивая об этом... Но вы были ее лучшей подругой. Вот о чем собираюсь спросить — пожалуйста, поймите, у меня и в мыслях нет, чтобы как-нибудь унижить ее. Жизнь жестока. Мы все когда-нибудь делаем то, чего не хотели бы делать. И я, кстати, не могу гордиться каждым прожитым днем. Бог знает, не судите строго. Это моя обязанность. Только одному преступлению я не могу найти объяснение. Убийству. Я действительно испытываю неловкость, спрашивая об этом... Ладно, была ли она... Как вы думаете, она когда-нибудь...

— Была ли она проституткой? — спросила его Сара.

— О, я не хотел бы таким образом! Это так беспардонно... Я действительно подразумевал...

— Не беспокойтесь, — сказала она, с мягкой улыбкой на губах, — я не обиделась.

Грэхема позабавило видеть, как она пожимает руку детектива. Теперь она успокаивала Предуцки.

— Я иногда сбиваюсь с пути, — сказала Сара. — Нечасто, может, раз в неделю. Я занималась любовью с парнем, у которого были лишние двести долларов. Для меня это все равно что стриптиз, правда. Но Эдна так не могла. Она была удивительно правильной.

— Мне не следовало бы спрашивать. Это не мое дело, — сказал Предуцки. — Но мне пришлось в голову, что в ее работе могло быть много искушений для девушки, которой нужны деньги.

— Она получала восемь сотен в неделю, занимаясь стриптизом и разнося напитки, — сказала Сара. — Она тратила деньги только на книги и квартиру. Она откладывала их в банке. Больше ей не было нужно.

Предуцки был угрюм:

— Но вы понимаете, почему я спросил? Если она открыла дверь убийце, он должен быть тем, кого она знала, и знала хорошо. Это то, что ставит меня в тупик больше всего в этом случае. Как Мясник заставляет их открывать дверь?

Грэхем никогда не задумывался над этим. Убитые женщины все были молоды. Они занимали различное положение. Одна была домохозяйкой. Другая — адвокатом. Две были школьными учительницами. Три — секретаршами. Одна была манекенщицей. А предпоследняя — продавщицей. Как Мясник заставил таких разных женщин открыть ему дверь поздно ночью?

На кухонном столе были разбросаны остатки наскоро приготовленной и быстро съеденной пищи. Кусочки хлеба, засохшая шкурка от ломтика колбасы, остатки горчицы и майонеза. Два яблочных огрызка. Банка из-под консервированных персиков, в которой осталось немного сиропа. Ножка жареной курицы, обглоданная до кости, половина пирожка, три смятых банки из-под пива. Мясник был прожорлив и неряшлив.

— Десять убийств, — произнес Предуцки. — И он всегда идет на кухню, чтобы перекусить после всего.

Подавленный психологической атмосферой кухни, невероятно сильным ощущением присутствия убийцы, которое было здесь почти таким же тяжелым, как и в комнате убитой женщины, Грэхем смог только кивнуть. Месиво на столе, так контрастирующее с обычно опрятной кухней, произвело на него сильное впечатление. Банки из-под персиков и из-под пива были покрыты красно-бурыми пятнами: убийца ел, не снимая своих окровавленных перчаток.

Предуцки с безнадежным видом прошел к окну. Он смотрел на соседний многоквартирный дом:

— Я разговаривал с несколькими психиатрами об этих пирах, которые он устраивает после совершения грязного дела. Как я понял, существует два основных типа поведения психопатов после убийства. Для первого, как в случае с Миком, убийство — единственное желание в жизни. Совершив его, он ничего не трогает. Он идет домой и смотрит телевизор. Немного спит. Он впадает в глубокую скуку, пока снова не нарастает напряжение и он опять не убивает. Для второго типа характерен душевный подъем от убийства. Его настоящее возбуждение наступает не во время убийства, а после него. Прямо с места убийства он идет в бар и напивается. У него поднимается адреналин, сильно бьется сердце, он ест как лесоруб после работы и иногда забавляется с дешевыми проститутками. По-видимому, этот человек принадлежит ко второму типу, если бы не...

— Если бы не что? — спросил Грэхем.

Отвернувшись от окна, Предуцки сказал:

— Семь раз он съедал много пищи в домах убитых им женщин. Но в трех случаях он доставал еду из холодильника и создавал видимость большого обеда.

— Создавал видимость? Что вы под этим подразумеваете?

— Пятое убийство женщины Линдстром, — ответил Предуцки. Он закрыл глаза и поморщился, словно все еще видел ее тело и кровь. — Мы знали о его стиле. Мы проверили кухню. На столе была пустая банка из-под груш, пустая упаковка из-под сыра, остатки яблока и некоторые другие предметы, но это не было месивом. Первые четыре раза он был очень прожорлив, как и прошлой ночью. Но на кухне у Линдстром он не оставил ни крошки. Ни следа от горчицы, майонеза или кетчупа. Ни кровавых пятен на банке из-под груш.

Он открыл глаза и подошел к столу.

— Мы обнаружили огрызки яблок в двух из первых четырех кухонь. — Он положил яблочный огрызок на столе перед собой. — Вот как этот. Эксперт даже изучал отпечатки зубов на нем. Но на кухне Линдстром он очищал яблоко и вырезал сердцевину ножом. Кожура и сердцевина были аккуратно сложены на краю тарелки. Это отличалось от того, что мы видели раньше, и заставило меня задуматься. Почему он ел как неандерталец первые четыре раза и как джентльмен — в пятый раз? Я заставил ребят из экспертного отдела открыть мусоропровод и достать оттуда отбросы. Они сделали анализ и выяснили, что все

восемь видов пищи, найденные на столе, были сброшены туда в течение нескольких последних часов. Короче, Мясник не съел ни кусочка на кухне у Линдстром. Он достал еду из холодильника и бросил все в мусоропровод. Затем он создал видимость большой трапезы на столе. Такую же картину он сделал во время седьмого и восьмого убийства.

Такой тип поведения поразил Грэхема как нечто сверхъестественное. Воздух в комнате вдруг показался ему более сырым и давящим, чем раньше.

— Вы говорите, что еда после убийства была актом психического принуждения?

— Да.

— Если по некоторым причинам он не чувствовал того принуждения в доме у Линдстром, почему тогда он старался имитировать пиршество?

— Я не знаю, — ответил Предуцки. Он провел рукой по лицу, как бы пытаясь снять усталость. — Это слишком трудно для меня. Очень трудно понять, если он сумасшедший, почему его сумасшествие проявляется по-разному?

Грэхем произнес с сомнением в голосе:

— Я не думаю, что психиатрическая экспертиза сочтет его душевнобольным.

— Повторите еще раз.

— Да, я думаю, что лучшие психиатры, если им не говорить об убийствах, сочтут этого человека более здоровым и даже более рассудительным, чем многие из нас.

Предуцки удивленно моргнул своими светлыми глазами:

— Хорошо, черт возьми, он разделявает десять женщин, и вы думаете, что он не сумасшедший?

— Такая же реакция была у моей подруги, когда я сказал ей об этом.

— Не удивительно.

— Но я сыт по горло этим. Может, он и сумасшедший. Но не в общепринятом смысле. Это что-то совершенно новое.

— Вы это чувствуете?

— Да.

— Психически?

— Да.

— Можете вы объяснить это?

— Сожалею.

— Чувствуете что-нибудь еще?

— Только то, что вы слышали в программе Прайна.

— Ничего нового с тех пор, как пришли сюда?

— Ничего.

— Если он не душевнобольной, тогда должны быть причины для убийства, — задумчиво произнес Предуцки. — Как-то они связаны. Вы об этом говорили?

— Я не уверен, что именно об этом.

— Я не вижу, как эти убийства могут быть связаны.

— И я тоже.

— Я искал взаимосвязь. Я надеялся, что вы сможете что-нибудь ощутить здесь. Из окровавленной одежды, из беспорядка на столе.

— Я исчерпал себя, — сказал Харрис. — Вот почему я полагаю, что он нормальный или он сумасшедший нового типа. Обычно, когда я касаюсь предметов, непосредственно связанных с убийством, я могу почувствовать эмоции, страсти перед преступлением. Это как прыжок в реку отчаянных мыслей, умозаключений, образов... На сей раз все, что я получил, это ощущения хладнокровной, неумолимой, злой логики. Мне никогда не было так трудно составить портрет убийцы.

— Мне тоже, — сказал Предуцки. — Я никогда не претендовал на лавры Шерлока Холмса. Я не гений. Я работаю медленно. Я был удачлив. Видит Бог. В большей степени удача, чем мастерство, помогала мне иметь высокий показатель раскрываемости преступлений. Но в этот раз мне совсем не везет. Нисколько. Может, мне пора удалиться на

отдых?

* * *

Оставив Айру Предупки размышлять над остатками мрачного пиршества Мясника, Грэхем прошел через гостиную и увидел Сару Пайпер. Детектив еще не отпустил ее. Она сидела на софе, упершись ногами в кофейный столик. Она курила сигарету и смотрела в потолок. Дым спиралями окутывал ее, она сидела спиной к Грэхему. Какое-то мгновение он смотрел на нее. Яркий образ возник перед его глазами, напряженный, перехватывающий дыхание: Сара Пайпер в луже крови.

Он остановился. Его ошеломило видение. Подождал еще немного.

Ничего.

Он напрягся. Попытался еще раз вызвать образы.

Ничего. Только ее лицо и кровь. Все исчезло так же быстро, как и появилось.

Она почувствовала его присутствие. Повернувшись к нему, она произнесла:

— Хм.

Он облизнул губы и сделал усилие над собой, чтобы улыбнуться.

— Вы предсказали это? — спросила она, показав рукой на спальню убитой женщины.

— Боюсь, что так.

— Это невероятно.

— Я хочу сказать...

— Да?

— Было приятно познакомиться с вами.

Она улыбнулась.

— Хотелось, чтобы это было при других обстоятельствах, — произнес он, остановившись, обдумывая, как сказать ей о кратковременном видении, и размышляя, следует ли вообще говорить об этом.

— Может, мы еще встретимся, — сказала она.

— Что?

— Встретимся при других обстоятельствах.

— Мисс Пайпер... будьте осторожны.

— Я всегда осторожна.

— Следующие несколько дней будьте особенно осторожны.

— После всего, что я увидела сегодня ночью, — сказала она уже не улыбаясь, — вы можете быть уверены.

7

Квартира Фрэнка Боллинджера около музея искусств «Метрополитен» была маленькой, спартанского типа. Стены в спальне были коричневые, паркетный пол отполирован. Единственной мебелью в комнате были кровать королевских размеров, ночник и портативный телевизор. Он сделал полки для одежды в стенном шкафу. В гостиной стены были белые и такой же сверкающий паркетный пол. Здесь вся мебель состояла из черной кожаной кушетки, плетеного кресла с черными подушками, зеркального столика и полок с книгами. На кухне были обычные принадлежности, маленький стол и два стула. Окна закрывали жалюзи, а не шторы. Квартира больше походила на монашескую келью, а не на жилье, и именно поэтому она ему нравилась.

В пятницу в девять утра он встал с постели, принял душ, подключил телефон и заварил кофе.

Он пришел домой прямо из квартиры Эдны Маури и провел ранние утренние часы за стаканом виски и чтением поэзии Блейка. Опустошив половину бутылки, еще не пьяный, но такой счастливый, очень счастливый, он отправился спать и заснул, цитируя строки из

«Четырех заповедей». Когда он проснулся через пять часов, он почувствовал себя обновленным, свежим и чистым, словно заново родился.

Он допивал первую чашку кофе, когда зазвонил телефон.

— Алло!

— Дуайт?

— Да.

— Это Билли.

— Понятно.

Дуайт — его второе имя. Франклин Дуайт Боллинджер — это было имя его дедушки по материнской линии. Старик умер, когда Фрэнку не было и года. До того как он встретился и познакомился с Билли и стал ему полностью доверять, только бабушка называла его этим именем. Ему едва исполнилось четыре года, когда отец оставил семью, и мать обнаружила, что малыш мешает ей, мешает беспорядочной жизни разведенной женщины. За исключением нескольких мучительных месяцев, проведенных со своей матерью, которую охватывали временные порывы любви только тогда, когда ее начинала мучить совесть, он провел свое детство с бабушкой. Она обращалась с ним так, словно он был центром не только ее жизни, но и всей вселенной.

— Франклин — такое обыденное имя, — говорила обычно его бабушка. — Вот Дуайт — это что-то особенное, так звали твоего дедушку, а он был замечательным человеком, не таким, как все. Ты вырастешь и будешь похожим на него, будешь выше и значительнее других. Пусть все называют тебя Фрэнком, для меня ты всегда будешь — Дуайт.

Бабушка умерла десять лет назад. Девять с половиной лет никто не называл его Дуайтом. Шесть месяцев назад он встретил Билли. Тот понимал, что значит выделяться среди других и чувствовать свое превосходство. Билли сам был таким и поэтому имел право называть его Дуайтом. Это имя давало ключ к его психике, всегда поднимало его дух, напоминало о том, что он предназначен для необыкновенно высокого положения в жизни.

— Я несколько раз пытался дозвониться тебе прошлой ночью, — сказал Билли.

— Я отключал телефон, чтобы можно было выпить немного виски и спокойно поспать.

— Ты смотрел газеты сегодня утром?

— Я только встал.

— Ты что-нибудь слышал о Харрисе?

— О ком?

— Грэхем Харрис. Психолог.

— Нет. Ничего. А в чем дело?

— Прочти газеты, Дуайт, а затем мы поговорим за завтраком. Ты сегодня выходной, не так ли?

— У меня всегда выходные по вторникам и пятницам. А что случилось?

— "Дейли ньюс" расскажет тебе обо всем. Купи газету. Встретимся в кафе «Леопард» в половине двенадцатого.

Нахмурившись, Боллинджер сказал:

— Послушай...

— В половине двенадцатого, Дуайт. — Билли повесил трубку.

День был мрачный и холодный. Густые темные облака плыли на юг так низко, что, казалось, задевали верхние этажи небоскребов.

За три квартала до ресторана Боллинджер вышел из такси и купил в киоске «Дейли ньюс». Продавец в широком пальто, укутанный шарфом, в свитере, в перчатках и в шерстяной лыжной шапочке был похож на мумию.

Внизу, на первой странице газеты была помещена фотография Эдны Маури, предоставленная клубом «Горный хрусталь». Она улыбалась и была очень красивой. В верхней части страницы в глаза бросался заголовок:

МЯСНИК УБИВАЕТ НОМЕР ДЕСЯТЬ.

ПСИХОЛОГ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ УБИЙСТВО

За углом он перевернул страницу и попытался прочитать статью, пока ждал зеленого сигнала светофора. От ветра глаза слезились. Ветер вырывал газету из рук, ни одного слова невозможно было прочитать.

Он пересек улицу и шагнул в фойе офиса.

Его зубы еще стучали от холода, но ветра здесь уже не было. Наконец он прочитал о Грэхеме Харрисе и «Полночном Манхэттене».

Этот Харрис уже сообщил всем, что его имя Дуайт и полиция хорошо знает его.

Черт возьми! Как смог этот сукин сын так много узнать? Психические возможности? Это слишком нелепо. Такого не бывает. Может, он был там?

Обеспокоенный, Боллинджер прошел в угол, выбросил газету в мусорный ящик, согнулся от ветра и поспешил к ресторану.

* * *

«Леопард», расположенный на Пятнадцатой улице около Второй авеню, был уютным ресторанчиком с небольшим залом и прекрасной кухней. Обеденный зал — не больше обычной гостиной. Композиция из искусственных цветов, заполнявшая центр зала, составляла единственный элемент украшения скромной в целом обстановки.

Билли сидел за столиком у окна. Через час «Леопард» заполнится посетителями и шумными разговорами. Сейчас было еще рано, только минут через пятнадцать наступит обеденный перерыв и появится толпа из ближайших офисов. Пока Билли был единственным посетителем.

Боллинджер сел напротив него. Они пожали друг другу руки и заказали вино.

— Плохая погода, — сказал Билл. Его южный акцент резал слух.

— Да.

Они смотрели друг на друга поверх вазочки с розой, стоявшей в центре стола.

— Плохие новости, — наконец сказал Билли.

— Да.

— Что ты думаешь?

— Диковина какая-то — этот Харрис, — сказал Боллинджер.

— Дуайт... Никто, кроме меня, не знает этого имени. Он не много им подсказал.

— Мое второе имя указано на всех моих протоколах в рабочей картотеке в департаменте.

Разворачивая чистую салфетку, Билли сказал:

— У них нет никаких причин для подозрений, что убийца — полицейский.

— Харрис сказал им, что они уже знают Мясника.

— Они могут предположить, что это один из тех, кого уже допрашивали.

Нахмурившись, Боллинджер произнес:

— Если он даст им еще немного деталей, я пропал.

— Я думал, что ты не веришь в психологов.

— Я ошибался. Ты был прав.

— Извинения приняты, — ответил Билл, слегка улыбнувшись.

— Этот Харрис... можем мы поговорить с ним?

— Нет.

— Он не сможет понять.

Официант принес напитки. Когда они снова оказались одни, Боллинджер спросил:

— Я никогда не видел этого Харриса. Какой он из себя?

— Я опишу тебе его чуть позже. А сейчас... ты не расскажешь мне, что собираешься делать?

Боллинджер еще не думал об этом. Без малейшего колебания он сказал:

— Убить его.

— А... — тихо произнес Билли.

— Возражения?
— Абсолютно никаких.
— Хорошо. — Боллинджер осушил половину стакана. — Все равно я сделаю это, даже если ты и будешь возражать.
Официант подошел к их столику и предложил ознакомиться с меню и сделать заказ.
— Через пять минут, — сказал Билли. Когда официант ушел, он спросил: — Когда ты убьешь Харриса, ты разделаешься с ним так же, как всегда делал Мясник?
— Почему нет?
— Но другие же были женщины.
— Это еще больше расстроит и разочарует их, — ответил Боллинджер.
— Когда ты собираешься сделать это?
— Сегодня вечером.
Билли добавил:
— Я думаю, он живет не один.
— Со своей матерью? — спросил Боллинджер кислым тоном.
— Нет. Я думаю, у него есть женщина.
— Молодая?
— Полагаю, что так.
— Хорошенькая?
— Он производит впечатление человека с хорошим вкусом.
— Что ж, это еще лучше, — сказал Боллинджер.
— Я полагал, что ты именно так и скажешь.
— Двойной прыжок, — произнес Боллинджер. — Это только добавит веселья, — усмехнулся он.

8

— Вам звонит детектив Предуцки, мистер Харрис.
— Я поговорю с ним, соедините. Алло!
— Извините, что беспокою вас, Грэхем. Мы не могли бы быть менее официальными в обращении? Могу я называть вас Грэхем?
— Конечно.
— Пожалуйста, называйте меня Айра.
— Весьма польщен.
— Вы очень любезны. Надеюсь, я не помешал?
— Нет.
— Я знаю, вы занятой человек. Может, я позвоню позже? Или, может быть, вы позвоните мне, когда освободитесь?
— Вы мне не помешали. Что вас интересует?
— Вы помните строки, которые мы нашли на стенах в квартире Маури?
— Очень ясно.
— Так вот. В течение последних нескольких часов я пытался найти источники, откуда они взяты, и...
— Вы все еще на службе?
— Нет, нет, я дома.
— Вы хоть поспали?
— Я бы хотел, но не могу спать более четырех-пяти часов в сутки последние двадцать лет. Я, вероятно, разрушаю свое здоровье. Я знаю это наверняка. Но у меня такой уж склад ума. В моей голове полно всякого мусора, тысячи бесполезных фактов, и я не могу перестать думать о них. Я не могу спать, потому что постоянно думаю об этом.
— Что-нибудь проясняется?
— Да. Я говорил вам прошлой ночью, что стихи звучат, как набат: «Ринта рычит, мечет

молнии в небе нависшем. Алчные тучи клокочут в пучине». Как только я увидел эти строки, я сказал самому себе: «Айра, это из написанного Вильямом Блейком». Видите ли, когда я был в колледже тот единственный год, моим увлечением была литература. Я написал реферат по Блейку двадцать пять лет назад... В общем, сегодня утром я купил эрдманское издание поэзии и прозы Блейка. И я нашел эти строки в «Предварении» из «Бракосочетания Рая и Ада». Вы знакомы с поэзией Блейка?

— Боюсь, что нет.

— Он был мистиком и психологом.

— Ясновидящим?

— Нет. Но с психологическими склонностями. Он считал, что люди могут стать богами.

В своем творчестве он был поэтом хаоса и катаклизмов, но в то же время оставался оптимистом. Ну, а помните строку, которую написал Мясник на двери спальни?

— Да. Нить над бездной.

— У вас нет идеи, откуда это?

— Нет.

— И у меня не было. Поэтому я позвонил своему другу — профессору Колумбийского университета. Он тоже не знал, откуда эта строка, но обратился к своим коллегам. Одному из них строка показалась знакомой. Они просмотрели изречения видных философов и восстановили цитату полностью: «Человек — это нить, натянутая между животным и суперчеловеком. Нить над пропастью».

— Кто это сказал?

— Любимый философ Гитлера.

— Ницше?!

— Вам знакомы его работы?

— Поверхностно.

— Он верил, что люди могут быть богами. Или некоторые из них могут стать богами, если общество позволяет им подняться и использовать данную им власть. Он верил, что человечество двигалось к обожествлению. Видите, есть значительное сходство между Блейком и Ницше. Вот почему Мясник может цитировать их обоих. Но есть и проблемы, Грэхем.

— В чем?

— Блейк был оптимистом всегда. А Ницше был неистовым пессимистом. Блейк считал, что у человечества блестящее будущее. Ницше же полагал, что человечество может иметь блестящее будущее, но он был уверен, что оно уничтожит само себя, прежде чем в нем появятся сверхчеловеки. Блейк открыто любил женщин. Ницше презирал их. Он считал, что женщины представляют одно из главных препятствий на пути человека к обожествлению. Понимаете, к чему я клоню?

— Хотите сказать, что если Мясник разделяет обе философии — и Блейка, и Ницше, то он шизофреник.

— Но ведь вы говорите, что он даже не сумасшедший.

— Минуточку.

— Вчера ночью...

— Я сказал, что если он маньяк, то маньяк нового типа. Я говорил, что он не сумасшедший в традиционном понимании.

— А это исключает шизофрению?

— Я полагаю.

— Но, может, он считает себя одним из сверхчеловеков Ницше? Психиатры могут квалифицировать это как манию величия. А мания величия характерна для шизофрении и паранойи. Вы все еще думаете, что Мясник может пройти любой психологический тест?

— Да.

— Вы психологически чувствуете это?

— Правильно.

— Вы когда-нибудь ошибались в своих ощущениях?

— Незначительно. Например, когда думал, что имя Эдны Маури — Эдна Дансер, то есть танцовщица.

— Конечно. Я знаю вашу репутацию. Вы всегда оказываетесь правым. Я ничего не предполагаю. Понимаете? ...Ну... где я сейчас стою?

— Я не знаю.

— Грэхем... если бы вы могли посидеть над книгой с поэмами Блейка и потратить на их чтение хоть час, могло бы это настроить вас на восприятие Мясника? Возможно, это стимулирует если не видение, то хотя бы подозрение?

— Может быть.

— Сделайте мне одолжение.

— Ладно.

— Если я pošлю посыльного прямо сейчас с изданием работ Блейка, вы сможете посидеть над ними часок и посмотреть, что получится?

— Вы можете передать книгу сегодня, если хотите, но я не смогу заняться ею до завтра.

— Может, хоть полчаса?

— Никак не могу. Я должен закончить работу над одним из своих журналов и отдать его в печать завтра утром. Я уже на три дня опоздал с выпуском. Мне придется работать весь вечер. Но завтра после обеда или вечером я выкрою время для Блейка.

— Спасибо. Я ценю это. Я рассчитываю на вас. Вы — моя единственная надежда. Этот Мясник слишком сложен для меня. Я нигде ничего не нашел. Абсолютно нигде. Если мы не определим правильное направление, я не знаю, что может случиться.

9

Пол Стивенсон был одет в голубую рубашку, шелковый галстук в черно-голубую полоску, дорогой черный костюм, черные носки и черно-коричневые туфли с белым швом. В пятницу, в два часа дня, войдя в кабинет Энтони Прайна, он был очень расстроен и не заметил, как Прайн поморщился, увидев его туфли. Он не мог кричать на Прайна и поэтому надулся.

— Тони, почему ты утаиваешь секреты от меня?

Прайн вытянулся на кушетке, его голова лежала на валике, он читал «Нью-Йорк таймс».

— Секреты?

— Я узнал, что по твоему указанию компания обратилась в частное сыскное агентство, чтобы собрать информацию на Грэхема Харриса.

— Это не так. Я всего лишь хочу знать местопребывание Харриса в определенные часы в указанные дни.

— Но ты просил детективов не обращаться за сведениями к Харрису или к его подруге. А это значит — совать нос в чужие дела. И ты просил их сделать все за сорок восемь часов, что утроило стоимость заказа. Если ты хочешь знать, где он был, почему ты не спросишь его самого.

— Я полагаю, что он солжет мне.

— Почему он должен лгать? Почему в определенные часы? Что за определенные дни?

Прайн отложил газету, сел, потом встал, потянулся:

— Я хочу знать, где он находился, когда каждая из десяти женщин была убита. Ошеломленный, глупо заморгав глазами, Стивенсон спросил:

— Почему?

— Если во время всех десяти случаев он был один — работал один, смотрел кино один, прогуливался в одиночестве — тогда, вероятно, он мог убить их всех.

— Харрис? Ты думаешь, Харрис — это Мясник?

— Может быть.

— Ты нанимаешь детективов, имея подозрения?

— Я говорил тебе: я не доверял этому человеку с самого начала. И если я окажусь прав, какую сенсационную новость мы получим!

— Но Харрис — не убийца. Он ловит убийц.

Прайн подошел к бару.

— Если доктор лечит пятьдесят пациентов с гриппом одну неделю, еще пятьдесят другую неделю, разве удивительно, что он сам заразится гриппом на третьей неделе?

— Я не уверен, что уловил твою мысль.

Прайн налил коньяк в стакан.

— Годами Харрис был настроен на убийство в глубине своего мозга, объяснял это травмой, но ведь многие из нас попадали в аварии. Он буквально переживал те же чувства, что убийцы женщин, детоубийцы, маньяки. Он, вероятно, видел больше крови и насилия, чем самые профессиональные полицейские. Разве нельзя предположить, что может извлечь неуравновешенный с детства человек из всей этой массы насилия? Разве так уж невероятно, что он сам может стать таким же маньяком, каких он выявляет?

— Неуравновешенный? Грэхем Харрис — такой же уравновешенный, как ты или я.

— Насколько хорошо ты его знаешь?

— Я видел его в программе.

— Тебе следовало бы знать чуть-чуть больше.

Прайн бросил на себя взгляд в зеркало, расположенное на задней стенке бара, пригладил одной рукой свои блестящие седые волосы.

— Например?

— Я с удовольствием занимаюсь психоанализом — дилетантским, конечно. Прежде всего, Грэхем Харрис родился в крайней нищете и...

— Он получил наследство. Его старик, Эвон Харрис, был издателем.

— Его отчим. Настоящий отец Грэхема умер, когда ему был всего один год. Мать работала официанткой в кафе. Она вынуждена была беспокоиться о сохранении крыши над головой, потому что ей приходилось оплачивать лечение мужа. Годами они жили одним днем, на грани нищеты. Это могло наложить отпечаток на ребенка.

— Как же она познакомилась с Эвоном Харрисом? — спросил Стивенсон.

— Я не знаю. Но после того как они поженились, Грэхем взял фамилию отчима. Остальную часть детства он провел в богатом особняке. После получения диплома университета у него было достаточно времени и денег, чтобы стать одним из всемирно известных альпинистов. Старик Харрис поддерживал его. В определенных кругах Грэхем был знаменитостью, звездой. Ты знаешь, сколько женщин увлекается альпинизмом?

Стивенсон пожал плечами.

— Не альпинизмом, — уточнил Прайн, — а альпинистами. Гораздо больше, чем ты думаешь. Я полагаю, что именно близость смерти так притягивает их. Более десяти лет Грэхем был на вершине славы, ему поклонялись. Затем это падение. Когда он поправился, у него появился страх перед восхождением. — Прайн прислушивался у собственному голосу, увлекаясь развиваемой теорией. — Ты понимаешь, Пол? Он родился никем, первые шесть лет своей жизни был ничтожеством. Затем в мгновение ока он становится кем-то. Сразу, когда его мать вышла замуж за Эвона Харриса. И сейчас нет ничего удивительного в том, что он боится вновь стать ничтожеством.

Стивенсон подошел к бару и налил себе немного коньяку.

— Не похоже, что он снова никто. Он унаследовал деньги своего отчима.

— Деньги — это не то же самое, что слива. Однажды он уже был известен, даже если только в кругу энтузиастов альпинизма. Может, слава стала для него как наркотик. Это случается. Я видел это.

— И я тоже.

— Ну, может быть, он решил, что оставаться неизвестным так же хорошо, как быть знаменитым. Как Мяснику ему посвящены заголовки, но он неизвестен.

— Но он был с тобой в студии прошлой ночью, когда убили Маури...
— Может быть, и нет.
— Что? Он предсказал ее смерть.
— Разве? Или он просто нам сообщил, кого он избрал своей следующей жертвой?
Стивенсон уставился на него как на сумасшедшего.
Рассмеявшись, Прайн пояснил:

— Конечно, Харрис был со мной в студии, но, возможно, не тогда, когда произошло убийство. Я использовал свои связи в департаменте полиции и получил копию протокола. Согласно данным патологоанатомов, Эдна Маури была убита где-то между половиной двенадцатого ночи в четверг, и половиной второго утра в пятницу. А Грэхем Харрис покинул студию в половине первого в пятницу утром. У него оставался еще час, чтобы добраться до Эдны.

Стивенсон глотнул немного коньяку:

— Боже мой, Тони, если ты прав, если ты раскрутишь эту историю, Эй-Би-Си предоставит тебе вечерний канал для программы и позволит тебе выпускать ее самостоятельно. Давай!

Стивенсон допил свой коньяк.

— Но у тебя нет доказательств. Это только теория. Это весьма неординарная теория. Однако ты не можешь обвинять человека только потому, что он родился у бедных родителей. Черт возьми, твое детство было хуже, чем его, но ты не убийца.

«Сейчас у меня нет доказательств. Но если они не будут найдены, их следует сфабриковать», — подумал он.

10

В пятницу Сара Пайпер провела утро за сборами для пятидневного путешествия в Лас-Вегас. Эрни Нолан, владелец фабрики мужской одежды, стоял в списке ее постоянных клиентов уже три года. Он ездил в Лас-Вегас каждые шесть месяцев и брал ее с собой. Он платил ей пятнадцать сотен долларов за услуги в постели и давал пять сотен на азартные игры. Даже если бы Эрни был скотиной, а он таковым не был, все равно это хороший отдых для нее.

Она неделю будет отсутствовать в клубе «Горный хрусталь»; и хорошо, что ей не придется выкладываться на работе сегодня ночью перед поездкой в Лас-Вегас завтра утром. Она успела поспать только два часа после возвращения из дома Эдны, и эти два часа были наполнены кошмарами. Ей следовало бы хорошенько отдохнуть сегодня вечером, если она хочет быть в отличной форме.

Собираясь, она размышляла, чего же ей не доставало. Чувства? Нормальных эмоций? Она плакала прошлой ночью, была глубоко потрясена смертью Эдны. Но уже сейчас ее настроение улучшилось. Она была взволнована и довольна тем, что уезжает из Нью-Йорка. Самоанализ не показывал никакого чувства вины. Она слишком много видела в мире — слишком много насилия, отчаяния, эгоизма, грязи, — чтобы подвергать себя наказанию за неспособность поддерживать свое горе. Так устроены все люди: забывчивость является ступицей колеса, ядром мозга, тем, что сохраняет их здоровье. Может быть, это не слишком приятно сознавать, но это правда.

В три часа, когда она укладывала третий костюм, позвонил мужчина. Он хотел назначить свидание на этот вечер. Она не знала его, но он утверждал, что узнал номер ее телефона от одного из ее постоянных клиентов. Хотя его голос звучал приятно — настоящий джентльмен с мягким южным акцентом, — она собиралась отправить его подальше.

— Если у вас есть договоренность на сегодня, — сказал он, — я могу дать больше, чтобы вы освободились от него на этот вечер.

— Никакой договоренности нет. Но я собираюсь в Вегас утром, и мне надо отдохнуть.

— Какая у вас обычная норма оплаты?

— Две сотни. Но...

— Я дам вам три сотни.

Она колебалась.

— Четыре сотни.

— Я дам вам имена пары девушек...

— Я хочу провести вечер с вами. Я слышал, что вы самая любвеобильная женщина в Манхэттене.

Она рассмеялась:

— Вас ждет большое разочарование.

— Я вбил себе это в голову. А когда я вобью что-то себе в голову, ничто на свете не может заставить меня изменить мнение. Пять сотен долларов.

— Это слишком много. Если вы...

— Милая девушка, пять сотен — это мелочь для меня. Я делаю миллионы на нефтяном бизнесе. Пять сотен — и я не займу у вас весь вечер. Я приду около шести, мы расслабимся вместе, затем пойдем поужинаем. Вы будете дома около десяти, я думаю, останется достаточно времени для отдыха перед Вегасом.

— Вы легко не сдаетесь, да?

— Это мое реноме. Я отличаюсь упорством. Домашние говорили, что я упрям, как осел. Улыбаясь, она ответила:

— Ну, хорошо. Вы победили. Пять сотен. Но вы обещаете, что мы вернемся к десяти?

— Слово чести! — ответил он.

— Вы не назвали свое имя.

— Пlover, — ответил он, — Билли Джеймс Пlover.

— Могу я называть вас Билли Джеймс?

— Только Билли.

— Кто вам рекомендовал меня?

— Мне бы не хотелось называть это имя по телефону.

— О'кей. Тогда в шесть часов.

— Не забудьте.

— Я с нетерпением жду встречи, — ответила она.

— И я тоже, — произнес Билли.

11

Конни долго спала и не открывала свой антикварный магазин до полудня, и хотя она обслужила всего одну посетительницу, день можно было считать удачным для бизнеса. Она продала гарнитур из шести прекрасно подобранных испанских кресел семнадцатого века. Каждая вещь была из темного дуба с гнутыми ножками и лапами. Подлокотники заканчивались тщательно вырезанными рычащими головами демонов и других фантастических животных размером с апельсин. Женщина, купившая кресла, имела апартаменты из четырнадцати комнат, которые выходили на Пятую авеню и Центральный парк. Она хотела поставить их в комнату, где иногда проводила спиритические сеансы.

Позже, оставшись в магазине одна, Конни пошла в свою комнату, находящуюся в задней части главного помещения. Она открыла банку кофе, наполнила кофеварку водой.

Большие окна в комнате шумно зазвенели. Конни выглянула из-за кофеварки, чтобы узнать, кто вошел. Там никого не было. Окна задрожали от свирепого зимнего ветра.

Она села за хорошо сохранившийся стол в стиле шератон 1780 года и набрала номер частного телефона в офисе Грэхема, минуя его секретаря. Когда он ответил, она произнесла:

— Привет, Ник!

— Привет, Нора!

— Если у тебя появился проблеск в твоей работе, позволь мне пригласить тебя на ужин вечером. Я только что продала испанские кресла и чувствую потребность отметить это.

— Боюсь, я не смогу. Я собираюсь работать до полуночи, чтобы закончить...

— Не могут твои сотрудники задержаться подольше? — спросила она.

— Они сделали свою работу. Но ты же меня знаешь. Я должен два-три раза все проверить.

— Я приду помочь.

— Ты ничем не можешь помочь.

— Тогда я посижу в углу и почитаю.

— Правда, Конни, тебе будет скучно. Иди домой и отдохни. Я приду около часа или двух утра.

— Ну уж нет. Я не сделаю по-твоему. И мне будет очень удобно читать в кресле в офисе. Норе очень нужен Ник сегодня вечером. Я принесу ужин.

— Ну, хорошо. Кого я уговариваю? Я знаю, ты все равно придешь.

— Как насчет пиццы и бутылки вина?

— Звучит хорошо.

— Когда? — спросила она.

— Я засыпал над своей пишущей машинкой. Если я собираюсь сделать всю работу сегодня вечером, я лучше вздремну. Как только служащие закончат работу, я прилягу. Почему бы тебе не принести пиццу в половине восьмого?

— Рассчитывай на это время.

— У нас намечается встреча в половине девятого.

— С кем?

— Со следователем полиции. Он хочет обсудить некоторые новые детали в деле Мясника.

— Предуцки? — спросила она.

— Нет. Один из лейтенантов Предуцки. Парень по имени Боллинджер. Он позвонил несколько минут назад. Он хотел зайти к нам домой сегодня вечером. Я сообщил ему, что мы будем работать с тобой допоздна здесь.

— Ну, в конце концов он придет после того, как мы поедим, — сказала она. — Разговоры о Мяснике перед едой испортят мне аппетит.

— Увидимся в половине восьмого.

* * *

Когда кофеварка закипела, она налила кофе в кружку, добавила сливок, прошла в комнату и села в кресло около одного из окон, запорошенных снегом. Она могла смотреть через узорчатое стекло на открытую ветрам Десятую улицу.

Несколько человек, одетые в теплые пальто, руки в карманах, головы опущены вниз, спешили по улице.

Рассыпающиеся снежные хлопья кружились в воздухе и падали вниз.

Она отпила кофе и ощутила разливающееся внутри тепло. Это ощущение усилилось, когда она подумала о Грэхеме. Ничто не могло охладить ее, когда Грэхем занимал ее воображение. Ни ветер, ни Мясник, ни снег. Она чувствовала себя в безопасности с Грэхемом, даже когда только думала о нем. Безопасно и защищенно. Она знала, что, несмотря на страх, который вырос в нем после падения, он отдаст свою жизнь за нее, если потребуется. Так же, как и она готова отдать свою жизнь ради его спасения. Нельзя говорить с определенной вероятностью, что каждый из них может оказаться перед таким драматическим выбором, но она была убеждена, что все-таки Грэхем обретет свое мужество через недели и месяцы, обретет без помощи шока.

Неожиданно ветер ударил в окно. Он ревел, стонал, наносил снег, похожий на пятна пены и слюны, на холодное стекло.

Комната была длинной и узкой, с коричневым кафельным полом, бежевыми стенами, высоким потолком и люминесцентным освещением. На двух металлических столах у двери стояли пишущие машинки, подносы с письмами, вазы с искусственными цветами и другие предметы. Две хорошо одетые женщины за столами были приветливы, несмотря на скучную атмосферу учреждения. Пять столиков кафетерия были расставлены в одну линию так, что кто бы ни сел за них — он всегда будет находиться боком к столам. Десять металлических стульев вытянулись в ряд на той же стороне. Из-за такого расположения столиков и двух больших столов помещение напоминало школьный класс, комнату для занятий под наблюдением двух учительниц.

Фрэнк Боллинджер представился как Бен Фрэнк и сказал, что является сотрудником главной нью-йоркской архитектурной фирмы. Он попросил полную документацию по зданию Бовертон, снял пальто и сел за первый столик.

Как он и предполагал, обе женщины оказались квалифицированными работниками, быстро принесли ему материалы по Бовертону из смежной комнаты-хранилища; подлинные светокопии, дополнения к ним, сметы стоимости, заявления для множества пропусков в здание, оценочные листы, планы реконструкции, фотографии, письма... Все, что было связано с высотным Бовертоном, что проходило официально через городское бюро или департамент, находилось в этом досье. Это была внушительная гора бумаги, и каждый листок был тщательно помечен и последовательно пронумерован.

Сорокадвухэтажный Бовертон, стоявший в оживленном квартале на Ленсингтон-авеню, был сооружен в 1929 году и с тех пор существенно не изменился. Это был один из архитектурных шедевров Манхэттена. Он имел более совершенную конструкцию, чем «Чанин билдинг», справедливо провозглашенный архитектурным украшением и находившийся в нескольких кварталах отсюда. Больше года назад группа заинтересованных граждан начала кампанию за объявление здания памятником архитектуры, чтобы сохранить его от изменения во время спорадических вспышек «модернизации». Но наиболее важным фактом, заинтересовавшим Боллинджера, было то, что офис Грэхема Харриса располагался на сороковом этаже «Бовертон билдинг».

Полтора часа Боллинджер изучал схему здания, главные и служебные входы, аварийные выходы, размещение и работу шестнадцати лифтов, расположение двух лестниц, электронную систему безопасности, представленную в основном скрытыми телевизионными камерами слежения, установленными в 1969 году. Он просматривал бумаги до тех пор, пока не убедился в том, что не упустил ни одной детали. Без четверти пять он встал, зевнул, потянулся. Улыбаясь и напевая себе что-то под нос, он надел свое пальто.

* * *

Через два квартала он зашел в телефонную будку и позвонил Билли.

— Я все выяснил.

— Бовертон?

— Да.

— Что ты думаешь? — нетерпеливо спросил Билли.

— Это можно сделать.

— Боже мой, ты уверен?

— Да.

— Может быть, мне следует помочь тебе. Я мог бы...

— Нет, — заявил Боллинджер. — Если что-то пойдет не так, я могу показать свой значок и сказать, что я был направлен для расследования жалобы, затем я могу быстро исчезнуть. Но если мы будем там вместе, то как сможем объяснить, что мы там делали.

— Полагаю, что ты прав.

— Будем придерживаться разработанного плана.

— Хорошо.

— Будь в том переулке в десять часов.

Билли произнес:

— Если ты выяснишь, что он не работает? Я не хочу долго ждать.

— Я позвоню тебе задолго до десяти. Но если звонка не последует, будь в том переулке.

— Конечно. Что еще? Но мне бы не хотелось ждать дольше половины одиннадцатого. Я не могу ждать дольше этого времени.

— Мы должны уложиться.

Билли вздохнул с облегчением:

— Мы поставим этот город на уши?

— Никто не будет спать завтра ночью.

— Ты уже решил, какие строки напишешь на стене?

Боллинджер подождал, пока городской автобус проедет мимо будки. Его выбор цитат был умным, и ему хотелось, чтобы Билли оценил это.

— Я выбрал одну цитату из Ницше: «Я хочу показать людям смысл их существования, которым является сверхчеловек, молния, выходящая из темного облака человеческого рода».

— О, это превосходно, — сказал Билли, — я бы не смог сделать лучший выбор.

— Спасибо.

— А Блейк?

— Только фрагмент из повторяющейся седьмой ночи в «Четырех зонах» — «Сердца лежали, открытые свету...»

Билли рассмеялся.

— Я знал, что тебе это понравится.

— Полагаю, ты постарайся, чтобы их сердца остались лежать открытыми?

— Естественно, — ответил Боллинджер. — Их сердца и все остальное от горла до промежности.

13

Ровно в шесть часов в дверь позвонили. Сара Пайпер открыла. Ее профессиональная улыбка исчезла, когда она увидела, кто стоит у входа.

— Что вы здесь делаете? — удивленно спросила она.

— Можно мне войти?

— Но...

— Вы так прекрасно выглядите сегодня. Совершенно обворожительно.

На ней был плотно облегающий ярко-оранжевый костюм из тонкой ткани с глубоким вырезом, который очень сильно открывал ее смуглые груди. Смутившись, она положила руку на грудь.

— Извините, но я не могу пригласить вас войти, я жду одного человека.

— Вы ждете меня, — сказал он. — Билли Джеймса Пlovera.

— Что? Но это не ваше имя.

— Это действительно мое. Это имя, с которым я родился. Я изменил его спустя много лет.

— Почему вы не сказали мне ваше настоящее имя по телефону?

— Я должен беречь свою репутацию.

Все еще сконфуженная, она отступила назад, чтобы позволить ему войти. Она закрыла за ним дверь. Понимая, что это может показаться невоспитанным, но и не имея сил сдержать себя, она открыто и прямо посмотрела на него. Она не находила, что сказать.

— Ты кажешься шокированной, Сара?

— Да, — ответила она. — Догадываюсь, что именно так. Дело в том, что вы не похожи на тот тип мужчин, которые могут приходить к женщине, такой, как я.

Он улыбался с того самого момента, как она открыла дверь. Сейчас его лицо

расплылось в широкой ухмылке.

— А что такого плохого с такими, как ты? Ты великолепна.

«Это сумасшествие», — подумала она, произнеся:

— Ваш голос...

— Южный акцент?

— Да.

— Это тоже часть моей юности, как и имя. Ты бы предпочла, чтобы я перестал говорить с акцентом?

— Да. Такая манера разговора. Это неправильно. От нее бросает в дрожь.

Она крепко прижала руки к груди.

— В дрожь? Я думаю, что тебе понравится. И когда я — Билли... Я не знаю... Я хотел пошутить над этим... Возможность ощутить себя кем-то новым, — он в упор посмотрел на нее. — Что-то не так? У нас получается неправильно? Может быть, даже хуже? Действительно хуже? Если ты не хочешь ложиться со мной в постель, так и скажи. Я пойму. Может, что-то во мне отталкивает тебя? У меня не всегда все успешно получалось с женщинами. Мне не везло много раз. Один Бог знает. Ты только скажи мне. Я уйду. Не надо напрягаться.

У нее вновь на губах появилась профессиональная улыбка, и она покачала головой. Ее густые светлые волосы кокетливо качнулись.

— Извините, вам нет нужды уходить. Я была удивлена, только и всего.

— Ты уверена?

— Да.

Он взглянул на ее гостиную через арку фойе, дотронулся до старинного зонтика за дверью.

— У тебя уютное гнездышко.

— Спасибо, — она открыла шкаф в прихожей, достала вешалку. — Позвольте мне ваше пальто.

Он снял его и подал ей.

Повесив пальто в шкаф, она сказала:

— Ваши перчатки тоже, я их положу в карманы пальто.

— Я останусь в перчатках, — сказал он.

Когда она снова повернулась к нему, он стоял между ней и дверью, держа в правой руке страшный нож с тонким лезвием.

Она произнесла:

— Убери это.

— Что ты сказала?

— Убери это.

Он захохотал.

— Я серьезно, — повторила она.

— Ты самая хладнокровная сучка, какую я когда-нибудь встречал.

— Положи этот нож в карман. Убери его — и сам убирайся.

Размахивая перед ней ножом, он говорил:

— Когда до них доходило, что я собираюсь разрезать их, они говорили примерно то же. Но я не верил ни одной, никогда не думал серьезно, что женщина может говорить со мной так. До встречи с тобой. Так хладнокровно.

Она рванулась прочь от него. Выскочила из прихожей в гостиную. Ее сердце стучало, она дрожала. Но она старалась не поддаваться страху. Она держала пистолет в верхнем ящике ночного столика. Если бы добраться до спальни, закрыть и запереть дверь перед ним, тогда она сможет задержать его настолько, чтобы взять пистолет.

В несколько шагов он догнал ее и схватил за плечо.

Она попыталась освободиться. Он был сильнее, чем казался. Его пальцы впились, как когти. Он повернул ее и толкнул назад. Потеряв равновесие, она наткнулась на кофейный

столик, упала на, него. Она ударилась боком об одну из тяжелых деревянных ножек. Боль, как раскаленный шар, обожгла ее бедро.

Он стоял над ней с ножом, продолжая ухмыляться.

— Сволочь, — сказала она.

— Есть два способа, какими ты можешь умереть, Сара. Ты можешь пытаться убежать и сопротивляться. И вынудить меня убить тебя сейчас — медленно и жестоко. Или ты можешь пойти в спальню, позволить мне доставить тебе удовольствие. Тогда я обещаю, что ты умрешь быстро и безболезненно.

«Никакой паники, — сказала она себе. — Ты — Сара Пайпер. Ты вышла из ничтожества. Ты сама сделала из себя что-то. Тебя сбрасывали вниз много раз до этого. Сбрасывали вниз фигурально и буквально. И ты всегда поднималась, ты выкарабкаешься и в этот раз. Ты выживешь, выживешь, черт возьми, выживешь!»

— О'кей, — сказала она, поднимаясь.

— Умница. — Он держал нож сбоку. Он расстегнул корсаж ее костюма и скользнул свободной рукой под тонкий материал. — Чудесно, — произнес он.

Она закрыла глаза, как только он придвинулся ближе.

— Я сделаю это приятным для тебя, — сказал он.

Она ударила коленом ему между ног. Хотя удар не был достаточно сильным, он откинулся назад.

Она схватила настольную лампу и бросила ее. Даже не оглянувшись, попала ли она, она бросилась в спальню и захлопнула дверь. Он навалился на дверь и приоткрыл ее на 5 — 7 см, прежде чем она успела запереть ее. Она изо всех сил старалась захлопнуть дверь снова, чтобы запереть, но он оказался сильнее ее. Она понимала, что не сможет выстоять против него больше одной-двух минут. И поэтому, когда он сильнее надавил на дверь, она отпустила ее и бросилась к ночному столику.

Удивленный, он ворвался в комнату и едва не упал.

Она открыла ящик столика и достала пистолет. Он выбил его из ее рук. Пистолет ударился об стенку и отскочил далеко на пол.

«Почему ты не кричишь? — спрашивала она саму себя. — Почему ты не звала на помощь, пока могла держать дверь закрытой. Ведь кто-то мог услышать тебя в этом доме, где слышен каждый звук. Ведь стоило бы попытаться, пока у тебя была возможность».

Но она знала, почему она не кричала. Ведь она — Сара Пайпер. Она никогда в своей жизни не звала на помощь. Она всегда сама решала собственные проблемы. Всегда сама защищала себя. Она была стойкой и гордилась этим. Она не закричала.

Ей было страшно. Она тряслась, дрожала от страха. Но она знала, что должна умереть так же, как и жила. Если она сломается сейчас — будет хныкать и плакать, когда уже нет надежды на спасение, — она сделает ложью всю свою жизнь. Если ее жизнь хоть что-то и значила, пусть даже совсем немного, она умрет так же, как и жила: решительно, гордо и стойко.

Она плюнула ему в лицо.

14

— Отдел по расследованию убийств.

— Я хочу говорить с детективом.

— Как его зовут?

— С любым детективом. Мне безразлично.

— Это срочно?

— Да.

— Откуда вы звоните?

— Не имеет значения. Мне нужен детектив.

— Я должен записать ваш адрес, номер телефона, имя...

— Заткнись! Дай мне поговорить с детективом или я повешу трубку...

— Детектив Мартин слушает.

— Я только что убил женщину.

— Откуда вы звоните?

— Из ее квартиры.

— Какой адрес?

— Она была очень красива.

— Какой адрес?

— Прелестная девочка.

— Как ее звали?

— Сара.

— Вы знали ее второе имя?

— Пайпер.

— Вы можете произнести по буквам?

— П-А-Й-П-Е-Р.

— Сара Пайпер?

— Правильно.

— Как ваше имя?

— Мясник.

— Как ваше настоящее имя?

— Я вам не собираюсь его называть.

— Ну да. Вот почему вы звоните!

— Нет. Я позвонил, чтобы сказать вам, что собираюсь убить еще несколько человек, прежде чем кончится ночь.

— Кого?

— Одна из них — женщина, которую я люблю.

— Как ее зовут?

— Я думаю, мне не следует убивать ее.

— Тогда не делайте этого. Вы...

— Но я думаю, что она догадывается.

— Почему бы нам не...

— Ницше был прав.

— Кто?

— Ницше.

— Кто он?

— Философ.

— О!

— Он был прав в отношении женщин.

— Что он сказал о женщинах?

— Они только стоят на нашем пути, тянут нас назад от совершенства. Вся та энергия, которую мы тратим на ухаживание за ними, на их ублажение, напрасно растрочена. Всю эту сексуальную энергию можно было использовать на другие дела, на размышления и учение. Если бы мы не тратили нашу энергию на женщин, то могли бы стать тем, кем нам предназначено быть.

— А кем нам предназначено быть?

— Вы пытаетесь проследить звонок?

— Нет. Нет.

— Да. Конечно, пытаетесь.

— Нет. Действительно нет.

— Я уйду отсюда через минуту. Я только хотел сказать вам, что завтра вы узнаете, кто я, кто такой Мясник. Но вам не схватить меня. Я — та молния, что разит из темного облака.

— Давайте постараемся...

В пятницу около семи вечера над Манхэттеном пошел легкий пушистый снег. Это был не просто снегопад, а настоящая метель. Снег сыпался с черного неба и покрывал темные улицы белыми сугробами.

Из окна своей гостиной Фрэнк Боллинджер смотрел на миллионы маленьких снежинок, проносящихся мимо. Снег очень нравился ему. Впереди были выходные, и сейчас, особенно после изменения погоды, было сомнительно, что кто-нибудь еще, кроме Харриса и его подруги, будет работать допоздна в «Бовертон билдинг». Он почувствовал, что его шансы застать их и выполнить весь план без заминок значительно выросли. Снег был ему на руку.

В двадцать минут восьмого он взял пальто из шкафа, надел его и застегнулся.

Пистолет уже был в правом кармане пальто. Он не пользовался табельным полицейским оружием, потому что пули можно было очень легко идентифицировать. У него был «вальтер ППК» 38-го калибра, который был запрещен к ввозу в США с 1969 года. (Незначительно больший по размеру пистолет, «вальтер ППК/3», производился сейчас для продажи в США. Его не так легко было спрятать, как первую, более оригинальную, модель.) На конце ствола его пистолета был специально изготовленный фабричный глушитель, сделанный фирмой Вальтера для нескольких полицейских агентов высшего класса в Европе. Даже с прикрепленным глушителем оружие легко помещалось в глубоком кармане пальто. Боллинджер взял оружие у одного убитого, подозреваемого в причастности к торговле наркотиками. В тот момент, когда он увидел это оружие, он понял, что должен получить его, и не указал в рапорте о своей находке, как должен был сделать. Это произошло около года назад. У него еще не было случая воспользоваться им вплоть до сегодняшнего вечера.

В левом кармане у Боллинджера была коробочка с пятьюдесятью патронами. Он не думал, что ему понадобится больше, чем заряжено в магазине пистолета, но постарался быть готовым к любой неожиданности.

Он вышел из квартиры и стал быстро спускаться, перескакивая через две ступени, готовый к началу охоты.

Снаружи зернистый, кружащийся от ветра снег казался похожим на куски стекла. Ночь громко завывала меж домов, стучала ветвями деревьев.

Офис Грэхема Харриса находился в самой большой из пяти комнат, занимаемых издательством Харриса на сороковом этаже «Бовертон билдинг», и не был похож на место, где заключаются сделки и ведутся дела. Помещение было отделано темным деревом — настоящим и прочным деревом, а не фанерой, потолок был покрыт бежевым звуконепроницаемым материалом. Темно-зеленые портьеры от потолка до пола хорошо сочетались с плюшевым ковром. Стол был переделан из пианино Стейнуэй: струны вытащены, крышка опущена и обрезана до нужных размеров. Позади стола размещались розоватые книжные полки, заполненные изданиями по лыжному спорту и альпинизму. Четыре напольные лампы со старинными керамическими канделябрами и стеклянные каминные со скрытыми электрическими лампами излучали свет. На столе были еще две небольшие медные лампы. Круглый стол и четыре кресла занимали пространство перед окнами. Богато украшенная английская вешалка семнадцатого века стояла у двери в коридор. Антикварный бар из резного стекла и овальных зеркал с инкрустированным деревом разместился у двери в приемную. На стенах висели фотографии альпинистов во время восхождения; картина, написанная маслом; панорама покрытой снегом горной вершины. Комната скорее была похожа на домашний кабинет ушедшего на пенсию профессора, где читали книги, курили трубки и где спаниель лежал, свернувшись у ног своего хозяина.

Конни открыла покрытый орнаментом ящик стола. Пар поднимался от пиццы, пикантный аромат наполнил комнату.

Вино было охлажденным. В пиццерии она попросила положить бутылку в холодильник,

пока упаковка с пиццей не была готова.

Проголодавшись, они пили и ели в течение нескольких минут молча.

Наконец она сказала ему:

— Ты поспал немного?

— Да.

— Долго?

— Два часа.

— Крепко спал?

— Как убитый.

— Что-то не похоже.

— На убитого?

— Ты не выглядишь отдохнувшим.

— Может быть, мне это показалось?

— У тебя темные круги под глазами.

— Я похож на Рудольфа Валентина.

— Тебе следует пойти домой поспать.

— Чтобы завтра наборщик взял меня за горло утром?

— Но это квартальные журналы. Несколько дней раньше или позже не имеют значения.

— Ты разговариваешь с редактором.

— Разве я не знаю?

— Редактором, который любит тебя.

Она поцеловала его.

* * *

Фрэнк Боллинджер припарковал автомобиль на улице и прошел пешком оставшиеся три квартала до «Бовертон билдинг».

Слой снега не более сантиметра покрывал тротуары и улицы. За исключением нескольких такси, проскочивших довольно быстро для таких условий, на Лексингтон-авеню не было движения.

Главный вход в «Бовертон-билдинг» располагается в двадцати шагах от угла. Четыре вращающиеся стеклянные двери, три из них в этот час были закрыты. За дверьми большой вестибюль, отделанный мрамором и медными украшениями, был залит мягким янтарным светом.

Боллинджер нащупал пистолет в кармане и вошел внутрь.

Вверху скрытая телевизионная камера была направлена на единственную незапертую дверь. Боллинджер остановился, чтобы стряхнуть снег с ног и дать возможность камере изучить его. Человек за контрольным пунктом не найдет в нем ничего подозрительного — ведь он спокойно показывает лицо камере.

Охранник в униформе находился за стойкой около первой группы лифтов.

Боллинджер направился к нему. Вышел из-под контроля камеры.

— Привет, — сказал он охраннику.

Пока он шел, он достал пистолет из кармана и предъявил свой золотой знак «Полиция». Его голос глухо отразился эхом в зале с мраморными стенами и высоким потолком.

— Что-то случилось? — спросил охранник.

— Кто-нибудь работает так поздно вечером?

— Только четверо.

— Все в одном офисе?

— Нет. А что такое?

Боллинджер показал на открытую регистрационную книгу на стойке:

— Мне нужны имена всех четверых.

— Посмотрим здесь... Харрис, Дэвис, Отт и Макдональд.

- Где я могу найти Отта?
- На шестнадцатом этаже.
- Как называется его офис?
- "Импорт альпинистского снаряжения".

У охранника лицо было круглое и бледное.

У него был невыразительный рот и небольшие усики. Когда на его лице появилось удивленное выражение, усики почти полностью исчезли под ноздрями.

- На каком этаже работает Макдональд?
- На том же, на шестнадцатом.
- Он работает с Оттом?
- Верно.
- Только эти четверо?
- Только эти четверо.
- Может быть, кто-то еще работает так поздно, а вы не знаете этого?

— Эта невозможно. После половины шестого каждый, кто поднимается вверх, должен отметиться у меня. В шесть часов мы проходим по каждому этажу, чтобы проверить, кто задерживается допоздна. Они отмечаются у нас, когда уходят. Администрация здания ввела пять строгих правил безопасности. Это одно из них. — Он похлопал по книге записей; — Если вдруг возникнет пожар, мы точно знаем, кто в здании и где можно их найти.

- А что с обслуживающим персоналом?
- Кого вы имеете в виду?
- Уборщицы, рабочие. Кто-то работает сейчас?
- Только не в пятницу вечером.
- Вы уверены?
- Конечно, уверен. — Он был явно недоволен вопросом и начинал сомневаться, следует ли ему отвечать. — Они придут на целый день завтра.
- А инженер здания?
- Шиллер? Он работает в ночную смену.
- Где Шиллер?
- На нижнем этаже.
- Что там?
- Полагаю, он осматривает один из водяных насосов.
- Он один?
- Да.
- Сколько еще охранников?
- Вы не собираетесь объяснить, в чем дело?
- Ради Бога. Чрезвычайная ситуация, — сказал Боллинджер. — Сколько еще охранников, кроме вас?

- Только двое. А какая чрезвычайная ситуация?
- Угроза взрыва бомбы.

Губы охранника затряслись. Усы, казалось, совсем исчезли.

- Вы разыгрываете?
- Мне бы хотелось, чтобы это было так. Охранник поднялся со стула и встал перед стойкой. В тот же момент Боллинджер поднял «вальтер».

Охранник побледнел:

- Что это?
 - Пистолет. Не стоит бежать за помощью.
 - Слышишь? Это угроза взрыва... Я не поверил в это.
- Боллинджер рассмеялся:
- Это правда. Я уверен в этом.
 - Эй, этот пистолет с глушителем?
 - Да.

— Но ведь полицейские не...

Боллинджер дважды выстрелил ему в грудь. Силой удара охранник был отброшен к мраморной стенке. Какое-то мгновение он стоял очень прямо, словно ждал, что кто-то измерит его рост и сделает отметку на стене. Затем он рухнул.

Часть вторая Пятница, 20.00 — 20.30

16

Боллинджер мгновенно отвернулся от убитого им человека и посмотрел на входные двери. Никого не было, никто не проходил мимо. Никто не мог видеть убийство.

Двигаясь быстро, но спокойно, он сунул пистолет в карман и подхватил тело под руки. Он оттащил его к небольшому промежутку между первыми двумя лифтами. Теперь всякий, кто будет входить в двери, увидит только пустой вестибюль.

Мертвец смотрел на него, его усы казались нарисованными на губе.

Боллинджер вывернул карманы охранника. Он увидел несколько монет, помятую пятидолларовую банкноту и связку из семи ключей.

Он вернулся в вестибюль.

Ему хотелось пройти прямо к двери. Но он понимал, что это была не очень хорошая идея. Если люди, следящие за системой наблюдения, увидят, как он запирает дверь, они будут удивлены. Они спустятся все разузнать, и он потеряет фактор неожиданности.

Он помнил все детали плана здания, который изучал в полдень; он спокойно прошел в дальний конец вестибюля и вошел в маленький коридор слева. Четыре комнаты выходили в коридор. Вторую справа занимали охранники. Дверь была открыта.

Стараясь, чтобы его мокрые ботинки сильно не скрипели, он подошел к открытой двери.

Внутри два человека разговаривали о своей работе: высказывали недовольство, но беззлобно.

Боллинджер вытащил пистолет из кармана пальто и шагнул в открытую дверь.

Охранники сидели за маленьким столом перед тремя телевизионными экранами. Они не следили за мониторами, они играли в карты. Старшему из них было лет под пятьдесят. Плотный, с седыми волосами, у него было бугроватое лицо профессионального боксера. Имя «Нили» было вышито на левом кармане рубашки. Он был медлителен. Посмотрев на Боллинджера, не отреагировав должным образом на оружие, он произнес без страха:

— Что это?

Второму охраннику было около тридцати. Худощавый, с аскетическим лицом, бледными руками. Когда он повернулся, чтобы взглянуть, что привлекло внимание Нили, Боллинджер увидел надпись «Фолкнер», вышитую на его рубашке.

Он застрелил Фолкнера первым.

Схватившись руками за простреленное горло, Фолкнер откинулся назад в кресло.

— Эй! — Толстый Нили был, наконец, на ногах. Его кобура была застегнута, и он возился с ней.

Боллинджер дважды выстрелил в него.

Нили странно дернулся, повалился на стол, а затем упал на пол вместе с рассыпавшимися картами.

Боллинджер проверил пульс. Они были мертвы.

Выйдя из комнаты, он закрыл за собой дверь.

Затем запер вращающуюся входную дверь в вестибюле и положил ключи в карман.

Он прошел к стойке, сел на стул. Достав коробку с патронами из левого кармана пальто, зарядил пистолет.

Потом он взглянул на часы. Десять минут девятого. Все шло точно по графику.

17

- Пицца была неплохой, — сказал Грэхем.
- Вино тоже хорошее, налей еще стаканчик.
- Мне хватит.
- Ну, немного.
- Нет. Я должен работать.
- Черт возьми.
- Ты знала об этом, когда пришла.
- Я пыталась споить тебя.
- Одной бутылкой вина?
- И потом соблазнить тебя.
- Завтра ночью, — ответил он.
- Я сгорю от желания к тому времени.
- Не переживай так.
- Она вздохнула.
- Он встал, обошел вокруг стола, поцеловал ее в щеку:
- Ты принесла книгу для чтения?
- Детектив о Ниро Вульфе.
- Тогда почитай.
- Могу я посматривать на тебя иногда?
- Как это посматривать?
- Почему мужчины смотрят журнал «Плейбой»? — спросила она.
- Я работаю не в обнаженном виде.
- Тебе это и не нужно.
- Приятные глупости.
- Ты очень сексуален и в одежде.
- О'кей, — ответил он, улыбаясь, — смотри, но не разговаривай.
- Могу я говорить чепуху?
- Говори, если хочешь.

Он был польщен комплиментами. И ей нравилась его реакция. Она почувствовала, что ей удалось значительно уменьшить его комплекс неполноценности, снимая его слой за слоем.

18

Инженер-строитель здания из ночной смены был коренастым светлокожим блондином. Ему перевалило далеко за сорок. На нем были серые брюки и рубашка в серо-бело-голубую клетку. Он курил трубку.

Когда Боллинджер спустился по ступеням из вестибюля с пистолетом в правой руке, инженер спросил:

— Кто вы, черт побери?

Он говорил с легким немецким акцентом.

— Это вы господин Шиллер? — спросил Боллинджер по-немецки. Его бабушка и дедушка были американцами немецкого происхождения. Он выучил язык в молодости и никогда не забывал его.

Удивленный услышанной немецкой речью, испуганный пистолетом и сбитый с толку улыбкой Боллинджера, Шиллер ответил:

— Да, это я.

— Я должен убить вас.

Шиллер вынул трубку изо рта, нервно облизнул губы:

— Из пистолета?

— Насмерть, — произнес Боллинджер. Он произвел два выстрела.

Поднявшись наверх к вестибюлю, Боллинджер открыл дверь в холле напротив комнаты охраны. Он включил свет.

Узкая комната была заполнена телефонным и электрическим оборудованием. Два ярко-красных огнетушителя размещались в наиболее доступных местах.

Он прошел в глубину комнаты, где на стене были прикреплены две квадратные металлические коробки: На крышке каждой коробки были нанесены знаки телефонной компании. Хотя разрушение их содержимого делало бесполезным все другое оборудование и распределительные щиты систем энергообеспечения, ни одна из коробок не была заперта. В каждой из них размещались двадцать шесть маленьких рычагов и выключателей. Все они были поставлены на отметку «включено». Боллинджер выключил их все один за другим.

Он подошел к ящику с надписью «Пожарная сигнализация». С силой распахнул его и повредил внутри всю проводку.

Сделав это, он прошел через холл в комнату охраны. Он обошел трупы и снял трубку с одного из двух телефонов, которые стояли перед экранами телевизоров. Он постучал по клавишам аппарата. Никакого сигнала.

Он положил трубку, взял трубку другого телефона: эта линия тоже молчала.

Тихо насвистывая, Боллинджер вошел в первый лифт.

На контрольной панели было два отверстия для ключа: верхнее открывало панель для ремонта, нижнее служило для отключения механизма лифта.

Он испробовал ключи, взятые у убитого охранника. Третий ключ подошел для нижнего отверстия.

Он нажал кнопку пятого этажа. Номер этажа не зажегся. Двери не закрывались. Лифт не двигался.

Насвистывая громче, он отключил четырнадцать из имеющихся пятнадцати лифтов. Оставшимся лифтом он воспользуется для того, чтобы подняться на шестнадцатый этаж, где работают Отт и Макдональд, а затем — на сороковой этаж, где ждали своей очереди Харрис и его женщина.

19

Хотя Грэхем ничего не говорил, Конни поняла: что-то произошло. Он тяжело дышал. Она оторвала взгляд от книги и увидела, что он перестал работать и сидел, уставившись в пустоту с приоткрытым ртом и остекленевшими глазами.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты побледнел.

— Просто головная боль.

— Ты дрожишь.

Он ничего не ответил. Она поднялась, отложила книгу, подошла к нему. Присев на угол его стола, спросила:

— Грэхем?

— Все хорошо. Я нормально себя чувствую.

— Нет. Это не так.

— Со мной все в порядке.

— Но минуту назад тебе было плохо.

— Да, какое-то мгновение мне было не по себе, — согласился он.

Она взяла его за руку, которая была ледяной:

— Видение?

— Да, — ответил Грэхем.

— Что ты видел?

— Себя. В меня стреляли.

— Это нисколько не смешно.

— Я не шучу.

— Ты никогда раньше не видел себя в видениях. Ты всегда говорил, что ясновидение действует только тогда, когда затронуты другие люди.

— Но не в этот раз.

— Может быть, ты ошибся?

— Сомневаюсь. Я почувствовал, как будто меня ударили молотком по спине. Я был сбит с ног. Я видел, как я упал. — Его голубые глаза расширились: — Там была кровь, большая лужа крови.

Она почувствовала острую боль в сердце. Он никогда не ошибался. И сейчас предсказывал, что будет застрелен.

Он крепко сжал ее руку, как будто старался влить в себя ее силу.

— Ты будешь убит?

— Я не знаю, — ответил он. — Может быть — убит, может — только ранен. Выстрел в спину. Это я отчетливо видел.

— Кто это сделал? Вернее, сделает?

— Полагаю, что Мясник.

— Ты его видел?

— Нет. Только сильное ощущение.

— Где это случилось?

— В месте, которое мне хорошо знакомо.

— Здесь?

— Может быть.

— Дома?

— Возможно.

Сильный порыв ветра ударил в окна. Стекла в офисе сильно задрожали.

— Когда это случится? — не отступала она.

— Скоро.

— Сегодня вечером?

— Не уверен.

— Завтра?

— Возможно.

— В воскресенье?

— Нет, раньше.

— Что мы собираемся предпринять?

20

Лифт остановился на шестнадцатом этаже.

Боллинджер воспользовался ключом, чтобы отключить лифт, прежде чем выйти из него. Кабина лифта останется здесь с открытыми дверями, пока снова не понадобится ему.

Шестнадцатый этаж почти полностью был погружен во мрак. Горела только люминесцентная лампа в лифте. В коридоре единственным освещением были две аварийные тусклые красные лампочки, указывающие на выходы в конце этажа.

Боллинджер не любил темноту. Он достал небольшой фонарик из внутреннего кармана пальто и включил его.

На шестнадцатом этаже размещались десять офисов небольших фирм, шесть справа и четыре слева от лифтов. Он пошел направо, через два ряда комнат увидел дверь с надписью: «Импорт альпинистского оборудования».

Он выключил фонарик и убрал его, достал вальтер.

«Слава Богу, — подумал он, — все идет так гладко и легко». Как только он закончит с

этой фирмой, он сможет идти дальше к главной цели. Харрис будет первым, затем — женщина. Если она окажется хорошенькой... Он уже настолько опережает график, что останется еще час в запасе. Час на женщину, если она того стоит. Он был готов для женщины, полон энергии, желания и волнения. Женщина, стол с обильной едой, немного крепкого виски, но более всего — женщина. За час он сможет использовать ее, полностью, до капельки использовать ее.

Он толкнул дверь в офис. Она была не заперта.

Он прошел в приемную. Комната была темной. Неяркий свет пробивался из смежного офиса, дверь в которой была наполовину приоткрыта.

Он подошел к пробивающейся полоске света. Постоял, прислушиваясь к разговору мужчин. Наконец он распахнул дверь и вошел внутрь.

Они сидели за круглым столом, заваленном бумагами и рекламными проспектами. Они были без пиджаков и галстуков, рукава рубашек закатаны. Один был одет в голубую рубашку, другой — в белую. Они сразу увидели пистолет, но им понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя, прежде чем они смогли поднять глаза и посмотреть ему в лицо.

— Здесь пахнет духами, — заметил Боллинджер.

Они уставились на него.

— Кто-то из вас пользуется духами?

— Нет, — ответил мужчина в голубой рубашке. — Духи — один из предметов нашего импорта.

— Кто из вас Макдональд?

Они посмотрели на пистолет. Переглянулись друг с другом, затем снова уставились на пистолет.

— Макдональд? — спросил Боллинджер.

Человек в голубой рубашке сказал:

— Он — Макдональд.

Человек в белой рубашке сказал:

— Нет, он — Макдональд.

— Это ложь, — возмутился тот, что был в голубой рубашке.

— Нет, это он обманывает, — закричал другой.

— Я не знаю, что вам нужно от Макдональда, — сказал человек в голубой рубашке, — только увольте меня от всего этого. Делайте с ним то, что вам надо, и убирайтесь.

— Боже мой, — воскликнул другой, в белой рубашке, — я не Макдональд. Вам нужен он, вот этот сукин сын, не я.

Боллинджер захохотал:

— Это не имеет значения. Мне так же нужен и мистер Отт.

— Я? — удивленно спросил человек в голубой рубашке. — Но кому на свете понадобилось убивать меня?

21

Конни сказала:

— Ты должен позвонить Предуцки.

— Зачем?

— Получишь защиту полиции.

— Это бесполезно.

— Он верит в твои видения.

— Я знаю.

— Он обеспечит тебе защиту.

— Конечно, — ответил Грэхем. — Но я не это имею в виду.

— Объясни.

— Конни, я видел, как мне выстрелили в спину. Это должно случиться. То, что я вижу,

всегда происходит. Никто ничего не может сделать, чтобы предотвратить это.

— Но ведь предопределения не существует. Будущее можно изменить.

— Можно изменить?

— Ты знаешь, что можно.

Он отрешенно посмотрел на нее:

— Я очень сомневаюсь в этом.

— Ты не можешь быть уверен.

— Но я уверен.

Стремление приписывать все свои слабости предопределенности расстроило ее гораздо больше, чем все, что касалось его ранее. Это крайне пагубная форма трусости. Он отказывается от всякой ответственности за собственную жизнь.

— Позвони Предуцки, — настаивала она.

Он опустил глаза и уставился на ее руку, но было не похоже, что это полностью захватило его внимание.

Тогда она произнесла:

— Если этот человек придет домой, чтобы убить тебя, я скорее всего буду там тоже. Неужели ты думаешь, что он выстрелит в тебя и затем просто уйдет, оставив меня в живых?

Потрясенный мыслью о том, что она может оказаться под ножом Мясника, он произнес:

— Боже мой!

— Позвони Предуцки.

— Хорошо. — Он оторвал взгляд от ее руки. Взял телефонную трубку, послушал мгновение, постучал по кнопкам.

— Что такое?

Нахмурившись, он ответил:

— Нет гудков. — Он положил трубку, подождал немного, снова взял трубку: — Опять ничего.

Она встала из-за стола.

— Давай попробуем позвонить по телефону секретаря. — Они прошли в приемную. Тот телефон тоже молчал.

— Забавно, — сказал он.

Ее сердце учащенно забилося, она спросила:

— Он собирается прийти за тобой сегодня вечером?

— Я же сказал тебе, что я не знаю наверняка.

— Может быть, он уже в здании?

— Ты думаешь, что он перерезал телефонную линию?

Она кивнула.

— Невероятно, — ответил он. — Это просто поломка на линии.

Она прошла к двери, открыла ее, шагнула в коридор. Он шел следом за ней, придерживая свою изувеченную ногу.

Коридор был погружен в темноту. Тусклые красные указатели аварийных выходов горели в конце коридора над дверями, ведущими к лестнице.

В сорока шагах по коридору виднелся ряд светло-голубых точек, обозначающих местонахождение лифтов.

Кругом было тихо, только слышно их дыхание.

— Я не ясновидящая, — сказала она, — но мне все это не нравится. Я чувствую это, Грэхем, что-то не так.

— В зданиях, как это, телефонные провода спрятаны в стену. За пределами здания они расположены под землей. В этом городе все телефонные линии под землей. Как он может добраться до них?

— Я не знаю, но он, может быть, знает.

— Это слишком рискованно для него, — сказал Грэхем.

— Он уже рисковал прежде, десять раз.

— Но в этот раз все не так, мы не одни. Служба охраны находится в здании.
— Но они сорока этажами ниже.
— Далековато, — согласился он. — Давай выбираться отсюда.
— Мы, вероятно, покажемся глупцами.
— Может быть.
— Мы, возможно, останемся целы и невредимы и здесь.
— Как знать.
— Я принесу пальто.
— Забудь про пальто, — он взял ее за руку, — пошли, давай доберемся до этих лифтов.

* * *

Боллинджеру понадобилось восемь выстрелов, чтобы покончить с Макдональдом и Оттом. Они остались лежать около оборудования.

К тому времени, когда он убивал их, «вальтер» стрелял уже не бесшумно. Никакой глушитель не может быть эффективным при дюжине выстрелов. Его набивка и оболочка были повреждены пулями, и звук выстрела стал слышен. Последние выстрелы прозвучали, как резкий лай собаки. Но это не имело значения. Звук нельзя было услышать с улицы и с сорокового этажа.

Он зажег свет в прихожей офиса «Импорт альпинистского снаряжения». Снял глушитель и положил его в карман. Он не хотел рисковать и боялся засорить ствол оторвавшимися стальными волокнами от глушителя. Кроме того, в здании не осталось никого, кто мог бы услышать выстрелы, когда он будет убивать Харриса и женщину. Звук выстрела на сороковом этаже не пройдет через стены и окна и не будет слышен на Лексингтон-авеню.

Он посмотрел на часы: восемь часов двадцать пять минут.

Он погасил свет, вышел из офиса и направился по коридору к лифту. Сороковой этаж обслуживали восемь лифтов, но ни один из них не работал.

Конни нажала кнопку вызова последнего лифта. Когда никакой реакции не последовало, она произнесла:

— Телефон, лифт...

В тусклом свете искусственного освещения морщины вокруг рта Грэхема выделялись глубже и резче, чем обычно; его лицо напоминало лицо актера театра «Кабуки» с нарисованным выражением крайнего беспокойства:

— Мы в ловушке.

— Это может быть всего лишь обычная поломка, — сказала она. — Повреждение механизма, может быть, именно сейчас все исправляют.

— А телефоны?

— Совпадение. Может быть, в этом нет ничего страшного.

Неожиданно цифры над дверью лифта, перед которым они стояли, стали загораться одна за другой: 16... 17... 18... 19... 20...

— Кто-то поднимается, — заметил Грэхем.

У нее по спине пробежал холодок. 25... 26... 27...

— Может быть, это охранники, — произнесла она.

Он молчал.

Ей хотелось повернуться и бежать, но она не могла сдвинуться с места. Цифры заворожили ее: ...30 ...31 ...32...

Она подумала о женщинах, лежавших в окровавленной одежде с перерезанным горлом, отрубленными пальцами и отрезанными ушами. ...33...

— Лестница! — воскликнул Грэхем, напугав ее.

— Лестница?

— Аварийный выход.

...34...

— Ну и что?

— Мы должны спуститься вниз.

— Спрятаться несколькими этажами ниже?

...35...

— Нет. Добраться вниз до вестибюля.

— Но это очень далеко!

— Только там могут помочь.

...36...

— Может быть, нам не нужна помощь.

— Нам нужна помощь, — сказал он.

...37...

— Но твоя нога...

— Я не полный инвалид, — резко сказал он.

...38...

Он схватил ее за плечо. Его пальцы вцепились в нее, но она знала, что он даже не осознает этого.

— Пошли, Конни.

...39...

Обеспокоенный ее колебаниями, он оттолкнул ее от лифта. Она покачнулась, едва не упав, но он подхватил ее.

Когда они бежали по темному коридору, она услышала, что двери лифта открылись позади них.

* * *

Когда Боллинджер вышел из кабины лифта, он увидел двух людей, убежавших от него. Они казались призрачными фигурами, неясно вырисовывавшимися на фоне отблеска красного света аварийного выхода в конце коридора.

Харрис и женщина? Он удивился. Они почувствовали опасность? Неужели они поняли, кто я? Как они узнали?

— Мистер Харрис? — позвал Боллинджер.

Они остановились, пробежав две трети коридора, напротив открытой двери в офис Харриса. Они повернулись лицом к нему, но он не мог разглядеть их лиц в красном свете, разливавшемся за их спинами.

— Мистер Харрис, это вы?

— Кто вы?

— Полиция, — произнес Боллинджер. Он сделал шаг в их сторону, затем другой. Двигаясь, он достал бумажник с эмблемой из внутреннего кармана пальто. Из кабины лифта падал свет. Он знал, что они могут видеть больше, чем он.

— Не приближайтесь, — сказал Харрис.

Боллинджер остановился:

— Что случилось?

— Я не хочу, чтобы вы приближались.

— Почему?

— Мы не знаем, кто вы.

— Я детектив, Фрэнк Боллинджер. Мы договорились о встрече на половину девятого. Помните? — Шаг... еще шаг...

— Как вы сюда поднялись? — Голос Харриса звучал резко.

«Он испуган до смерти», — подумал Боллинджер. Улыбнувшись, он произнес:

— Эй! Что с вами происходит? Почему вы так встревожены? Вы ждали меня. — Боллинджер приближался медленно, легкими шагами, точно боясь спугнуть животных.

— Как вы поднялись? — повторил Харрис. — Лифты не работают.
— Вы ошибаетесь, я поднялся на лифте. — Он держал свою эмблему перед собой в левой руке, вытянув ее, и надеялся, что свет из лифта упадет на золотое тиснение. Он сократил почти на пятую часть расстояние между ними.
— Телефоны не работают, — сказал Харрис.
— Да? — ...Шаг... шаг..
Он опустил правую руку в карман пальто и стиснул рукоятку пистолета.

* * *

Конни не могла отвести глаз от громадной фигуры, медленно приближавшейся к ним. Она тихо обратилась к Грэхему:
— Помнишь, что ты сказал в программе Прайна?
— Что? — Его голос сломался.
«Не позволяй страху захватить тебя, — молила она. — Не сломайся и не оставь меня разбираться с ним одну». Она прошептала:
— В своем видении ты сказал, что полиция хорошо знает убийцу.
— Ну и что из этого?
— Может быть, Мясник — полицейский?
— Боже мой, это действительно так!
Он говорил так тихо, что она едва слышала его. Боллинджер продолжал приближаться. Огромный человек, похожий на медведя. Его лицо находилось в тени. Он практически наполовину сократил дистанцию между ними.
— Оставайтесь там, — сказал Грэхем. Но в его голосе не было ни силы, ни уверенности.
Однако Боллинджер остановился:
— Мистер Харрис, вы ведете себя очень странно. Я полицейский. Вы знаете... вы ведете себя так, словно вы сделали что-то и хотели бы скрыть это от меня. — Он сделал шаг, другой, третий.
— Лестница? — спросила Конни.
— Нет, — ответил Грэхем. — У нас мало шансов. С моей хромой ногой он в один момент схватит нас.
— Мистер Харрис, — произнес Боллинджер, — о чем вы там разговариваете? Пожалуйста, не шепчитесь.
— Тогда куда?
— В офис.
Он слегка подтолкнул ее, и они быстро проскочили в помещение издательства Харриса, захлопнули и заперли дверь приемной.
Секундой позже Боллинджер попытался выбить дверь плечом. Дверной косяк дрожал. Он яростно дергал за ручку.
— У него, наверное, есть оружие, — произнесла Конни. — Он ворвется сюда рано или поздно.
Грэхем кивнул:
— Я знаю.

Часть третья

Пятница, 20.30 — 22.30

не оборудованных сигнализацией полицейских седанов, которые заняли половину улицы с двухрядным движением. Ни в одном из пяти автомобилей никого не было, но двигатели работали и сирены были включены. Три бело-голубые машины были оборудованы красными вращающимися маяками. Предуцки вышел из автомобиля и запер его.

Небольшой слой снега придавал улице чистый, привлекательный вид. Подходя к жилому дому, Предуцки шаркал ногами по тротуару, поднимая перед собой облако белых снежинок. Ветер дул в спину, и холодные снежинки попадали ему за воротник. Он вспомнил тот февраль, когда ему было четыре года и его семья переехала в Нью-Йорк, где он впервые увидел снежную пургу.

Патрульный в форме, приблизительно тридцати трех лет, стоял на крыльце жилого дома.

— Тяжелая работенка у тебя сегодня вечером, — сказал Предуцки.

— Я так не думаю, я люблю снег.

— Вот так, и я тоже.

— Кроме того, — заметил патрульный, — лучше стоять здесь на холоде, чем там наверху, среди крови.

В комнате стоял запах крови, испражнений и рассыпанной пудры.

Убитая женщина лежала на полу, около кровати, пальцы были согнуты, как когти. Ее глаза были широко открыты.

Два эксперта работали вокруг тела. Тщательно изучали все, прежде чем обвести мелом его положение и затем убрать.

Детектив Ральф Мартин занимался изучением места происшествия. Этот круглолицый, совершенно лысый человек с густыми бровями носил темные очки. Он избегал смотреть на труп.

— Звонок от Мясника поступил без десяти семь, — сказал Мартин. — Мы сразу же набрали твой домашний номер телефона, но смогли дозвониться только около восьми часов.

— У меня телефон был отключен. Я встал минут пятнадцать девятого. Я работал всю ночь напролет. — Он взглянул на труп и быстро отвернулся.

— Так что он сказал, этот Мясник?

Мартин достал два свернутых листка бумаги из кармана и развернул их.

— Я продиктовал разговор, как я запомнил его, и одна из девушек сделала его запись.

Предуцки прочитал оба листка:

— Он не дал нам ни одной зацепки, кого он собирается убить сегодня ночью?

— Вот все, что есть.

— Этот звонок не характерен для него.

— Как нехарактерно и то, что он убивает две ночи подряд, — добавил Мартин.

— Непохоже на него и то, что он убил двух женщин, которые знали друг друга и работали вместе.

Мартин удивленно поднял брови:

— Ты думаешь, что Сара Пайпер что-нибудь знала?

— Ты имеешь в виду, что она знала, кто убил ее подругу?

— Да. Ты думаешь, он убил Сару, чтобы она ничего не сказала?

— Нет. Он, вероятно, увидел их обеих в клубе «Горный хрусталь» и не мог решить, которую ему хотелось больше. Она не знала, кто убил Эдну Маури. Я головой ручаюсь за это. Конечно, я не знаток характеров и иногда попадаю впросак. Но в этом случае я уверен, что прав. Если бы она знала, она сказала бы мне. Сара была открытой, прямолинейной, по-своему честной и чертовски хорошенькой.

Взглянув на лицо мертвой женщины, которое было, на удивление, не запятнано кровью, хотя находилось в середине запекшейся бурой массы, Мартин заметил:

— Да, она была хорошенькой.

— Я не имел в виду только внешнюю привлекательность, — уточнил Предуцки, — она была прекрасным человеком.

Мартин кивнул.

— У нее был такой мягкий акцент Джорджии, напоминавший мне о доме.

— О доме? — удивился Мартин. — Ты из Джорджии?

— Почему бы и нет?

— Айра Предуцки из Джорджии?

— Там много евреев и славян.

— А где твой акцент?

— Мои родители не с Юга, поэтому у них не было акцента и они не могли передать его мне. Мы переехали на север, когда мне было четыре года, и у меня не было времени усвоить его.

Какое-то мгновение они смотрели на тело Сары Пайпер и на двух экспертов, которые колдовали над ней, как египетские служители смерти.

Предуцки отвернулся от трупа, достал носовой платок из кармана и высморкался.

— Следователь — на кухне, — сказал Мартин. Его лицо было бледным, блестело от пота. — Он сказал, что хотел бы увидеть тебя, когда ты придешь.

— Дай мне несколько минут, — ответил Предуцки. — Я хотел бы немного осмотреть здесь все и поговорить с этими парнями.

— Ничего, если я подожду в гостиной?

— Конечно, иди.

Мартин кивнул:

— Это отвратительная работа.

— Отвратительная, — согласился Предуцки.

23

Выстрел гулко прогремел в темном коридоре.

Замок разлетелся вдребезги, и дерево раскололось под ударом пули.

Сморщив нос от запаха горелого пороха и обгоревшего металла, Боллинджер распахнул разбитую дверь.

В приемной было темно. Когда он нашел выключатель и включил свет, то увидел, что комната пуста.

Издательство Харриса занимало самое маленькое помещение среди трех офисов, разместившихся на сороковом этаже. Кроме холла, куда он вошел, здесь было пять комнат, включая приемную: немного места, где можно было спрятаться. Из приемной вели две двери — одна налево, другая направо.

Сначала он толкнул дверь налево — она вела в коридор, куда выходили двери трех кабинетов: один для редактора и его секретаря, другой для рекламного агента и продавца и третий для двух художников-оформителей. Харриса и его женщины в этих комнатах не было.

Боллинджер оставался хладнокровным, спокойным и в то же время был крайне возбужден. Никакой спорт и наполовину не мог быть таким волнующим и впечатляющим, как охота на людей. Он наслаждался больше преследованием, чем самим убийством. Он испытывал более приятное возбуждение в первые дни непосредственно после убийства, чем во время охоты или самого убийства. Когда дело было сделано, кровь пролита, он начинал анализировать: не допустил ли ошибку, не оставил ли улику, которая могла привести к нему полицию. Его напряжение держало его на взводе, заставляло работать его кипучую энергию. Наконец, когда проходило достаточно времени и он убеждался, что остался вне подозрений в убийстве, чувство благополучия, возвышенного превосходства наполняло его, как волшебный эликсир наполняет пустой кувшин.

Другая дверь соединяла приемную и личный кабинет Грэхема, она была заперта.

Он отступил назад и дважды выстрелил в замок. Мягкий металл звякнул и рассыпался, куски дерева разлетелись в воздухе.

Он все еще не мог открыть ее. Они придвинули к двери какую-то тяжелую мебель с той

стороны.

Когда он подошел к двери, толкнул ее со всей силой, она не поддавалась. Но он должен был освободить проход. За дверью ему представлялось нечто высокое, длинное, как дверь, но более широкое, возможно, книжный шкаф, нечто с высоким центром тяжести. Он начал ритмично бить в дверь: сильный толчок... С каждым ударом баррикада раскачивалась все сильнее и неожиданно упала с громким треском и звоном разбитого стекла.

В воздухе разлился сильный запах виски. Он протиснулся в полуоткрытую дверь, перешагнул через антикварный бар, который они использовали для баррикады, наступив в лужу дорогого виски. Свет был включен, но в комнате никого не было. В дальнем конце комнаты находилась еще одна дверь. Он подошел и распахнул ее. Перед ним оказался темный коридор сорокового этажа.

Пока он тратил время на обследование комнат, они выскользнули в коридор другим путем, выиграв у него несколько минут. Умно! Но недостаточно умно.

После всего они остались лишь неопытной дичью, в то время как он был маститым охотником.

Он тихонько рассмеялся.

Залитый красным светом, Боллинджер прошел к ближайшему концу коридора, осторожно открыл дверь аварийного выхода. Он ступил на лестничную площадку аварийного выхода, тихо закрыв за собой дверь. Тусклая белая лампочка освещала выход с этой стороны.

Он слышал их шаги, раздававшиеся внизу и отражавшиеся эхом среди холодных бетонных стен.

Он подошел к стальным перилам и вгляделся в перемежающиеся полосы света и тени: лестничная площадка освещалась, а ступени оставались в темноте. Десять или двенадцать освещенных полос внизу, пять или шесть этажей вниз, — женская рука появилась на перилах, двигаясь по ним не так быстро, как следовало бы. (Если бы он был на их месте, он прыгал бы через две ступени, а может, и еще быстрее.) Открытое пространство было слишком узким, длинным, как пролет лестницы, шириной всего один метр, поэтому Боллинджер не мог видеть площадки и ряда ступеней под ней. Все, что он видел, — это бесконечный серпантин перил и белую руку своей жертвы. Секундой позже рука Харриса вынырнула из темноты на свет, освещавший лестничную площадку, он перехватывал перила, следуя за женщиной через освещенное пространство, затем снова пропал в темноте.

В какое-то мгновение Боллинджер решил бежать вниз по ступеням за ними, стреляя им в спину, но почти сразу отказался от этой идеи. Они услышат, когда он побежит за ними, и, вероятнее всего, поспешно убегут с лестницы в поисках места, где можно спрятаться, спастись. Он не узнает точно, на каком этаже они уйдут с лестницы. Невозможно одновременно бежать за ними и следить за их руками на перилах.

Он не хотел терять их след. Хотя ему нравилась интересная и трудная охота, он не собирался заниматься ею всю ночь. С одной стороны, Билли будет ждать его в автомобиле в переулке в десять часов, с другой — ему хотелось оставить время на женщину, хотя бы полчаса, если она привлекательна.

Ее белая рука показалась на освещенном участке перил.

Затем рука Харриса.

Они продолжали двигаться не так быстро, как следовало бы.

Он попытался сосчитать лестничные пролеты. От двенадцати до четырнадцати... Их разделяли шесть или семь этажей.

Где они находятся? На тридцать третьем этаже? Боллинджер отошел от перил, открыл дверь и покинул лестницу. Он побежал по коридору сорокового этажа к кабине лифта, которым он пользовался. Он включил его ключом, поколебался и нажал на кнопку двадцать шестого этажа.

Лестница казалась Конни бесконечной. Когда она пересекала перемежающиеся полосы фиолетовой темноты и тусклого света, ей представлялось, будто она спускалась по длинной дороге в ад, а Мясник выполнял роль ухмыляющегося дьявола, который подгонял ее вниз.

Спертый воздух был холодным. Несмотря на это, она вспотела.

Она понимала, что им следовало бы двигаться быстрее, но их задерживала больная нога Грэхема. В какой-то момент ее захлестнула ярость и злость на него, как на помеху в их спасении. Но злость мгновенно исчезла, оставив чувство вины и удивления. Она подумала, что трудные обстоятельства стали причиной ее негативной реакции по отношению к нему. Почти полностью поглощенная инстинктом самосохранения, она явно оказалась способной на поступки и действия, которые критиковала у других. Интуиция позволила ей понять и оценить страх Грэхема так глубоко, как ей раньше не удавалось. Ведь он не хотел падать с Эвереста и получить травму. И, принимая во внимание тупую боль, от которой он страдал, когда поднимался или спускался более, чем на два лестничных пролета, она должна была признать, что он вел себя в этих условиях прилично.

Спускаясь вслед за ней, Грэхем сказал:

— Ты иди вперед. — Он уже несколько раз повторял ей это. — Ты двигаешься быстрее.

— Я останусь, — ответила она, пытаюсь выровнять дыхание.

Их голоса звучали тихо.

Она достигла площадки тридцать первого этажа, подождала его; затем продолжала спуск.

— Я не оставлю тебя одного. У нас двоих... больше шансов против него... больше, чем если бы мы были поодиночке.

— У него пистолет. У нас нет шансов.

Она ничего не ответила, только продолжала спускаться по ступеням.

— Иди, — повторил он, сдерживая дыхание между фразами. — Ты приведешь охранников... как раз, чтобы... не дать ему... убить меня.

— Я думаю, что охранники убиты.

— Что?

Она не хотела говорить это, как будто если она скажет, то это действительно будет так.

— Как еще... он мог пройти... мимо них?

— Записаться в регистрационный журнал. И...

— И оставить свое имя... чтобы его нашли полицейские?

Шагов через двенадцать он произнес:

— Черт!

— Что?

— Ты права.

— Помощи ждать неоткуда, — сказала она. — Только бы выбраться... из здания.

Откуда-то у него появился новый прилив сил в искаленной ноге. Когда она спустилась на площадку тридцатого этажа, ей не пришлось ждать его, чтобы поддержать.

Минуту спустя резкий звук прогремел внизу, заставив их застыть в кругу света на двадцать девятом этаже.

— Что это?

— Аварийная дверь. Кто-то открыл ее... там, внизу, — ответил Грэхем.

— Он?

— Тсс.

Они замерли, пытаясь уловить малейшее движение внизу.

Конни показалось, что круг света начал сжиматься вокруг нее, быстро превращаясь в крошечную светящуюся точку. Она боялась оказаться слепой и беспомощной, легкой добычей в сплошной темноте. По ее мнению, Мясник имел мистические качества — он мог видеть в темноте.

Их дыхание стало ровным, на лестнице было тихо. Слишком тихо. Неестественно тихо. Наконец Грэхем произнес:

— Кто здесь?

Она вздрогнула от звука его голоса. Человек внизу ответил:

— Полиция, мистер Харрис.

Затаив дыхание, Конни сказала:

— Боллинджер.

Она стояла ближе к внешнему краю ступенек и посмотрела вниз. Мужская рука лежала на перилах четырьмя пролетами ниже в скудном освещении, на две или три ступени выше площадки. Она даже могла видеть рукав его пальто.

— Мистер Харрис, — произнес Боллинджер. Его голос звучал холодно и глухо.

— Что вам надо? — спросил Харрис.

— Она хорошенькая?

— Кто?

— Ваша женщина.

После этого Боллинджер начал подниматься. Не спеша. Уверенно. Шаг за шагом.

Она была больше напугана его медленным, спокойным приближением, чем если бы он мчался за ними. Но, не торопясь, он показывал им, что они в ловушке и у него целая ночь впереди, чтобы поймать их, если он захочет продлить это удовольствие.

«Если бы только у нас был пистолет», — подумала она.

Грэхем взял ее за руку, и они стали подниматься по ступенькам так быстро, как только он мог. Это было нелегко. У нее болели спина и ноги. С каждым шагом Грэхем сильнее стискивал зубы или громко стонал.

Когда они проскочили два этажа, четыре пролета, они остановились передохнуть. Он наклонился, чтобы растереть больную ногу. Она подошла к перилам и выглянула вниз.

Боллинджер находился четырьмя пролетами ниже. Он явно бежал, когда услышал, что они побежали, но сейчас снова остановился. Он наклонился над перилами, его силуэт вырисовывался в тусклом свете, пистолет был у него в правой руке.

— Э, да ты хорошенькая.

Она вскрикнула и отдернулась назад.

Он выстрелил.

Пуля прошла по центру, отрекошетила от перил сверху, ударилась в стену над их головами и отрекошетила еще раз на ступеньки над ними.

Она прижалась к Грэхему, он обнял ее.

— Я мог бы убить тебя, — прокричал ей Боллинджер, — я едва не убил тебя, мое сердечко. Но нам с тобой еще предстоит хорошо повеселиться.

Затем он снова начал подниматься, как раньше. Медленно. Ботинки зловеще скрипели по бетону: скрип... скрип... скрип... Он начал тихонько насвистывать.

— Он не только преследует нас, — сердито произнес Грэхем, — этот сукин сын играет с нами.

— Что мы будем делать?

...скрип... скрип...

— Мы не можем обогнать его.

— Но мы должны.

...скрип... скрип...

Харрис толкнул аварийную дверь. Это был тридцать первый этаж.

— Пошли.

Она не была уверена, что они что-нибудь выиграют, оставив лестницу, но ничего лучшего не приходило ей в голову, и она шагнула из белого света в красный.

...скрип... скрип...

Грэхем закрыл дверь и нагнулся над ней. Складная дверная защелка была прикреплена в правом нижнем углу двери. Он вытянул защелку вниз до пола, и петли двери оказались замкнутыми в этом месте. Его руки тряслись, и казалось, что он не сможет справиться с такой простой задачей.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Он выпрямился:

— Это не сработало бы, если бы задвижкой нельзя было стопорить петли. Но здесь можно. Видишь нижний край двери? Он на дюйм выше уровня пола на той стороне. Когда он попытается открыть дверь, защелка зацепится за нижний край. Она будет держаться так же, как хороший засов.

— Но у него пистолет.

— Не имеет значения. Он не сможет пробить тяжелую металлическую дверь.

Хотя ей было страшно, Конни обнаружила, что у Грэхема появилась уверенность. Может, на короткое время — но он действовал, несмотря на свой страх.

Дверь загремела, когда Боллинджер нажал на ручку со своей стороны. Защелка зацепилась за пол, петли не поворачивались, дверь не открывалась.

— Ему придется подняться этажом выше или спуститься на этаж, — сказал Грэхем, — или добираться до нас по лестнице в другом конце здания. Или воспользоваться лифтом. Это дает нам несколько минут.

Ругаясь, Боллинджер дергал за ручку двери, прилагая всю свою силу. Но дверь не сдвинулась с места.

— Что нам дают эти несколько минут? — спросила Конни.

— Я не знаю.

— Грэхем, мы когда-нибудь сможем выбраться отсюда?

— Вероятно, нет.

25

Доктор Эндрю Эндерби, судмедэксперт, был учтивым, энергичным человеком, чрезвычайно бодрым для своих пятидесяти лет. У него были густые волосы с сединой на висках, ясные карие глаза. Длинный аристократический нос, красивые черты лица. Его прокуренные усы были длинными, но тщательно ухоженными. Он был одет в сшитый на заказ серый костюм, все аксессуары были подобраны со вкусом, что делало неряшливость Предуцки более очевидной.

— Привет, Энди, — сказал Предуцки.

— Номер одиннадцать, — пробормотал Эндерби. — Необычно. Почти как номер пять, семь и восемь. — Когда Эндерби был взволнован, что случалось нечасто, ему не терпелось высказаться. Он иногда начинал говорить очень порывисто. Он указал на кухонный стол и произнес: — Видишь это? Ни масляных пятен. Ни пятен от желе. Ни крошки. Все чертовски опрятно. Очередная подделка.

Технический эксперт вытаскивал кухонные отбросы из мусоропровода под раковиной.

— Почему? — спросил Предуцки. — Почему он имитирует пиршество, когда он не голоден?

— Я знаю почему. Уверен в этом.

— Так скажи мне, — попросил Предуцки.

— Прежде всего, ты знаешь, что я психиатр?

— Ты инспектор-патологоанатом.

— Психиатр тоже.

— Я не знал этого.

— Поступил в медицинскую школу. Прошел курс обучения. Специализировался по отоларингологии. Не смог стать отоларингологом. Ужасный способ зарабатывать на жизнь. В семье были деньги, поэтому я мог бы не работать. Но я пошел обратно в медицинскую школу. Стал психиатром.

— Это, должно быть, интересная работа?

— Завораживающая. Но я не смог работать психиатром, общаться с пациентами.

— Правда?!

— Каждый день в компании неврастеников. Я начал чувствовать, что половину из них следует заключить в сумасшедший дом. Я оставил это поле деятельности. Это было лучше для меня и для пациентов.

— Я бы тоже так сказал.

— Я немного осмотрелся. Двадцать лет назад стал полицейским-патологоанатомом.

— Мертвые не нервничают.

— Нисколько.

— И у них не бывает инфекций уха, горла, носа.

— Которыми они могли бы заразить меня, — добавил Эндерби. — Конечно, эта работа не приносит много денег. Но я получал деньги сколько мне было нужно. И эта работа как раз по мне. И я думаю, что прекрасно подхожу для этой работы. Мои знания психиатрии дают мне большие преимущества. Интуиция. У меня есть интуиция, чего не имеют другие патологоанатомы. И она дает о себе знать, как, например, сегодня вечером.

— В том, почему Мясник иногда съедает много пищи, а иногда создает видимость обильной еды?

— Да, — произнес Эндерби. Он глубоко вздохнул, затем выдохнул: — Это потому, что их двое.

Предуцки почесал в затылке:

— Шизофрения?

— Нет, нет. Я имею в виду... совершает убийства женщин не один человек. Их двое. — Он улыбнулся с видом победителя.

Предуцки уставился на него.

Эндерби стучал кулаком по своей ладони и говорил:

— Я прав! Я знаю это. Мясник номер один убил первые четыре жертвы. Убийство вызвало у него большой аппетит. Мясник номер два убил пятую женщину. Зарезал ее так же, как делал Мясник номер один. Но он немного чувствительнее, чем первый Мясник, убийство лишило его аппетита, поэтому он создал видимость обеда.

— Зачем ему надо было суетиться и подстраивать это?

— Просто. Он хотел, чтобы не осталось никаких сомнений в том, кто убил ее. Он хотел заставить поверить нас в то, что это был Мясник.

Предуцки неожиданно заметил, как аккуратно завязан галстук у Эндерби. Он смущенно потрогал свой узел:

— Извини меня. Я не совсем понял. Моя вина. Бог его знает. Но, видишь ли, мы никогда не рассказывали в газетах о кухонных сценах. Мы держали это в секрете, чтобы отделить ложные признания от настоящих. Если этот парень, Мясник номер два, хотел подражать настоящему Мяснику, откуда он мог знать о кухне?

— Ты пропустил одну деталь.

— Так, может быть, и так.

— Мясник номер один и Мясник номер два знают друг друга. Они работают сообща.

Изумленный, Предуцки спросил:

— Они друзья? Ты считаешь, что они выходят и убивают, как другие люди выходят поиграть в кегельбан?

— Я бы не так выразился.

— Они убивают женщин, пытаясь представить это как работу одного человека?

— Да.

— Но почему?

— Не знаю. Может быть, они создают комбинированный характер Мясника. Они создают для нас образ убийцы, который в действительности не похож ни на одного из них. Сбивают нас со следа. Страхуют себя.

Предуцки начал расхаживать перед столом, заваленным остатками пищи.

— Два психопата встречаются в баре...

— Не обязательно в баре.

— Они общаются между собой и подписывают пакт об убийстве всех женщин в Манхэттене.

— Не всех, — уточнил Эндерби, — но многих.

— Я извиняюсь. Может быть, я недостаточно умен. Или я не слишком образован. Но, доктор, я не могу принять это на веру, как вы. Я не могу поверить в психопатов, работающих вместе так гладко и эффективно.

— Почему нет? Вспомни ряд убийств в Калифорнии. В семье Мэнсона было несколько психопатов, и все они работали гладко и эффективно, совместно совершив большое количество убийств.

— Они были задержаны, — заметил Предуцки.

— Но не сразу.

26

На тридцать первом этаже «Бовертон билдинг» располагались шесть офисов.

Грэхем и Конни толкнули несколько дверей, но все они были заперты. Они предположили, что другие тоже закрыты.

Однако в главном холле около кабин лифта Конни случайно обнаружила незапертую дверь без таблички. Она открыла ее. Грэхем поискал выключатель, нашел его. Они вошли внутрь.

Комната была небольшая, метра три в длину и два в ширину. Слева — металлическая дверь, покрашенная в красный цвет; на этой же стороне вдоль стены расставлены швабры, веники и щетки. Справа вдоль стены были расположены металлические полки, полные моющих и чистящих средств.

— Это служебное помещение, — сказал Грэхем.

Конни подошла к красной двери. Она шагнула из комнаты, придерживая за собой дверь. Она была удивлена и взволнована тем, что увидела:

— Грэхем! Эй, посмотри на это.

Он не ответил.

Она шагнула обратно в комнату, повернулась к нему и повторила:

— Грэхем, посмотри.

Он стоял рядом и держал перед собой большие ножницы. Он зажал инструмент в кулаке так, как мужчины держат кинжал. Ножницы мерцали, как полированные самоцветы, острые концы отражали свет.

— Грэхем, — позвала она.

Опустив ножницы, он произнес:

— Я нашел их там на полке. Я могу использовать их как оружие.

— Против пистолета?

— Может быть, нам удастся сделать ловушку.

— Какую ловушку?

— Заманить его в такое место, где я мог бы напасть на него, где у него не хватило бы времени вытащить свой чертов пистолет.

— Например?

Его рука дрожала. Свет играл на ножницах.

— Я не знаю, — произнес он дрожащим голосом.

— Это не сработает, — сказала она. — Кроме того, я нашла выход из здания.

Он поднял глаза:

— Ты?

— Пойдем посмотрим. Тебе не понадобятся ножницы. Оставь их здесь.

— Я посмотрю, — сказал он. — Но я возьму ножницы с собой.

Она боялась, что когда он увидит путь к спасению, то предпочтет встретиться лицом к лицу с Мясником, вооруженный только ножницами. Он проследовал за ней через красную

дверь к платформе с огражденным отверстием размером сорок на сто тридцать сантиметров. Лампочка висела наверху, другие лампы располагались на некотором расстоянии внизу, в зияющей пустоте.

Лампы были подвешены на стороне одной из двух лифтовых шахт, которые тянулись от подвала до крыши. Кабины лифтов находились сейчас внизу. Толстые тросы тянулись перед Конни и Грэхемом. На эту сторону и на противоположную стену шахты лифта, от крыши до подвала, выходили двери нечетных этажей, другие двери открывались на другие маленькие платформы. Одна платформа была прямо перед Грэхемом и Конни, и ее вид показывал им всю сомнительность их спасительной соломинки. По обеим сторонам шахты в стены были вделаны металлические ступени: лестницы соединяли двери каждого яруса с другими выходами этого яруса.

Эту систему можно было использовать при чрезвычайных обстоятельствах, чтобы освободить людей из застрявших кабин лифта при пожаре, отключении энергии и других бедствиях.

Маленькая белая лампочка горела перед каждой дверью, без этого вся шахта находилась бы в кромешной темноте.

Когда Конни посмотрела вниз с высоты тридцать первого этажа, лампочки внизу почти слились в один ряд. Дорога вниз была очень длинной.

Его голос задрожал, когда он спросил:

— Это выход?

После некоторого колебания она сказала:

— Мы можем спуститься вниз.

— Нет.

— Мы не можем спускаться по аварийной лестнице, он наблюдает за ней.

— Только не это.

— Но это не будет похоже на спуск с горы!

Его глаза беспокойно забегали.

— Нет.

— У нас будет лестница.

— И мы одолеем тридцать один этаж? — спросил он.

— Пожалуйста, Грэхем, если мы начнем сейчас, мы сможем сделать это. Если он обнаружит, что служебная комната не заперта, даже если увидит эту красную дверь, возможно, он не додумается, что у нас хватит выдержки спуститься вниз по шахте. А если он увидит нас, мы можем уйти с лестницы, выйти из шахты на другом этаже. Мы выиграем много времени.

— Я не могу. — Он вцепился в перила с такой силой, что она бы не удивилась, если бы металл хрустнул под его пальцами.

Расстроено она спросила:

— Грэхем, что еще мы можем сделать?

Он смотрел в бетонную глубину.

* * *

Когда Боллинджер понял, что Грэхем и его женщина заперли аварийную дверь, он пробежал два пролета до тридцатого этажа. Он собирался воспользоваться тем коридором, чтобы добежать до другого конца здания, подняться там на тридцать первый этаж через другую аварийную дверь. Однако на противоположной стороне на серой двери он увидел надпись черными буквами: «Управление Холлоуфилд Ленд» — целый этаж принадлежал одной компании. На этом этаже не было общего коридора. То же самое было на двадцать девятом и двадцать восьмом этажах, которые занимала парфюмерная компания. Он безуспешно попробовал выйти через эти два выхода.

Обеспокоенный тем, что может потерять след своих жертв, он ринулся обратно на

двадцать шестой этаж. Там он вышел на аварийную лестницу, оставив кабину лифта открытой.

Когда он открыл дверь аварийного выхода и вошел в холл, он посмотрел на часы: двадцать один час пятнадцать минут. Время бежало очень быстро. Неестественно быстро. Словно земля вращалась быстрее.

По дороге к лифту он искал в кармане ключи убитого охранника. Они зацепились за подкладку. Он резко дернул, чтобы освободить их, они выскользнули из рук и упали на ковер, тихо звякнув.

Он присел, пытаясь нащупать их в темноте, затем вспомнил про фонарик. Но даже с его помощью ему пришлось потратить больше минуты на их поиск. Поднявшись, злой на самого себя, он вдруг подумал, что Харрис и его женщина могли поджидать его здесь. Он убрал фонарик и достал пистолет из кармана. Не двигаясь, он изучал темноту. Если они спрятались здесь, то их силуэты были бы видны в ярком свете у лифта.

Подумав об этом, он вспомнил, что они не могли знать, на каком этаже он оставил лифт. Кроме того, они не успели бы спуститься сюда.

Тридцать первый этаж — другое дело. У них было время подготовить для него ловушку там. Они могут поджидать его в тот момент, когда двери лифта откроются. Только тогда он может быть уязвим.

Но у него был пистолет. Даже если они ждут его с каким-то импровизированным оружием, у них нет шанса взять верх над ним. В кабине лифта он повернул ключом выключатель, посмотрел на часы: 21.19.

Если не будет больше задержек, он сможет убить Харриса и у него останется еще двадцать минут или полчаса на женщину.

Насвистывая, он нажал на кнопку: 31.

27

Технические эксперты достали пищевые отходы из мусоропровода, поместили их в белые пластиковые мешки и вынесли из квартиры.

Предуцки и Эндерби остались на кухне одни.

В фойе старинные часы пробили четверть часа: два мягких перезвона — они отставали на пять минут. Как аккомпанемент ветер мелодично просвистел на карнизе прямо над кухонными окнами.

— Если тебе трудно воспринять мысль о двух сумасшедших, действующих заодно, — сказал Эндерби, — тогда прими во внимание возможность того, что они не являются психопатами в нашем традиционном понимании.

— Сейчас ты говоришь, как Грэхем Харрис.

— Я знаю.

— Мясник болен умственно, говорит Харрис, но это нельзя определить, глядя на него. Симптомы его мании не видны, или он знает, как скрывать их. По мнению Харриса, он пройдет любой психический тест.

— Я начинаю соглашаться с ним.

— За исключением того, что существуют два Мясника, как ты считаешь.

Эндерби кивнул.

Предуцки замолчал. Он подошел к окну и нарисовал контур ножа на запотевшем стекле:

— Если ты прав, то я не смогу дальше придерживаться своей теории, что он просто обыкновенный параноидальный шизофреник. Вероятно, убийца-одиночка мог бы действовать как психопат, но не двое одновременно.

— Они не страдают психическими расстройствами, — согласился Эндерби.

— Оба эти человека прекрасно сознают, что они делают. Ни один из них не страдает от амнезии.

Отвернувшись от окна, где нарисованный нож покрылся полосами и капельки воды стали стекать на подоконник, Предуцки произнес:

— Является ли это новым типом психических отклонений или нет, но преступления обычные. Убийства на сексуальной почве...

— Это не сексуальные убийства, — перебил Эндерби.

Предуцки встрепенулся:

— Повтори.

— Это не сексуальные убийства. Они просто убивают женщин.

— Да, но...

— Но они насилуют их сначала?

— Да. Это убийства с сексуальным уклоном. Но это не сексуальные убийства.

— Я извиняюсь, я потерял мысль. Моя вина, не твоя.

— Секс не является движущей силой. Он также не является единственной и основной причиной, побуждающей их убивать женщин. Возможность для изнасилования есть, и они пользуются ею. Убийство женщины происходит в любом случае. Они не увеличивают степени обычного риска, совершая вначале насилие. Секс на втором плане. Они убивают не из психосексуальных побуждений.

Покачивая головой, Предуцки сказал:

— Я не знаю, как ты можешь объяснять все это. Ведь ты никогда не встречался с ними. Как ты можешь доказать, что эти преступления совершены не на сексуальной почве?

— По обстоятельствам, — сказал Эндерби. — По тому, например, как они уродовали трупы.

— А что здесь особенного?

— Ты тщательно изучал увечья?

— Как мог.

— Хорошо. Ты находил признаки уродования анального отверстия?

— Нет.

— Уродования половых органов?

— Нет.

— Уродование грудей?

— В некоторых случаях он разрезал живот и грудную клетку.

— А уродование одних грудей?

— Ну, когда он разрезал грудь...

— Я имею в виду, отрезал ли он соски у женщин или, возможно, груди целиком, как это делал Джек-Потрошитель?

Отвращение мелькнуло на лице Предуцки:

— Нет.

— Уродовал ли он когда-нибудь рот жертвы?

— Рот?

— Отрезал он губы?

— Нет. Никогда.

— Вырезал язык?

— Господи, нет. Энди, неужели нужно все это перечислять? Это отвратительно. И я не вижу, в чем здесь суть?

— Если бы они были сексуальными маньяками и стремились зарезать свою жертву, — объяснил Эндерби, — они уродовали бы какую-нибудь из этих частей тела.

— Анус, груди, половые органы или рот?

— Безусловно. Может, что-то одно. Бывает, что и все органы. Но они так не делают, поэтому уродование — это мысль, пришедшая им в голову позже. Это не сексуальное извращение. Все сделано напроказ.

Предуцки прикрыл глаза, закрыв их ладонями, как бы пытаясь избавиться от неприятных образов.

— Сделано напоказ? Боюсь, я опять не понял.

— Чтобы произвести впечатление на нас.

— На полицию?

— Да. И на журналистов.

Предуцки подошел к окну, где нарисовал нож, протер запотевшее окно и уставился на снег, медленно кружившийся вокруг уличного фонаря:

— Почему им хотелось чем-то поразить нас?

— Я не знаю. Но их стремление создать это впечатление и есть настоящий мотив.

— Если бы мы узнали это, то смогли бы предотвратить убийства.

Неожиданно разволновавшись, Эндерби воскликнул:

— Минуточку. Вот еще один случай. Двое убийц работали на пару. Чикаго, 1924 год. Два молодых человека были убийцами. Оба — сыновья миллионеров. Юноши.

— Леопольд и Лоеб?

— Тебе знаком этот случай?

— Немного.

— Они убили мальчика, Бобби Франкса, ему было четырнадцать лет. Сын богатых родителей. Они ничего не имели против него. Ни одной из обычных причин. Ни классических мотивов. Газеты писали, что они сделали это в знак протеста. В состоянии возбуждения. Очень кровавое убийство. Но они убили Франкса по другой причине. Не просто в знак протеста, а ради философской идеи.

Отвернувшись от окна, Предуцки сказал:

— Я извиняюсь. Я, наверное, что-то пропустил. Я не уловил сути. Что за философская идея?

— Они считали себя особенными. Сверхлюдьми. Первыми из новой расы. Леопольд боготворил Ницше.

Нахмурившись, Предуцки сказал:

— Одна из цитат на стене в спальне, вероятно, из работ Ницше, другая из Блейка. Цитата из Ницше была написана кровью на стене в квартире Эдны Маури прошлой ночью.

— Леопольд и Лоеб. Невероятная пара. Они считали, что преступление было доказательством их сверхчеловеческой природы. Они совершили убийство, думая, что этим они доказывали свое умственное превосходство.

— Они не были гомосексуалистами?

— Были. Но Бобби Франкс не был жертвой сексуального убийства. Они не трогали его. Их действия не мотивировались вожделением. Совсем нет. Это была, по словам Лоеба, «интеллектуальная тренировка».

Несмотря на свое волнение, Эндерби заметил, что его манжеты не выглядывали из рукавов пиджака. Он потянул их, пока они не показались на сантиметр. Хотя он все время работал в залитой кровью комнате и затем на кухне, на его одежде не было ни пятнышка.

Повернувшись спиной к окну, Предуцки прислонился к подоконнику. Он застеснялся своих поношенных ботинок и мятых брюк. Он сказал:

— Мне трудно понять. Ты должен быть терпелив со мной. Ты знаешь, какой я. Тупой иногда. Но если эти два парня, Леопольд и Лоеб, думали, что убийство было «интеллектуальной тренировкой», тогда они были сумасшедшие. Неужели нет? Они были больны?

— В некотором роде. Сумасшедшие от сознания собственной силы, как реальной, так и воображаемой.

— Они производили впечатление сумасшедших?

— Нисколько.

— Как это возможно?

— Вспомни, Леопольд закончил колледж в семнадцать лет с прекрасными результатами. Он был гениален. Как и Лоеб. Они были достаточно сообразительными, чтобы скрывать свое грандиозное самомнение и ницшеанские фантазии.

— А что, если бы они прошли психиатрические тесты?
— Психиатрическое тестирование было недостаточно развито в 1924 году.
— Но если бы тогда были тесты, такие сложные, как сейчас, могли бы Леопольд и Лоеб пройти их?

— Возможно, и с неплохими результатами.
— Встречались ли подобные Леопольду и Лоебу после 1924 года? — спросил Предуцки.

— Мне не попадались. Во всяком случае, не в чистом виде. Семья Майсонов убивала по политическим и религиозным мотивам. Они считали самого Майсона Христом, думали, что убийство богатых поможет угнетенным. Явно сумасшедшие, это есть в моей книге. Подумай о некоторых других убийцах, особенно тех, кто убил много людей. Чарльз Старкветер, Ричард Спек, Альберт де Сальво. Все они были сумасшедшими, под действием психозов, которые росли и распаляли их, медленно развращали с самого детства. У Леопольда и Лоеба явно не было серьезных травм в детстве, которые могли привести к психопатическому поведению. Не было плохих генов, которые проявились бы позже.

— Тогда, если Мясник — это два человека, — безнадежно сказал Предуцки, — то мы получили новых Леопольда и Лоеба. Убийство как доказательство своего превосходства.

Эндерби начал расхаживать.

— Может быть. Но тогда это нечто большее. Нечто более сложное, чем то.

— И что же?

— Я не знаю, но я чувствую, это не точная копия Леопольда и Лоеба. — Он подошел к столу и посмотрел на остатки еды, к которой никто не прикасался.

— Ты позвонил Харрису?

— Нет, — ответил Предуцки.

— Ты должен это сделать. Он пытался представить образ убийцы. Но ему не удалось, может быть, потому, что он концентрировал внимание на единственном образе, пытался представить себе только одно лицо. Может, эта догадка откроет ему что-то, что даст наконец-то толчок к видению.

— Мы не знаем, двое ли их. Это только теория.

— В любом случае сообщи ему, — настаивал Эндерби. — Какой вред это может принести?

— Я должен сообщить ему сегодня вечером. Я действительно должен. Вот только я не могу, — сказал Предуцки. — У него скопилось много работы из-за этого случая. Это моя вина. Я всегда звоню ему, разговариваю с ним, отрываю его от работы. Он работает допоздна, пытаюсь наверстать упущенное. Мне бы не хотелось беспокоить его.

В фойе около двери старинные часы пробили полчаса, с отставанием на пять минут. Предуцки взглянул на свои часы и сказал:

— Скоро будет десять. Мне пора идти.

— Идти? Здесь еще много работы.

— Я еще не на дежурстве.

— Ночная смена?

— Да.

— Я никогда не видел, чтобы ты колебался, когда нужно было поработать сверхурочно.

— Но я только что встал с постели. Я готовил спагетти, когда дежурный сообщил мне об этом. Никогда не хватает времени поесть. Я умираю от голода.

Эндерби покачал головой:

— Сколько я знаю тебя, я не припомню, чтобы ты плотно поел. Ты всегда обходишься бутербродами, чтобы не отрываться от работы. И дома ты готовишь лишь спагетти. Тебе нужна жена, Айра.

— Жена?

— У других мужчин они есть.

— Но у меня? Ты смеешься?

— Будет лучше для тебя.
— Энди, взгляни на меня.
— Я смотрю.
— Посмотри лучше.
— Ну.
— Ты, наверное, слепой??
— Что я должен увидеть?
— Какая женщина в здравом уме согласится выйти за меня замуж?
— Не надо пичкать меня своей обычной чепухой, Айра, — сказал Эндерби с улыбкой. — Я знаю, что под всей этой самоуничижительной болтовней скрывается разумный и уважающий себя человек.
— Ты психолог.
— Это верно. Я не подозреваемый и не свидетель, и ты не заморозишь меня своим вздором.
Предуцки усмехнулся.
— Держу пари, что найдется немало женщин, которые влюбятся в тебя только за один твой мальчишеский вид.
— Немало, — недовольно проворчал Предуцки. — Но мне нужна одна верная женщина.
— Кто говорил что-нибудь о верной и единственной? Большинство мужчин были бы счастливы прожить с наполовину верной.
— Но не я. — Предуцки снова посмотрел на часы. — Мне действительно надо идти.
Я вернулся около полуночи. Мартин, наверное, к тому времени еще не закончит опрос других жильцов. Это большой дом.
Доктор Эндерби взглянул так, словно все тяготы мира лежали на его плечах.
— Мы тоже еще будем здесь. Обследовать мебель на отпечатки пальцев, исследовать ковры в поиске волос или ниток, вряд ли что-нибудь найдется, но работать будем усердно. Тот же самый замкнутый круг.

28

Ноги Грэхема соскользнули со ступеньки. И хотя он крепко держался руками, он начинал паниковать. Грэхем нервно задергал ногами, карабкаясь по лестнице, словно она была живой и он должен был подчинить ее, прежде чем снова встанет ногами на нее.
— Грэхем, что случилось? — раздался сверху голос Конни. — Грэхем?
Ее голос отрезвил его. Перестав брыкаться ногами, он висел на руках, пока дыхание не пришло в норму, пока не пропали слишком живые воспоминания об Эвересте.
— Грэхем?
Он попытался нащупать ступеньку ногой, нашел ее через несколько секунд, показавшихся часами.
— Я в порядке. У меня ноги соскользнули. Сейчас все хорошо.
— Не смотри вниз.
— Я не смотрю.
Он нашел следующую ступеньку, встал на нее и продолжал спуск. Его трясло, как в лихорадке. Лоб покрылся испариной, пот заливал глаза, растекался по щекам, на губах ощущался солоноватый привкус. Несмотря на испарину, ему было холодно. Он дрожал, когда снова начал спускаться по лестнице вниз, ощущая пустоту за своей спиной, как лезвие ножа.

* * *

Фрэнк Боллинджер вошел в служебное помещение на тридцать первом этаже. Он увидел красную дверь. Кто-то приоткрыл ее на пару сантиметров и зафиксировал стопором в

этом положении. Он сразу понял, что Харрис и женщина выбрались здесь.

Но почему дверь была открыта? Это словно указатель, знак для него. Ожидая ловушки, он двигался осторожно. «Вальтер» был у него в правой руке. Левую руку он вытянул вперед, чтобы остановить дверь, если они резко распахнут ее прямо перед его лицом. Он затаил дыхание во время движения, прислушиваясь к малейшему шороху, однако не услышал ничего, кроме легкого скрипа своих ботинок. Ничего. Тишина. Носком ботинка он откинул стопор, распахнул дверь и шагнул на маленькую платформу. У него было достаточно времени, чтобы понять, где он очутился, когда дверь за ним захлопнулась и все огни в шахте погасли.

Сначала он подумал, что Харрис вошел в служебное помещение вслед за ним. Но когда он толкнул дверь, она оказалась незапертой. И когда он открыл дверь, все огни снова зажглись. Аварийное освещение не горело двадцать четыре часа в сутки, оно включалось только тогда, когда один из служебных входов был открыт; вот почему Харрис оставил дверь открытой.

Боллинджер был потрясен системой освещения, платформ и лестниц. Не всякое здание, сооруженное в двадцатые годы, было оборудовано системой на случай чрезвычайных обстоятельств.

Действительно, всего лишь несколько небоскребов, построенных после войны, могли похвастаться какой-то системой безопасности. В те времена вас могли заставить ждать в застрявшем лифте, пока его не починят, неважно, займет это десять часов или десять дней; и если лифт не будет отремонтирован, то вы на свой страх и риск могли прибегнуть к спуску вручную или продолжать гнить в лифте.

Чем больше времени он проводил в здании, чем глубже проникал в него, тем сильнее оно завораживало его. Оно не соответствовало масштабам тех действительно колоссальных стадионов, музеев, высотных зданий, которые Гитлер предназначал для представителей «высшей расы» перед самым началом и в первые дни второй мировой войны. Но замечательные сооружения Гитлера никогда не были воплощены в камне и мраморе, в то время как это здание выросло. Боллинджеру казалось, что люди, которые спланировали и возвели его, были олимпийцами. Он чувствовал странность этого ощущения. Днем, когда здание было заполнено людьми, занятыми коммерцией, он вряд ли заметил гигантские размеры и стиль сооружения.

Для ньюйоркцев не было ничего особенного в сорокадвухэтажном здании. Сейчас, однако, покинутая на ночь башня казалась невероятно громадной и сложной; в одиночестве и тишине у него было время, чтобы созерцать ее и понять, как она прекрасна и необычна. Он был подобен микробу, внедрившемуся в вены и кишки живого чудища, которое он изучал.

Он почувствовал единение с разумом тех, кто создавал этот монумент. Он был одним из них, двигатель, сверхчеловек. Олимпийская природа здания и его архитекторов затронула чувствительную струну в нем, заставила его проникнуться сознанием божественности своей собственной персоны. Наполненный чувством гордости, он еще сильнее, чем раньше, стремился убить Харриса и женщину. Для него они были животными, вшами, паразитами. Психический дар Харриса создал угрозу для Боллинджера. Эти двое пытались лишить его законного места в истории, нынешний этап которой был отмечен появлением новых людей.

Он толкнул стопор, чтобы дверь оставалась открытой и в шахте горел свет. Затем он подошел к краю платформы и заглянул вниз на лестницу.

Они находились тремя этажами ниже. Женщина была на несколько ступеней выше. Харрис висел ниже, он спускался первым. Никто из них не смотрел вверх. Они, конечно, заметили отключение света и понимали, что это значило. Они спешили к ближайшей платформе, где могли выбраться из шахты. Боллинджер нагнулся, проверил перила. Они были крепкие.

Он перегнулся через перила, используя их как страховку, чтобы не упасть вниз.

Он не хотел убивать их здесь. Место и способ убийства были крайне важны сегодня вечером. Здесь они упадут на дно шахты, и это сломает схему, которую они с Билли

составили днем. Он был здесь не для того, чтобы убить их любым способом, он должен был застрелить их в определенной манере. Если он не сделает это прямо сейчас, то полиция будет сбита с толку, введена в заблуждение, а жители Нью-Йорка начнут ощущать растущий страх, как в страшных ночных кошмарах. Они с Билли разработали чертовски умный ход, и он не отступится от него, пока остается шанс осуществить все так, как было запланировано.

Было уже без четверти десять. Через пятнадцать минут Билли подъедет в переулок и будет ждать его до половины одиннадцатого. Боллинджер понимал, что у него, вероятно, не останется времени на женщину, но был уверен, что сделает намеченное за сорок пять минут.

Кроме того, он не знал, как выглядит Харрис. Было что-то трусливое в убийстве человека, лица которого он никогда не видел. Это было похоже на убийство в спину. Такой вид убийства — даже животного, даже такой вши, как Харрис, — не соответствовал представлению Боллинджера об образе сверхчеловека. Он хотел встретиться лицом к лицу со своей жертвой, подойти ближе, ощутить опасность.

Вся хитрость состояла в следующем: заставить их покинуть шахту, не убивая, загнать на другой этаж, где и осуществить задуманный план. Он опустил пистолет вниз, прицелился рядом с головой женщины и нажал на спусковой крючок.

Грохнул выстрел. Оглушающий шум окружил Конни со всех сторон. Она слышала по слабеющим отзвукам, что пуля отскокивала от одной стены к другой все дальше вниз по шахте.

Ситуация казалась настолько нереальной, что она не могла понять: неужели это происходит с ней? Ей представлялось, что она находится в госпитале, и все это было продуктом лихорадочного воображения, иллюзиями сумасшедшей.

Спускаясь по лестнице, она не раз поддерживала себя тихим бормотанием: иногда это были малозначащие путанные фразы, иногда совершенно бессмысленные звуки. Ее желудок трепетал, как рыба на мокром дне лодки. У нее тряслись поджилки. Ей казалось, что пуля попала прямо в нее и разорвала все внутренние органы.

Боллинджер выстрелил снова.

Выстрел показался не таким оглушающим, как раньше. Ее уши были еще заложены после первого выстрела.

Для женщины, которая испытала лишь незначительный эмоциональный, но не физический страх в своей жизни, она держалась удивительно стойко.

Когда она посмотрела вниз, то увидела, что Грэхем держался за лестницу одной рукой, ухватившись другой за перила, окружавшие платформу. Он оторвал одну ногу от лестницы, качнулся, сильно наклонившись в сторону; собрался было поставить ногу назад, но неожиданно нашел мужество наступить на край платформы. Какое-то мгновение, борясь с собственным страхом, он оставался в таком положении, между двумя точками опоры. Она собиралась окликнуть, подстегнуть его, когда он наконец оторвался от лестницы, качнулся на краю платформы и едва не упал, затем восстановил равновесие и перелез через перила.

Она в мгновение ока спустилась на двенадцать ступенек и достигла платформы, когда Боллинджер выстрелил в третий раз. Она поспешила проскочить в служебное помещение на двадцать седьмом этаже через красную дверь, которую Грэхем держал для нее открытой.

Первое, что она увидела, была кровь на его брюках. Яркое пятно размером с серебряный доллар выделялось на сером материале.

— Что случилось?

— Они были в моем кармане, — сказал он, показав ножницы. — Когда я едва не сорвался, ножницы прорвали подкладку и впились в бедро.

— Сильно?

— Нет.

— Поранили?

— Немного.

— Лучше избавиться от них.

— Не сейчас.

Боллинджер наблюдал за ними, пока они не покинули шахту. Они вышли из нее двумя платформами ниже. Так как служебный выход был на каждом втором этаже, значит, они были на двадцать седьмом этаже. Он поднялся и поспешил к лифту.

* * *

— Пошли, — сказал Грэхем. — К пожарной лестнице.

— Нет. Нам нужно вернуться в шахту.

Недоверие появилось на его лице, боль в глазах.

— Это сумасшествие!

— Он не будет искать нас в шахте. По крайней мере, не в следующие пару минут. Мы можем подняться на два этажа, затем воспользоваться пожарной лестницей, когда он вернется проверить шахту.

Она открыла красную дверь, через которую они вошли несколько секунд назад.

— Я не знаю, смогу ли я сделать это снова, — произнес он.

— Конечно сможешь.

— Ты сказала, нужно подняться вверх по шахте?

— Верно.

— Мы должны спускаться, чтобы спастись.

Она покачала головой, ее волосы стали похожи на короткий темный нимб.

— Ты помнишь, что я сказала о ночных охранниках?

— Они, наверное, убиты.

— Если Боллинджер убил их, то у него развязаны руки в отношении нас. Неужели он не запер здание? Что, если, добравшись до вестибюля с Боллинджером за спиной, мы увидим, что двери заперты? Он убьет нас прежде, чем мы сможем разбить стекло и выбраться наружу.

— Но, может, охранники не убиты. Он мог каким-то образом проскочить мимо них.

— Можем мы использовать этот шанс?

Он заколебался:

— Полагаю, нет.

— Я не хочу добираться до вестибюля прежде, чем мы не будем уверены, что достаточно оторвались от Боллинджера.

— Итак, мы поднимаемся.

— Чем этот вариант лучше?

— Мы не можем играть с ним в кошки-мышки на двадцати семи этажах. В следующий раз он схватит нас в шахте или на пожарной лестнице. Он не допустит ошибки. Но если он не поймет, что мы пошли наверх, мы сможем выбирать между шахтой и лестницей, чтобы пройти тринадцать этажей и добраться до твоего офиса.

— Почему туда?

— Потому что он не ожидает, что мы вернемся.

Голубые глаза Грэхема уже не были расширены от страха, они сузились от вычисления. Он размышлял. Желание выжить росло в нем, стали видны первые признаки прежнего Грэхема Харриса, они пробивались через оболочку страха.

Он произнес:

— В конце концов он поймет, что мы сделали. Это даст нам только пятнадцать минут или около того.

— Время, чтобы найти другой выход, — сказала она. — Давай, Грэхем. Мы тратим слишком много времени на разговоры. Он в любую секунду будет на этом этаже.

С меньшей неохотой, чем в первый раз, но все еще без должного энтузиазма он последовал за ней в лифтовую шахту.

На платформе он сказал:

— Ты иди первая. Я буду замыкать шествие, так я не собою тебя с лестницы, если сорвусь. — По той же самой причине он настоял идти первым, когда они спускались.

Она обняла его, поцеловала, затем повернулась и начала подниматься.

* * *

Выйдя из лифта на двадцать седьмом этаже, Боллинджер обследовал лестницу в северной части здания. Она была пуста.

Он пробежал по коридору и открыл дверь на лестницу с южной стороны. Он простоял на площадке около минуты, напряженно вслушиваясь, но ничего не смог уловить.

В коридоре, обнаружив незапертую дверь офиса и осмотрев его, он понял, что они снова могли вернуться в шахту. Он вошел в служебное помещение: красная дверь была открыта.

Он открыл ее с предосторожностями, как и раньше. Он держал дверь открытой, пока не услышал в шахте звук другой захлопнувшейся двери.

Он перегнулся через перила на платформе, всматриваясь в головокружительную глубину, пытаясь узнать, какой дверью они воспользовались. Сколько этажей они выиграли у него? Проклятье! Громко ругаясь, Боллинджер кинулся назад к южному выходу, чтобы послушать там. В пальто было трудно бежать.

* * *

К тому времени, когда они поднялись на два пролета по северной пожарной лестнице, Грэхем все чаще морщился от боли. С каждым шагом боль пронзала всю его покалеченную ногу от пятки до бедра. В ожидании очередного толчка он напрягал пресс. Сейчас у него болел весь живот. Если бы он продолжал заниматься восхождением и спуском после своего падения на горе Эверест, как советовали ему доктора, он был бы сегодня в форме. Этим вечером он дал своей ноге больше нагрузки, чем обычно она получала за год. Теперь он расплачивался болью за пять лет бездействия.

— Не отставай, — сказала Конни.

— Я стараюсь.

— Опирайся сильнее на перила. Отталкивайся от них.

— Сколько мы прошли?

— Еще один этаж.

— Бесконечность.

— После этого мы снова махнем в лифтовую шахту.

Ему больше нравились ступени в шахте, чем эта лестница. На тех ступенях он мог больше опираться на здоровую ногу и держаться обеими руками, чтобы почти полностью перенести тяжесть с больной ноги на здоровую. Но здесь, на лестнице, если совсем не опираться да хромую ногу, ему пришлось бы перепрыгивать со ступеньки на ступеньку, а это слишком медленно.

— Еще один пролет, — подбадривающе сказала она.

Пытаясь преодолеть более значительное расстояние, прежде чем боль перекинется из ноги в мозг, он с удивлением для себя предпринял скоростной рывок: прошел десять ступеней так быстро, как мог. Боль стала невыносимой. Он вынужден был приостановиться, замедлить движение.

Боллинджер постоял на площадке, прислушиваясь к звукам на южной лестнице. Ничего. Он перегнулся через перила. Прищурившись, он пытался увидеть что-то через слои темноты, которые заполняли пространство между лестничными площадками. Ничего.

Он вернулся в коридор и побежал к северному выходу.

Внутренний служебный двор, двенадцать метров в длину и шесть в ширину, располагался позади «Бовертон билдинг». Во двор выходило четыре двери. Большая зеленая дверь вела в гараж, откуда в офисы доставляли мебель и другие крупногабаритные предметы, которые по размерам не проходили через центральный вход. Над зеленой дверью горела люминесцентная лампа, освещающая ярким светом каменные стены, ряды мусорных контейнеров, которые вывозят по утрам, и снег; тени были резко очерчены.

Боллинджера нигде не было видно. Билли припарковал автомобиль во дворе, готовый выехать оттуда при первом признаке опасности. Он погасил фары, но оставил работать двигатель. Он приоткрыл свое окно всего на несколько сантиметров, чтобы стекло не запотевало.

Билли посмотрел на часы — 22.02. На улице кружились хлопья легкого снега. Во дворе, где не было ветра, снег лежал относительно спокойно.

Ночью дежурные машины осуществляли патрулирование слабо освещенных дальних улиц, таких, как эта, в поисках квартирных воров с наполовину наполненными фургонами; грабителей с полураздетыми жертвами; насильников с полупокоренными женщинами. Но не сегодня. Не в такую погоду. Городские патрули будут заняты в других местах. Будут наводить порядок после обычных для такой плохой погоды автомобильных аварий. Около трети патрульных машин из вечерней смены скроется в излюбленных укрытиях, в парке или возле тротуаров; полицейские будут пить кофе или в некоторых случаях что-нибудь покрепче и болтать о спорте и женщинах, готовые приступить к работе, если по рации дежурный их заставит. Билли снова взглянул на часы — 22.04.

Он будет ждать ровно двадцать шесть минут. Ни одной минуты меньше, и конечно, не больше. Именно это он обещал Дуайту.

* * *

Снова Боллинджер побежал к лифтовой шахте, как только услышал звук захлопнувшейся там двери.

Он облокотился на перила, посмотрел вниз. Ничего, кроме других перил, других платформ, других лампочек и темноты. Харрис и его женщина исчезли.

Боллинджер устал играть с ними в прятки, устал, бегая от одного выхода к другому, к шахте и обратно. Он сильно вспотел. Под пальто его рубашка прилипла к телу. Он оставил платформу и пошел к лифту, включил его ключом и нажал на кнопку с надписью «Вестибюль».

Внизу он снял свое тяжелое пальто и положил его около двери лифта. Пот заливал ему шею, стекал по груди. Он не стал снимать перчатки. Тыльной стороной левой руки, а затем рукавом рубашки он вытер пот со лба. Он прислонился к мраморной стене в конце помещения, куда выходили двери четырех лифтов, чтобы его не могли увидеть с улицы через стеклянные двери. Из этого укрытия ему были видны две белые двери: одна в северном, другая — в южном конце вестибюля. Это были выходы с пожарных лестниц. Когда Харрис и женщина появятся в одном из них, он выбьет их проклятые мозги. Еще как выбьет! С удовольствием.

* * *

Ковыляя по коридору сорокового этажа к свету, который шел из открытой двери приемной издательства Харриса, Грэхем увидел ящик пожарной сигнализации. Это был ящик около двадцати сантиметров высотой, вмонтированный внутрь на одном уровне со стеной. Металлическая оправа была выкрашена в красный цвет и закрыта стеклом.

Он удивился, почему это не пришло ему в голову раньше.

Конни шла впереди, потом увидела, что он остановился:

— Что случилось?

— Посмотри сюда.

Она вернулась назад.

— Если мы включим, — сказал Грэхем, — сюда придут охранники снизу.

— Если они, конечно, живы.

— Даже если они убиты, сигнал тревоги одновременно поступит в пожарное отделение. Так или иначе это помешает Боллинджеру.

— Он не захочет скрыться, когда услышит сигнализацию. Ведь мы знаем его имя. Он может подняться, убить нас и незаметно затеряться среди пожарных.

— Может, — согласился Грэхем, обеспокоенный мыслью о том, что к ним можно подкрасться по темному коридору, заполненному звенящей сигнализацией.

Они посмотрели через стекло на стальной рычаг тревоги, который мерцал в красном освещении.

Он ощутил надежду как мышечное расслабление, как уменьшение напряжения в плечах, шее, на лице. Впервые за всю ночь у него промелькнула надежда, что они могут спастись.

Затем он вспомнил видение. Выстрел. Кровь. Ему стреляют в спину.

Она сказала:

— Тревога, наверное, будет такой громкой, что мы не услышим его, если он придет за нами.

— Но она на руку и нам, — горячо возразил он. — Он также не сможет услышать нас.

Она положила свои пальцы на холодную поверхность стекла. После недолгого колебания убрала руку:

— Хорошо. Но здесь нет даже маленького молотка, чтобы разбить стекло. — Она подняла цепочку, на которой должен был висеть молоточек. — Что мы можем использовать вместо него?

Улыбаясь, он достал из кармана ножницы и поднял их, слово талисман.

— Аплодисменты, аплодисменты, — почувствовав слабую надежду и позволив себе немного пошутить, сказала она.

— Спасибо.

— Будь осторожен, — произнесла она.

— Отойди назад.

Она сделала шаг в сторону.

Грэхем взял ножницы за концы сложенных лезвий. Используя ножницы как молоток, он разбил тонкое стекло. Несколько острых осколков остались упрямо торчать. Чтобы не порезаться, он разбил их, прежде чем просунуть руку внутрь ящика и переключить стальной рычаг из зеленого положения в красное.

Никакого шума.

Никакой сирены.

Тишина.

— Черт возьми!

— О нет! — воскликнула она.

Он растерялся, искра надежды начала гаснуть в нем. Он дернул рычаг вверх, назад на зеленую отметку, затем рванул его снова вниз.

Опять ничего.

Боллинджер поработал с системой пожарной безопасности так же, как и с телефонами.

* * *

Щетки стеклоочистителя сновали туда-сюда, очищая лобовое стекло от снега. Ритмичное туп-туп-туп действовало ему на нервы.

Билли посмотрел через плечо в заднее стекло на зеленую дверь гаража, затем на три другие двери.

Было 22.15.

Куда, черт побери, подевался Дуайт?

* * *

Грэхем и Конни прошли в оформительский отдел журнала в поисках ножа или других острых инструментов, которые могли бы послужить лучшим оружием, чем ножницы. У художников в большом металлическом столе директора он нашел пару острых, как бритва, похожих на скальпель инструментов.

Когда он выглянул из оформительской, то увидел, что Конни о чем-то напряженно думает. Она стояла около двери и смотрела на пол перед ярко-голубыми фотообоями. Альпинистское снаряжение — кольца веревок, костыли, карабины, шипованная обувь, нейлоновые жакеты с продетыми внизу шнурами и еще около тридцати других вещей — валялось в беспорядке на полу.

— Посмотри, что я нашел! — сказал он, показывая ей скальпели.

Ее это, однако, не заинтересовало.

— Для чего эти вещи? — спросила она, показывая на сложенное снаряжение.

Выйдя из-за стола, он объяснил:

— В этом номере мы рекламируем для читателей альпинистское снаряжение. Каждую из этих вещей нужно было сфотографировать. А почему ты спрашиваешь? — Затем его лицо просветлело. — Вот бы не подумал. Я понял почему. — Он присел на корточки перед снаряжением, достал ледоруб. — Это гораздо лучшее оружие, чем инструменты художника.

— Грэхем?

Он взглянул на нее снизу.

Выражение ее лица было странным, отражающим смущение, страх и удивление. Очевидно, она думала о чем-то важном и интересном, но по ее серым глазам нельзя было понять, над чем работал ее мозг. Она произнесла:

— Давай не будем увлекаться борьбой с ним. Можем мы заранее просчитать все возможные варианты?

— Именно для этого мы и здесь.

Она прошла в соседнюю комнатку и выглянула в коридор, прислушиваясь, не идет ли Боллинджер.

Грэхем застыл, держа ледоруб наготове.

Когда она удостоверилась, что кругом — тишина, она вернулась в комнату.

Он опустил колун.

— Я думал, тебе что-то послышалось.

— Только мера предосторожности, — она взглянула на снаряжение, прежде чем присесть на край стола. — На мой взгляд, у нас есть пять вариантов. Первый: мы можем остаться здесь, подготовиться к встрече с Боллинджером.

— С этим, — добавил он, помахивая колуном.

— И с тем, что нам еще удастся найти.

— Мы можем сделать ловушку, неожиданно напасть на него.

— У меня есть два возражения.

— Пистолет?

— Верно, это первое.

— Если мы будем достаточно изобретательны, то у него не будет времени нажать на курок.

— Более важное, — возразила она, — мы не убийцы.

— Мы могли бы только ударить его.

— Если ты стукнешь его по голове этим ледорубом, то наверняка убьешь его.

— Если придется выбирать — убить или быть убитым, думаю, что я смогу это сделать.

— Может быть. Но, если ты дрогнешь в последнее мгновение, мы погибнем. Он не обиделся, понимая, что пока не заслужил ее абсолютного доверия.

— Ты говорила, что у нас есть пять вариантов.

— Второй: попытаться спрятаться.

— Где?

— Я не знаю. Поискать офис, который забыли запереть, и закрыться там.

— Вряд ли кто-нибудь забыл запереть офис.

— Может, продолжить играть с ним в кошки-мышки?

— Но как долго?

— Пока новая смена охранников не обнаружит убитых.

— А если он не убил охранников, тогда новая смена не узнает, что происходит здесь, наверху.

— Верно.

— Кроме того, мне кажется, они дежурят по двенадцать часов в сутки, четыре раза в неделю. Я знаком с одним из девяти охранников. Я слышал, как он однажды проклинал длинные дежурства и в то же время с одобрением отзывался о восьми сверхурочных часах, которые ему достаются каждую неделю. Тогда если они заступают на дежурство в шесть, то не уходят до шести утра.

— До половины восьмого.

— Слишком долго для игры в догонялки в шахте лифта и на лестницах. Особенно с моей хромой ногой.

— Третий, — сказала она, — разбить одно из окон в твоём офисе и позвать на помощь.

— С сорокового этажа? Даже в хорошую погоду тебя вряд ли кто-нибудь услышит на улице. А при таком ветре тебя не услышат и через два этажа.

— Я знаю это. И в такую ночь вряд ли кто-то будет проходить рядом.

— Тогда почему ты это предлагаешь?

— Пятый вариант тебя удивит, — пояснила она. — Когда я дойду до него, я хочу, чтобы ты понял: я продумала каждую возможность.

— И какой же пятый?

— Сперва четвертый. Мы открываем окно офиса и выбрасываем мебель, тем самым стараемся привлечь внимание тех, кто проезжает по Лексингтон-авеню.

— Неужели кто-то ездит в такую погоду?

— Возможно, одно-два такси.

— Но если мы выкинем кресло, мы не сможем учесть воздействие ветра. Невозможно определить, куда оно упадет. Что, если оно угодит в лобовое стекло автомобиля и убьет кого-нибудь?

— Я думала и об этом.

— Мы не можем так поступить.

— Я знаю.

— А что за пятый вариант?

Она соскользнула со стола и подошла к груде альпинистского снаряжения.

— Нам придется экипироваться во все эти вещи.

— Экипироваться во что?

— Ботинки, жакеты, перчатки, веревки — снаряжение.

Он был поражен.

— Зачем?

Ее глаза были огромны, как у испуганной лани.

— Чтобы спуститься.

— Как?

— По наружной стене. Пока не встанем на землю.

Часть четвертая

Пятница, 22.30 — суббота, 04.00

30

Ровно в 22.30 Билли выехал из служебного двора за высотным зданием.

За последние полчаса снегопад усилился, ветер дул резче. Метавшиеся в свете фар хлопья снега стали плотными, как туман.

В конце переулочка он свернул на боковую улицу, колеса заскользили по обледеневшему асфальту. Автомобиль резко развернуло в сторону тротуара. Он повернул руль в направлении скольжения, ему удалось остановить занос автомобиля буквально в нескольких сантиметрах от грузовика, припаркованного у обочины.

Он ехал слишком быстро и даже не замечал этого, пока чуть было не попал в аварию. Это было непохоже на него. Он считал себя аккуратным человеком и никогда еще не опускался до безрассудства. Никогда. Он разозлился на самого себя за утрату контроля.

Билли направился к проспекту. На светофоре горел зеленый свет, ближайший автомобиль находился на расстоянии трех-четырех кварталов, его одинокие фары тускло светили сквозь пелену снега.

Еще сотня метров, и он подъехал к главному входу в «Бовертон билдинг». Папоротники и цветы, посаженные в прямоугольные четырехметровые бронзовые ящики, завершали каменную кладку над четырьмя вращающимися дверями. Через них была видна часть огромного вестибюля, казавшегося пустынным. Билли медленно проехал около бордюра, оглядывая здание, тротуары, выбеленную улицу в поисках чего-нибудь настораживающего, но ничего не обнаружил.

Как бы то ни было, план провалился. Что-то произошло. Плохо, очень плохо.

Будет ли Боллинджер давать показания, если его схватят? Билли одолевала тяжелые мысли. «Впутает ли он меня?»

Ему придется отправиться на работу, не узнав, провалился ли Дуайт. Не выяснив, схватила ли уже или схватит позже Боллинджера полиция? Он понимал, что ему будет трудно сосредоточиться на своей работе сегодня вечером; но, если он собирается иметь алиби, чтобы противостоять возможным обвинениям со стороны Дуайта, ему необходимо быть спокойным, таким, как обычно, старательным и дотошным, соответствовать ожиданиям тех, кто его знает.

* * *

Франклина Дуайта Боллинджера охватило беспокойство. Он покрылся бисеринками липкого пота. Пальцы, сжимавшие рукоятку пистолета, затекли. Он следил за аварийными выходами больше двадцати минут, но не было никаких признаков появления Харриса и женщины.

Билли должен был уехать сейчас, график полетел к черту. Боллинджер надеялся спасти план. Но теперь он понял, что это невозможно. Ситуация ухудшилась, надо убить их и убираться побыстрее.

«Где же Харрис? — размышлял он. — Неужели он почувствовал, что я караулю его здесь? Может, он использовал свое проклятое ясновидение, чтобы предвидеть мои действия?»

Он решил подождать еще пять минут. Затем ему придется отправиться за ними.

* * *

Взглянув из окна на мрачную панораму гигантских заснеженных зданий и неясных огней, Грэхем произнес:

— Это невозможно.

Конни, стоявшая позади него, дотронулась до его руки:

— Почему невозможно?

— Потому что невозможно.

— Это не объяснение.

— Я не смогу подняться.

— Но это не подъем.

— Что?

— Это спуск.

— Не имеет значения.

— Можно это сделать?

— Только не мне.

— Ты же поднялся по ступенькам шахты.

— Это совершенно другое.

— Почему?

— Кроме всего прочего, ты никогда не занималась подъемами.

— Ты можешь научить меня.

— Нет.

— Уверена, что сможешь.

— Ты не можешь учиться на отвесной стене сорокаэтажного здания, да еще в метель.

— Я уверена, ты чертовски хороший учитель, — возразила она.

— Да. Тот, кто не занимался восхождением в течение пяти лет.

— Ты же все помнишь. Ты не забыл.

— Я не в форме.

— Ты сильный мужчина.

— Ты забыла о моей ноге.

Она отвернулась от окна и, продолжая разговаривать, подошла к двери послушать, не крадется ли Боллинджер.

— Помнишь, Аберкромби и Фиш нанимали человека, чтобы подняться по их зданию и тем самым сделать рекламу новому виду альпинистского снаряжения?

Он не мог отвести взгляда от окна. Ночь завораживала его.

— Ну и что?

— Тогда ты сказал, что тому человеку в действительности было не так уж и трудно.

— Неужели?

— Ты говорил, что здание со всеми его поперечными балками и выступами является более легким для подъема в сравнении с любой горой.

Он ничего не ответил. Вспомнив, что говорил ей это, он знал, что тогда был прав. Но он никогда бы не подумал, что ему надо будет повторить то же самое. Образы горы Эверест и госпитальной палаты возникли в его воображении.

— Это снаряжение ты выбрал для рекламы?

— А что?

— Это самое лучшее, да?

— Лучшее или подобное ему.

— Мы будем превосходно экипированы.

— Если мы попытаемся сделать это, мы погибнем.

— Мы погибнем, если останемся здесь.

— Может быть, нет.

— Я уверена в этом. Абсолютно.

— Может, есть какие-то варианты?

— Я уже все их перебрала.

— Может быть, мы сможем спрятаться от него?

— Где?

— Не знаю. Но...

— Мы не можем прятаться семь часов.
— Это безумие, черт возьми!
— Ты можешь придумать что-нибудь получше?
— Дай мне время.
— Боллинджер будет здесь в любую минуту.
— Внизу на улице скорость ветра, наверное, около восемнадцати метров в секунду. По крайней мере, во время порывов. Значит, двадцать два метра в секунду на этой высоте.
— Он снесет нас?
— Нам придется бороться с ним за каждый сантиметр.
— А разве мы не закрепимся веревками?
Он отвернулся от окна:
— Да, но...
— И разве мы не наденем это? — Она показала на страховочные крепления, лежавшие поверх груды снаряжения.
— Там будет чертовски холодно, Конни.
— Мы наденем утепленные жакеты.
— Но у нас нет стеганых штанов. На тебе обыкновенные джинсы. Как и на мне. Они нас не согреют. Это равносильно тому, что мы будем совершенно раздеты.
— Я смогу выдержать холод.
— Но не очень долго. И не такой пронизывающий холод, как там.
— Сколько времени нам понадобится, чтобы спуститься на улицу?
— Я не знаю.
— У тебя должны быть какие-то соображения.
— Час, может, два.
— Так долго?
— Ты же новичок.
— А мы не можем совершить скоростной спуск?
— Скоростной спуск? — Он изумился.
— Это кажется так легко. Раскачиваешься из стороны в сторону, спускаешься на несколько метров с каждым раскачиванием, отталкиваешься от камня, танцуешь на стене здания.
— Так только кажется.
— Но зато быстро.
— Господи! Ты никогда раньше не поднималась, а хочешь совершить скоростной спуск.
— У меня есть сила воли.
— Но не здравый смысл.
— Хорошо, — согласилась она. — Не будем совершать скоростной спуск.
— Мы точно не сделаем это.
— Будем спускаться медленно и легко.
— Мы вообще не будем спускаться.
Не слушая его, она сказала:
— Я могу выдержать на холоде два часа. Я знаю, что смогу. И если мы будем двигаться, может быть, не замерзнем сильно.
— Мы промерзнем до смерти. — Он отказывался принимать этот вариант.
— Грэхем, у нас простой выбор. Пойти или остаться. Если мы будем спускаться, может быть, мы разобьемся или замерзнем насмерть. Если мы останемся здесь, мы будем убиты, это точно.
— Я не думаю, что это так просто.
— Ты знаешь.
Он прикрыл глаза. Он был зол на самого себя, ему было больно от своей нерешительности принять реальную действительность, рисковать жизнью, встретиться лицом к лицу с собственным страхом. Спуск будет опасным. Предельно опасным. Он может

даже оказаться полнейшим безрассудством; они могут погибнуть в первые минуты спуска. Но она была права, когда сказала, что у них нет выбора, кроме как испытать этот.

— Грэхем! Мы напрасно тратим время.

— Ты знаешь действительную причину, почему спуск невозможен?

— Нет, — ответила она. — Скажи мне.

Кровь бросилась ему в лицо, он покрылся краской:

— Конни, ты не оставляешь мне ни капли достоинства.

— Я никогда не отбирала его у тебя. Ты сам брал его у себя, — на ее милом лице отразилось сожаление. Он видел, что ее ранил такой прямой и открытый разговор с ним. Она прошла через комнату и провела рукой по его лицу: — Ты сам отказывался от своего достоинства и самоуважения. Шаг за шагом, — она говорила тихо, почти шепотом, ее голос дрожал. — Я боюсь за тебя, боюсь, что, если ты не перестанешь отбрасывать его, у тебя ничего не останется. Ничего.

— Конни... — Ему хотелось плакать. Но у него не было слез для Грэхема Харриса. Он прекрасно понимал, что сделал с собой. У него не было жалости. Он презирал того человека, каким стал. Он чувствовал там, глубоко внутри себя, что всегда был трусом и падение с Эвереста завершило победу страха над ним. Тогда почему он не обратился к психиатру? Каждый из его докторов предлагал сделать психоанализ. Он чувствовал, что ему было удобно загордиться страхом; и это ослабило его:

— Я боюсь собственной тени. Я не смогу помочь тебе там.

— Ты испуган сегодня не так, как вчера, — мягко произнесла она. — Этой ночью тебе здорово досталось. Чего стоит одна только лифтовая шахта? Сегодня утром сама мысль о спуске по тем ступеням ошеломила бы тебя.

Он колебался.

— Это твой шанс, — сказала она. — Ты можешь победить свой страх. Я знаю, ты сможешь.

Он нервно облизнул губы, подошел к сложенному снаряжению:

— Хотел бы я иметь хоть половину твоей уверенности во мне.

Проследовав за ним, она сказала:

— Я понимаю, о чем тебя прошу. Я знаю, это будет самым трудным из всего, что ты когда-либо делал.

Он живо вспомнил свое падение. Он мог закрыть глаза в любое время — даже в переполненной людьми комнате — и снова переживать это: его ноги соскользнули, резкая боль в груди, когда страховка затянулась вокруг него, боль внезапно ослабла, когда веревка оборвалась, дыхание перехватило, словно непрожеванный кусок мяса застрял в горле, затем падение, падение и падение. Оно продолжалось около шести метров и закончилось в глубоком сугробе снега; но казалось, это была целая миля.

Она повторила:

— Если ты останешься здесь, то умрешь; эта смерть будет легче. В то мгновение, когда Боллинджер увидит тебя, он выстрелит. Он не станет колебаться. Для тебя все закончится за какую-то секунду. — Она тронула его за руку. — Но со мной будет не так.

Он оторвал взгляд от снаряжения и посмотрел на нее. Ее серые глаза излучали животный страх, такой же парализующий, как и его собственный.

— Боллинджер изнасиловал меня, — сказала она.

Он не мог говорить.

— Он зарежет меня, — продолжала она.

Непрощенный образ Эдны Маури возник перед его мысленным взором. Она держала свой окровавленный пупок в руке.

— Он изуродует меня.

— Может быть...

— Он Мясник. Не забывай. Не забывай, кто он.

— Господи, помоги мне, — прошептал он.

— Я не хочу умирать. Но если мне суждено умереть, я не хочу, чтобы это было так. — Она содрогнулась: — Если мы не собираемся спускаться, если мы будем ждать его здесь, тогда я хочу, чтобы ты убил меня. Ударь меня по затылку чем-нибудь. Ударь меня сильно.

Вздвигнув, он произнес:

— Что ты такое говоришь?

— Убей меня, прежде чем Боллинджер доберется до меня. Грэхем, ты мне обязан многим. Ты должен сделать это.

— Я люблю тебя, — тихо произнес он. — Ты для меня все. У меня больше ничего нет.

Она напоминала плакальщицу на своей собственной казни.

— Если ты любишь меня, тогда ты понимаешь, почему тебе следует убить меня.

— Я не могу этого сделать.

— У нас мало времени, — сказала она. — Или мы прямо сейчас готовимся к спуску, или ты убьешь меня. Боллинджер появится здесь в любую минуту.

* * *

Посмотрев на главный выход и убедившись, что около него никого не было, Боллинджер пересек мраморный зал вестибюля и открыл белую дверь. Он стоял на площадке северного аварийного выхода и прислушивался. Ничего не было слышно: ни шагов, ни голосов, никакого шума. Он взглянул вверх, в узкое открытое пространство, но не увидел никакого движения на винтовых перилах.

Он побежал к южному выходу.

Там тоже было пустынно.

Он взглянул на часы: 22.38.

Припомнив несколько стихов Блейка, чтобы успокоиться, он пошел к лифту.

31

Хорошие ботинки — существенный элемент в снаряжении настоящего альпиниста. Они имеют высоту десять-пятнадцать сантиметров, изготовлены из лучших сортов кожи, отделаны кожей ручной выделки с язычком, подбитым поролоном. Но самое главное, подошва должна быть тяжелой и упругой, с жесткими выступами.

Грэхем обул именно такую пару ботинок. Они были великолепно подогнаны и больше походили на перчатки, чем на обувь. Хотя процесс их одевания и зашнуровывания приближал момент, которого он ждал с ужасом, он нашел ботинки удивительно удобными и успокаивающими. Его привычка к ним, к альпинистским принадлежностям в целом казалась тем пробным камнем, где он мог пройти испытание на прежнего Грэхема Харриса, проверку на мужество, которое у него было раньше.

Обе пары обуви среди снаряжения были на четыре номера больше размера, необходимого Конни. Она не могла их обуть. Если она даже набьет бумагу в носки и по бокам, то будет чувствовать себя как в бетонных колодках. Из-за этого она может оступиться в самый критический момент во время спуска.

К счастью, они нашли пару пригодных ботинок, называемых в переводе с немецкого «туфли для подъема». Они были легче, прочнее, более гибкие и не такие высокие, как стандартные альпинистские ботинки. У них была каучуковая подошва, и ранты не выступали, что давало возможность их владельцу поставить ногу даже на самый узкий выступ. Несмотря на все явные достоинства, эти ботинки не подходили для предстоящего спуска. Они были сделаны из замши и промокали. Ими следовало пользоваться в хорошую погоду, а не в снегопад.

Чтобы защитить ноги от промокания и неизбежного тогда обморожения, Конни надела носки и обмотала их пластиком. Носки были из толстой, серой шерсти; они доходили до середины икр. Пластик обычно использовался для того, чтобы сохранить сухой еду, которую

альпинисты берут с собой в рюкзаке. Грэхем завернул ей каждую ногу в два слоя пластика и закрепил резинками этот водонепроницаемый материал на ее лодыжках.

Они оба надели тяжелые ярко-красные куртки с капюшонами, которые застегивались под подбородком. Под наружной нейлоновой поверхностью и внутренней нейлоновой подкладкой его жакет имел утепление, достаточное для осенних подъемов, но не для такого холода, который ждал их этой ночью. Ее куртка была намного лучше качеством, но он и словом не обмолвился ей, боясь, что она настоит на том, чтобы ее надел он, — ведь она была утеплена гусиным пухом. Это делало ее самой теплой одеждой, подходящей Конни по размеру и весу.

Поверх куртки каждый из них надел клеттергюртель, альпинистскую страховку для защиты в случае падения. Эта часть снаряжения была значительно усовершенствована по сравнению с поясом, которым раньше пользовались альпинисты; в случае падения пояс иногда затягивался так сильно, что сердце и легкие получали повреждения. Простая кожаная страховка распределяла давление по всему телу, уменьшая риск серьезного повреждения, и, в сущности, гарантировала альпинисту, что он не перевернется вниз головой.

Клеттергюртель произвел впечатление на Конни. Когда он закрепил все на ней, она сказала:

— Это замечательное страхование, правда. Если даже ты сорвешься, оно удержит тебя.

Конечно, если она только соскользнет или неверно поставит ногу. Но если оборвется трос и она будет на одной веревке, страховка не спасет ее от падения. Однако Конни не придется беспокоиться об этом, он предусмотрел чрезвычайные меры для ее безопасности: она будет спускаться по двум отдельным тросам. В дополнение к главному тросу он прикрепил ее ко второму, который он будет заводить на всем пути вниз.

В то же время у него не было троса, чтобы заводить его, страхуя себя. Ему предстоит спускаться по одной веревке.

Он не объяснял ей всего. Когда она выйдет наружу, единственная ее забота — использовать все возможности, чтобы остаться живой. Напряжение необходимо для альпиниста, но слишком большое напряжение может привести его к совершению ошибок.

Их доспехи имели добавочные петли на поясе. У Грэхема там были костыли, карабины, растяжные болты, молоток и компактная дрель на батарейках размером с две пачки сигарет. Конни несла целый набор различных костылей и карабинов. Кроме снаряжения, закрепленного на петлях, они оба были нагружены веревками. У Конни было по тридцать метров веревки на каждом бедре. Они были тяжелые, но так аккуратно свернуты, что не стесняли ее движений. У Грэхема было свернуто дополнительно еще тридцать метров на правом бедре. Они отложили два более коротких отрезка, чтобы воспользоваться ими для первой части пути вниз. В последнюю очередь они надели перчатки.

* * *

На каждом этаже Боллинджер выходил из лифта. Если этаж занимала одна фирма, он проверял, заперты ли двери аварийных выходов. Если этаж был открыт, он выходил из кабины и осматривал коридор.

На каждом пятом этаже он осматривал не только коридор, но и заглядывал на лестницы и проверял лифтовые шахты. На первых двадцати этажах здание обслуживали четыре шахты для лифтов; с двадцатого по тридцать пятый этаж — две шахты; с тридцать пятого до сорок второго — всего одна шахта. На первую половину своего вертикального обследования он затратил гораздо больше времени, чем рассчитывал, ведь он открывал аварийные двери всех этих шахт.

В 22.50 он был на пятнадцатом этаже.

Не обнаружив никаких следов, он уже начал сомневаться, правильно ли он ведет поиски. Правда, в тот момент он не видел иного способа сделать это.

Он поехал на шестнадцатый этаж.

Конни дернула за тяжелый шнур и раздвинула портьеры в офисе.

Грэхем отпер среднее окно. Два прямоугольных стекла сначала не двигались с места, затем внезапно громко закрипели и открылись внутрь, как окна каземата.

Ветер ворвался в комнату. У него был голос живого существа, с пронзительными, демоническими криками. Снежинки кружились вокруг Грэхема, танцевали на круглом столе и таяли на его полированной поверхности, украшали, словно бусы, зеленый ковер.

Наклонившись над подоконником, он посмотрел вниз, на стену «Бовертон билдинг». Верхние пять этажей с четырехэтажными декоративными башенками были на два метра уже, чем нижняя часть тридцать седьмого этажа. Три этажами ниже располагался двухметровый выступ, который окружал все здание. Остальная поверхность здания находилась под выступом и была вне пределов видимости.

Снег падал так густо, что едва можно было различить уличные фонари на дальней стороне Лексингтон-авеню. Под фонарями не было видно даже маленькой части улицы.

За несколько секунд, пока он оценивал ситуацию, а ветер бил ему прямо в лицо, ничем не защищенное лицо быстро обветрилось.

— Чертовски холодно! — Когда он говорил, его дыхание прерывалось, он отвернулся от окна. — Мы сильно обморозимся.

— Мы все равно должны идти, — сказала она.

— Я знаю. Я не пытаюсь отступить.

— Мы можем прикрыть наши лица?

— Чем?

— Шарфами...

— Ветер сорвет все, чем бы мы ни повязались, затем может закрыть лицо так, что трудно будет дышать. К несчастью, журнал не рекомендует никаких масок для лица в своей рекламе. Иным способом, но у нас будет именно то, что нам нужно.

— Что мы можем сделать?

Его осенила идея. Он подошел к своему столу. Содержимое среднего ящика свидетельствовало о его ипохондрии, которая была главным компонентом его страха: анальгин, аспирин, полдюжины средств от простуды, капсулы с тетрациклином, леденцы для горла, термометр, на всякий случай... Он взял небольшой тюбик и показал его ей.

— Вазелиновая помада? — спросила она.

— Подойди сюда.

Она подошла к нему.

— Это средство для потрескавшихся губ. Если мы собираемся обморозиться, зачем беспокоиться о такой мелочи, как треснувшие губы?

Он отвернул крышку тюбика и нажал на него, выдавив восковую полоску крема на руку. Он намазал ей все лицо — лоб, виски, щеки, нос, губы, подбородок:

— Даже тонкий слой этого крема защитит твоё лицо, ветру понадобится больше времени, чтобы вытянуть из тебя тепло. Это сохранит твою кожу мягкой. Потеря тепла составит только две трети опасности в пути. Но потеря влаги вместе с потерей тепла может привести к серьезному обморожению. Влага при очень холодном морозе не повлияет на твою кожу. Но резкий холодный ветер может высушить твоё лицо так же, как воздух пустыни.

— Я была права, — сказала она.

— Права в отношении чего?

— В тебе что-то есть от Ника Чарлза.

В двадцать три часа Боллинджер вошел в лифт, включил его и нажал на кнопку двадцать второго этажа.

Оконная рама была очень крепкой, не алюминиевой, как большинство рам в зданиях, построенных за последние тридцать лет, а стальной. Средняя стальная стойка достигала трех сантиметров толщиной и могла выдержать нагрузку в несколько сот килограммов и при этом не согнуться, не выломаться из оконного переплета.

Харрис прицепил карабин к стойке.

Эта часть металлического снаряжения была одной из самых важных среди тех, которые использовали альпинисты. Карабины делались из стали или сплава и имели несколько форм — в виде овального полукруга или с немного изогнутой стороной полукруга, то есть в форме груши или замочной скважины. Овальные использовались гораздо чаще. Их размеры колебались от двух до девяти сантиметров. Они были похожи на кольцо для ключей или на вытянутое звено цепочки. Упругий запор открывал одну сторону овала, давая возможность альпинисту прицеплять карабин к ушку костыля; он мог также прикреплять петлю веревки к металлическому кольцу. Карабин, который иногда называют «защелкивающееся звено», можно использовать, чтобы соединить два троса в любой их точке. Это особенно важно, когда концы тросов закреплены вверху и внизу. Жизненно важные функции хорошо отполированного защелкивающегося звена состояли и в том, чтобы предотвратить перетирание одного троса другим, их перетирание на неровностях, в шероховатых ушках костылей и на острых поверхностях скал; карабины спасали жизни.

По указанию Грэхема Конни сняла скрепляющую пластиковую тесьму с двадцатипятиметрового мотка красно-голубого витого нейлонового шнура.

— Он не выглядит достаточно крепким, — сказала она.

— Однако он выдерживает до двух тысяч килограммов.

— Такой тонкий?

— Толщиной в один сантиметр.

— Полагаю, ты знаешь, что делаешь.

Он приободряюще улыбнулся.

— Расслабься.

Завязав узел на одном конце шнура, он сделал двойную петлю и закрепил ее поверх узла, затем протянул шнур через клапан карабина, прикрепленного к стойке окна.

Про себя он удивился, как быстро работал и с какой легкостью завязал сложный узел. Ему казалось, что он действовал больше инстинктивно, нежели сознательно. За пять лет он ничего не забыл.

— Это будет твой спасательный трос, — сказал он ей.

Карабин был одним из тех, что имели металлические застёжки, которые устанавливались поверх клапана, чтобы предотвратить возможность случайного открытия. Он поставил застёжку на место.

Подняв веревку и размотав ее, он быстро отмерил десять метров. Достал складной нож из кармана куртки и перерезал веревку, оставив одну половину на полу. Конец более короткого куса веревки он привязал к ее страховке, так что она оказалась прикрепленной к стойке рамы десятиметровой пуповиной. Он поднял конец другого отрезка веревки и завязал его вокруг талии, используя беседочный узел.

Находясь у подоконника, он сказал:

— Садись сюда.

Она села к нему, спиной к снегу и ветру.

Харрис выбросил десятиметровую веревку из окна, и петля ослабнувшей веревки от стойки до страховочного пояса на Конни закачалась на ветру.

Он разложил пятнадцатиметровый кусок на полу, аккуратно свернул его, чтобы тот не запутался, и, наконец, прикрепил свободный конец к своему поясу.

Он намеревался заводить ее в положении стоя. На горе, если заводящий не был прикреплен к другому тросу и надежному костылю, в положении стоя он мог резко дернуть, потерять равновесие и упасть вместе с тем, кого он заводил. Поэтому положение стоя

считалось менее надежным, чем положение сидя при выполнении этой операции. Но Конни была легче его на двадцать пять килограммов, окно расположено высоко, и он не опасался, что она сможет вытянуть его из комнаты.

Широко расставив ноги, чтобы упрочить свое положение, он взял пятнадцатиметровый трос посередине между своими сложенными кольцами и Конни, завязал узел в этом месте, потом пропустил трос позади себя, вокруг бедер по линии пояса. Веревка, идущая от Конни, шла вокруг левого бока, затем вокруг правого. Таким образом, его левая рука была ведущей, а правая — тормозящей.

Укрепившись в двух метрах от нее, он спросил:

— Готова?

Она облизнула губы.

— Выступ всего в девяти метрах внизу.

— Не так далеко, — тихо ответила она.

— Ты не успеешь оглянуться, как окажешься там.

Она попыталась улыбнуться. Посмотрев вниз на свою страховку, она попробовала ее, словно думала, что та была расстегнута.

— Помнишь, что нужно сделать? — спросил он.

— Держаться обеими руками за веревку над головой. Не пытаться помогать. Смотреть, где выступ, встать ногами точно на него, ни в коем случае не опускаться ниже его.

— И когда ты очутишься там?

— Первое: я должна отвязать себя.

— Но отвязать только эту веревку.

— Да.

— Не другую.

Она кивнула.

— Затем, когда ты отвяжешь себя...

— Я дерну дважды за эту веревку.

— Правильно. Я постараюсь аккуратно спустить тебя.

Несмотря на резкий холодный ветер, врывавшийся в открытое окно с обеих сторон, ее лицо оставалось бледным.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— И я люблю тебя.

— Ты сможешь это сделать.

— Я надеюсь.

— Я знаю.

Его сердце сильно билось.

— Я верю в тебя, — сказала она.

Он почувствовал, что, если он допустит ее гибель во время спуска, у него не будет ни права, ни желания спасаться самому. Жизнь без нее будет невыносима, а одиночество и чувство вины — серая пустота — хуже смерти. Если она сорвется, он кинется вниз вслед за ней.

Он был напуган.

Все, что он мог сделать, это повторить.

— Я люблю тебя.

Глубоко вздохнув и откинувшись назад, она сказала:

— Ну, женщина, за борт!

Коридор был темным и пустынным. Боллинджер вернулся к лифту и нажал на кнопку двадцать седьмого этажа.

почувствовала сотни метров открытого пространства под собой. Ей не нужно было смотреть вниз, чтобы ощутить огромную темную бездну. Она была напугана гораздо больше, чем ожидала. Страх оказывал на нее и физическое и психическое влияние. У нее перехватило горло, она едва могла дышать. В груди все сжалось, пульс участился. Неожиданно желудок тоже болезненно сжался.

Она подавила желание схватиться за подоконник, пока до него еще можно было достать рукой. Вместо этого она крепче ухватилась обеими руками за веревку над головой.

Ветер раскачивал ее из стороны в сторону. Он бил ей в лицо, особенно острая боль ощущалась вокруг глаз, где кожа не была намазана кремом.

Вместо того чтобы внимательно ко всему приглядываться, она была вынуждена сощуриться и смотреть через узкие щелочки глаз. В противном случае ветер мог ослепить ее собственными слезами. К сожалению, среди всего снаряжения не нашлось защитных очков.

Она взглянула вниз на выступ, к которому медленно приближалась. Он был шириной около двух метров, но ей он показался узким, как проволока.

* * *

Его ноги заскользили по покрытию. Он уперся в него пятками. Судя по длине веревки, все еще лежавшей около него, она не прошла и половины расстояния до выступа. А он уже чувствовал себя так, словно опустил ее, по крайней мере, метров на тридцать.

В самом начале напряжение, давившее на руки и плечи Грэхема, было терпимым. Но по мере того как он заводил трос, он почувствовал всю тяжесть расплаты за пять лет бездействия. С каждым сантиметром веревки он ощущал, как боль искрами вспыхивает у него в мышцах и распространяется все усиливающимся огнем.

Однако его беспокоила не только боль. Более важно было то, что он стоял спиной к двери. Он не мог забыть видения: пуля в спину, кровь и затем темнота.

Где же Боллинджер?

* * *

Чем дальше спускалась Конни, тем меньше становилась петля веревки, соединявшей ее со стойкой окна. Она надеялась, что Грэхем правильно рассчитал длину шнура. Если нет, то у нее будут серьезные затруднения. Слишком длинный спасательный трос не представляет опасности, но если он окажется коротким, то она повиснет в тридцати-шестьдесят сантиметрах от выступа. Ей придется подняться назад к окну, чтобы Грэхем мог исправить положение — или ей придется отвязать спасательный трос, продолжая держаться только за заводящий трос. С беспокойством она смотрела, как постепенно натягивается страховочный шнур.

Над ее головой веревка закручивалась и раскручивалась. По мере того как тысячи нейлоновых нитей поочередно натягивались, ослаблялись, снова натягивались, Конни обнаружила, что она медленно поворачивается полукругом слева направо и обратно. К этому движению добавлялось раскачивание от ветра, и она страдала от этого.

Конни боялась, что веревка может оборваться. Естественно, все эти закручивания и раскручивания начинались там, где веревка свешивалась с подоконника. Ее охватывали сомнения, не начал ли тонкий шнур протираться от трения о подоконник?

Грэхем говорил о некоторой опасности трения в этом месте. Но он заверил ее, что она окажется на выступе прежде, чем нейлоновые волокна хоть немного повредятся. Нейлон был прочным материалом, гибким. Он не протрется от нескольких минут или даже четверти часа сильного трения.

И все-таки она волновалась.

* * *

Фрэнк Боллинджер начал обследовать тридцатый этаж в восемь минут двенадцатого.

Ему казалось, что он попал в сюрреалистический мир дверей. Сотни и сотни дверей... Всю долгую ночь он проводил, открывая их, ожидая внезапного нападения, наполняясь напряжением, которое возбуждало его. Но за всеми этими дверями открывалось одно и то же: темнота, пустота, тишина. Каждая дверь обещала дать ему то, за чем он охотился, но ни одна из них не сдерживала свое обещание.

Множество дверей ассоциировалось у Боллинджера не только с этой ночью, но и со всей его жизнью. Двери. Двери, которые вели в темноту, в пустоту, в слепые проходы и разные глухие концы. Каждый день своей жизни он ждал, что найдет ту дверь, которая, широко распахнувшись, наградит его тем, что он заслужил. Но пока та золотая дверь ускользала от него. Это было несправедливо. Он был один из новых людей, превосходил каждого из окружавших его. И чего же он достиг в свои тридцать семь лет? Ничего! Не стал президентом или сенатором. Не знаменит. Не богат. Он был всего лишь паршивым помощником следователя, полицейским, чья жизнь и работа проходили в грязном мире шлюх, сводников, картежных аферистов, наркоманов и мелких рэкетиоров.

Вот почему Харрис и десятки миллионов подобных ему должны умереть. Они были недочеловеками. И на каждого сверхчеловека приходились миллионы этих ничтожеств. Сильные своей численностью, эти ничтожные существа, поставившие мир на грань термоядерного разрушения ради удовлетворения своей жадности и стремления к позированию, имели власть над миром и деньги. Только через величайшее в истории кровопролитие, великое побоище может новый сверхчеловек взять то, что ему принадлежит по праву.

Тридцатый этаж был пуст, так же как лестницы и лифтовые шахты.

Он поднялся на следующий этаж.

* * *

Ноги Конни коснулись выступа. Благодаря сильному ветру там не было снега, а значит, и наледи. Ей не грозила опасность соскользнуть с карниза.

Она прижалась спиной к стене, отодвинувшись, насколько было возможно, от края пропасти.

Удивительно, но, стоя на карнизе, она еще больше была напугана развернувшейся перед ней бездной, чем когда свободно свисала в пустом пространстве. Сейчас, в более безопасном и прочном положении, высота в тридцать восемь этажей казалась ей вдвое ужаснее, представлялась бездонной ямой.

Развязав узел на страховке, она освободила себя от веревки и дважды с усилием дернула за нее.

Грэхем тотчас втянул веревку наверх.

Через минуту он будет на пути к ней. Не будет ли он паниковать, пока доберется сюда?

— Я верю в него, — успокаивала она себя. — Я действительно верю. Должна верить.

Но она все-таки опасалась, что он пройдет только часть пути от окна, а потом повернет назад, оставив ее висеть тут.

Грэхем снял перчатки, высунулся из окна и ощупал камень под оконным переплетом. Это был гладкий гранит, камень, который мог выдержать столетия. Однако, прежде чем его пальцы окоченели от ледяного ветра, ему удалось нащупать небольшую горизонтальную расщелину, которая соответствовала его цели.

Держа одну руку на трещине, чтобы не потерять ее, он достал молоток и костыль из кармашков с инструментами на поясе. Балансируя на подоконнике, высунувшись так далеко,

насколько хватило смелости, он направил острый конец стального гвоздя в трещину и приколотил его.

Освещение, при котором он работал, было явно недостаточным. Свет шел от габаритных огней, предупредительных сигналов для самолетов, опоясывающих декоративную башенку здания в десяти метрах над ним; там чередовались красные и белые огни.

В таком положении работа продвигалась гораздо медленнее, чем ему хотелось. Когда он, наконец, закончил, то посмотрел через плечо, нет ли за ним Боллинджера. Он все еще оставался один.

Костыль, казалось, был вбит крепко. Он схватился за него, попытался раскачать. Но тот сидел прочно.

Грэхем прикрепил карабин к ушку костыля. Другой карабин он закрепил за центральную стойку окна, за ту, что держала страховочный шнур Конни.

Затем он развязал узлы на заводящей веревке, отстегнул ее на поясе и сбросил на пол у окна.

Грэхем закрыл одну из высоких прямоугольных половин окна так плотно, как только смог; карабины, прикрепленные к центральной стойке, не давали возможности полностью закрыть окно. Он попытается захлопнуть другую половину снаружи.

Он задернул вельветовые гардины. Естественно, Боллинджер вернется в офис и обнаружит, что они выбрались через окно. Но Грэхему хотелось скрыть это как можно дольше. Встав на гардины, он повернулся к открытому окну. Ветер врывается в раскрытую половину и раздувал вельветовые гардины вокруг окна.

Грэхем взял одиннадцатиметровый шнур, который отрезал от тридцатиметрового куска, прикрепил его на поясе и к карабину на стойке окна. У него еще не было времени, чтобы заводить его, как он делал для Конни, но он уже придумал, как избежать спуска по одному шнуру; у него будет точно такая же страховочная привязь, как и у Конни.

Он быстро завязал узел в виде восьмерки на конце пятнадцатиметрового шнура. Высунувшись снова из окна, он прикрепил веревку двойной петлей к карабину, прицепленному к костылю. Затем он затянул муфту на запоре, соединив обрезанные концы. Выбросив шнур в окно, он убедился, что тот повис прямо и не зацепился за костыль. Это будет его спусковой трос.

Грэхем не совсем точно следовал обычной процедуре подготовки к горному подъему. Но ведь и «гора» тоже была необычной. Ситуация требовала гибкости, новых оригинальных методов.

Снова надев перчатки, он взял девятиметровый трос, обмотал его вокруг правого запястья и крепко ухватился за него правой рукой.

Примерно полтора метра шнура находилось между его рукой и креплением на раме. В первые секунды, когда он выскользнет из окна, он будет висеть на правой руке в полтора метра от подоконника.

Встав на четвереньки на подоконнике, лицом к гардинам, он медленно и осторожно, спиной вперед начал выбираться из комнаты. Прежде чем перевеситься и выскользнуть из окна, он закрыл вторую половину окна, насколько позволяли карабины. Затем он упал на полтора метра.

Воспоминания об Эвересте полностью завладели им. Он безуспешно пытался избавиться от них, затолкать их глубоко в себя.

Ощувив комок в горле, он с трудом глотнул и продолжал глотательные движения, пока горло не стало чистым. Он приказал себе не трусить, и это сработало.

Левой рукой он ухватился за трос, висевший вдоль стены здания. Держась за него свободно, он дотянулся и ухватился покрепче за спасательный трос над головой, который уже был в его правой руке. Теперь, закрепившись за короткий трос обеими руками, он подтянул колени и встал ступнями на гранитную стену. Перебирая руками по страховочному тросу, он сделал три маленьких шага по отвесной стене, пока не выровнялся под углом в сорок пять

градусов относительно стены. Носки его ботинок вжались в узкий известковый шов.

Удовлетворенный своим положением, он позволил себе левой рукой отпустить страховочный трос.

Хотя он оставался надежно прикрепленным, ощущение того, что он отпустил что-то на большой высоте, снова вызвало комок в горле. Он поперхнулся, но сдержался и быстро оправился.

У него было четыре точки опоры: его правая рука на короткой веревке почти в полуметре от окна; его левая рука на тросе, по которому он спускался; его правая и левая ступни на стене. Он держался как муха на стене дома.

Скосив глаза на костыль, который высовывался между развернутыми ступнями, он несколько раз сильно подергал за трос. Костыль не двинулся. Он перенес свой вес на длинный трос, но продолжал держаться правой рукой за страховочную веревку. Даже под тяжестью семидесяти килограммов костыль не двинулся в трещине.

Убедившись, что штифт надежен, он отпустил страховочный трос.

Теперь он балансировал на трех точках: левая рука на длинной веревке, обе ноги на стене, все еще под углом в сорок пять градусов.

Он не будет держаться теперь за страховочный трос, пока не достигнет выступа, но тот все-таки убережет Грэхема от падения, если даже оборвется длинный шнур, по которому он спускается к Конни.

Он уговаривал себя помнить об этом. Помнить и не поддаваться панике. Паника была настоящим врагом. Она могла убить его быстрее, чем Боллинджер. Привязь была на месте. Соединяла его страховочное крепление со стойкой окна. Он должен помнить...

Свободной рукой он поискал около бедра позади себя длинную веревку, которую уже держал одной рукой. Через несколько томительных секунд он нашел ее. Теперь веревка, по которой он будет спускаться, шла от костыля к левой руке перед ним, проходила между ног на уровне промежности к правой руке позади него. Этой рукой он выдвигал веревку вперед, около правого бедра, вдоль груди, головы и, наконец, его левой руки. Веревка свешивалась за его спиной, проходила через правую руку и скрывалась в пространстве.

Он отлично закрепился.

Левая рука была направляющей, правая — тормозящей. Он был готов к скоростному спуску.

Впервые с того момента, когда он выскользнул из окна, он смог хорошенько оглядеться вокруг. Темные монолиты, гигантские небоскребы мрачно поднимались среди зимнего шторма. Сотни тысяч огоньков, смутных и кажущихся еще более далекими за падающим снегом, светились в ночи со всех сторон. Манхэттен слева. Манхэттен справа. Манхэттен сзади. Но самое важное — Манхэттен под ним. Сто восемьдесят метров ночной пустоты готовились поглотить его. Удивительно, но в какое-то мгновение ему показалось, что все это было миниатюрным макетом города, маленькой репродукцией, навсегда застывшей в пластике. А он был словно подвешен к одному из тех прозрачных полушарий, наполненных искусственным снегом. Иллюзия ушла так же неожиданно, как и пришла. Город снова стал громадным, бетонный каньон внизу — бездонным. Когда все вернулось к нормальным размерам, Грэхем казался себе крошечным, таким незначительным.

Как только он выбрался из окна, все его внимание сосредоточилось на костылях, веревках и технических приспособлениях. Слишком занятый этим, он не замечал ничего вокруг.

Но дальше так не могло продолжаться. Неожиданно близко он увидел город и осознал, как же далеко было от земли.

Осознание этого вновь воскресило нежелательные воспоминания: его нога соскользнула, страховка сильно затянулась, веревка обрывается и... падение, падение, падение, удар, темнота, боль в ногах, снова темнота, раскаленное железо в его кишках, режущая, как стекло, боль в спине, кровь, темнота, госпитальные палаты...

Несмотря на колючий, холодный ветер, который бил в лицо, пот струился по его бровям

и вискам.

Он трясся. Он почувствовал, что не может спуститься.

Падение, падение...

Он не мог сдвинуться. Ни на сантиметр.

* * *

Стоя в лифте, Боллинджер колебался. Он уже был готов нажать кнопку двадцать третьего этажа, когда вдруг до него дошло, что после того, как он потерял их след, Харрис и женщина, очевидно, не стали продолжать спускаться к вестибюлю. Они исчезли на двадцать седьмом этаже. Он уже обследовал тот этаж и другие, расположенные ниже; и он был уверен, что их не было в нижней части здания. Значит, они поднялись наверх. Назад, в офис Харриса? Как только эта мысль пришла ему в голову, он понял, что это действительно так, и он знал, почему они так поступили. Они поднялись наверх, потому что именно этого он меньше всего ожидал от них. Если бы они продолжали спускаться по лестнице или шахте лифта, он бы обнаружил их в считанные минуты. Это было ясно как день. Но, поднявшись наверх, они запутали его и выиграли время.

«Сорок пять минут форы, — со злостью подумал он. — Эти бестии сделали из меня дурака. Сорок пять минут. Но ни одной проклятой минуты больше».

* * *

Восемнадцать метров.

В два раза больше той высоты, с которой он упал на Эвересте.

И на этот раз чуда не произойдет: нет глубокого сугроба, чтобы смягчить падение. Он превратится в кровавое месиво, когда полиция найдет его изуродованное и безжизненное тело.

Хотя он ничего не мог увидеть, он стал напряженно всматриваться вниз, на улицу. Темнота и снег окутывали проспект. И он не мог оторвать взгляд. Он был заворочен не тем, что видел, а тем, что ему казалось. Его притягивало то, что, как он представлял, лежало внизу, под покровом ночи, под кружащимися хлопьями снега.

Он прикрыл глаза, подумал о мужестве, подумал о том, как высоко он находится. Носки упирались в неглубокие известковые пазы между двумя гранитными плитами. Левая рука впереди, правая сзади. Он был готов к спуску... но не мог двинуться с места.

Когда он открыл глаза, то увидел Конни на выступе.

Она жестом призывала его поторопиться.

Если он не сдвинется, она погибнет. Он определенно погубит ее. Она не заслуживает такого после восемнадцати месяцев нежной заботы и полного понимания. Она ни разу не упрекнула его за хныканье, за его паранойю и жалость к себе, за его эгоизм. Она подвергала себя эмоциональному риску, который был не менее опасен, чем психическая нагрузка, требовавшаяся для него. Он знал, что умственное напряжение могло причинять такую же боль, как и сломанная нога. Во имя этих восемнадцати месяцев он должен был совершить спуск, только ради нее. Он был обязан ей слишком многим; черт возьми, он был обязан ей всем.

Пот растворил часть слоя крема у него на лбу и щеках. Как только ветер высушил пот, то стал обжигать лицо. Он снова почувствовал, как мало времени они могут находиться здесь, прежде чем зимняя ночь истощит их силы.

Он взглянул вверх на костыль, державший его.

«Конни погибнет, если ты не сделаешь этого», — подумал он.

Грэхем слишком сильно стискивал трос левой рукой, которая должна была только направлять его. Ему следует держать трос свободнее, пользуясь правой рукой, чтобы продвигаться по тросу и тормозить.

Конни погибнет...

Он ослабил хватку левой руки и приказал себе не смотреть вниз.

Глубоко вздохнул, затем выдохнул. Начал считать до десяти. Сказал себе, что он задерживается. Оттолкнулся от стены.

Не паниковать!

Отлетев в ночь, он скользнул вниз по веревке и снова прильнул к стене; как только обе ноги прочно встали на граните, он ощутил пронизывающую боль в травмированной ноге. Он поморщился, но знал, что сможет вытерпеть. Посмотрев вниз, он увидел, что спустился не более чем на полметра: но сам факт, что он все-таки сдвинулся, заставлял считать боль чем-то неважным.

Грэхем намеревался отталкиваться от стены изо всех сил и покрывать метра два во время каждой длинной дуги.

Но он не мог сделать этого. Пока не мог. Он был слишком напуган, чтобы скользить так энергично, как делал это в прошлом. Кроме того, более быстрый спуск сделает боль в ноге невыносимой.

Он вновь оттолкнулся от стены, отлетел назад, спустился на полметра по тросу, снова устремился к стене. И опять: лишь сантиметров тридцать и в этот раз. Мелкие семенящие шаги. Робкий танец страха вдоль стены здания. Толчок, скольжение вниз, возвращение, и опять, и опять...

Страх не исчезал. Он еще был в нем, наполнял его. Опухоль, которая питалась внутри его и разрасталась с годами, не может исчезнуть сама собой за несколько минут. Однако страх больше не переполнял его. Он мог заглянуть вперед в тот день, когда совсем освободится от него; и это было прекрасное видение.

Когда он наконец отважился посмотреть вниз, то увидел, что выступ уже рядом и нет необходимости отталкиваться от стены и скользить. Он спустился на последние несколько десятков сантиметров.

Конни приблизилась к нему. Ей приходилось кричать, чтобы ветер не смог заглушить ее голос:

— Ты сделал это!

— Я смог!

— Ты победил его?

— Да.

— Может, уже достаточно?

— Что?

Она показала на окно рядом с ними:

— Что, если мы разобьем его?

— Зачем?

— Это ведь чей-то офис. Мы можем спрятаться в нем.

— А как же Боллинджер?

Она повысила голос, чтобы перекричать новый порыв ветра:

— Раньше или позже, но он доберется до твоего офиса.

— Ну?

— Он увидит окно. Карабины и веревки.

— Я знаю.

— Он подумает, что мы таким образом спустились до самого низа.

— Может быть. Хотя я сомневаюсь.

— Даже если он так и не подумает, он же не узнает, где мы остановились. Он не может выстрелами открывать каждую дверь в здании, разыскивая нас.

Порыв ветра ударил рядом с ними, отскочил от здания, закачал их как игрушечные фигурки. Он завывал, как сирена воздушной тревоги.

Снежинки попали Грэхему в глаза. Они были настолько холодные и колючие, что произвели такой же эффект, как кристаллики соли. Он зажмурил глаза, пытаясь превозмочь

внезапную боль. Ему это немного удалось, но вместо боли появились слезы, ослепившие его на некоторое время.

Они сблизили головы, насколько было возможно, чтобы не кричать друг другу.

— Мы можем спрятаться до прихода людей, — сказала она.

— Завтра суббота.

— Ну кто-то же будет работать. Обслуживающий персонал хотя бы.

— Город будет парализован к утру, — ответил он. — Это же пурга. Никто не придет на работу.

— Тогда мы будем скрываться до понедельника.

— А как насчет воды? Еды?

— В больших офисах обычно имеются холодильники. Кофе и автоматы с газировкой. Может быть, даже конфеты и печенье.

— До понедельника?

— Если придется.

— Это слишком долго.

Она махнула рукой в сторону пропасти слева от нее:

— А это слишком длинный спуск.

— Согласен.

— Пошли, — нетерпеливо сказала она. — Давай залезем в окно.

* * *

Боллинджер перешагнул через лужу пролитого коньяка и оглядел офис Харриса. Ничего необычного. Никаких признаков его жертв.

Куда же они делись?

Он уже собирался уходить, когда зеленые вельветовые гардины стали вздвигаться у стены. Он поднял пистолет и едва не открыл огонь. Но прежде чем он сделал первый выстрел, гардины вернулись на место. Никто не мог прятаться за ними; там было мало места.

Он подошел к краю гардин и дернул за шнур. Гардины раздвинулись с мягким шорохом.

Как только открылась середина окна, он увидел: что-то не так. Он подошел поближе и открыл высокие прямоугольные рамы.

Ветер ударил ему в лицо, проник за незастегнутый ворот, растрепал его волосы. Хлопья снега залепили ему лицо.

Он увидел карабин на центральной стойке и тянувшиеся от них веревки.

Выглянув из окна, он посмотрел на стену здания.

— Будь я проклят! — воскликнул он.

* * *

Грэхем пытался отцепить молоток от ремня на страховочном поясе, но ему мешали большие перчатки. Без перчаток было бы легче сделать это, но он не хотел снимать их, боясь, что они могут выскользнуть и упасть вниз. Если что-то изменится и им придется продолжать спуск, то перчатки будут крайне необходимы ему.

Ветер над ним издал странный звук.

Б-у-у-м! Громкий резкий звук. Как приглушенный удар грома.

Ему наконец-то удалось отцепить молоток.

Б-у-у-м!

Конни схватила его за руку:

— Боллинджер!

Сначала он не понял, что она имела в виду. Он посмотрел вверх только потому, что она так сделала.

Боллинджер высовывался из окна в девяти метрах от них.
Грэхем крикнул Конни:
— Прижмись к стене!
Она не двигалась. Казалось, она застыла. Впервые за все время она выглядела испуганной.
— Не будь мишенью! — крикнул он.
Она прижалась спиной к зданию.
— Отвяжи от себя страховочный трос, — сказал он.
Наверху язык пламени выскочил из дула пистолета. Б-у-у-м!
Грэхем размахнулся, ударил молотком по окну. Стекло посыпалось внутрь. Обезумевший, неспособный забыть видение, как он получает пулю в спину, он бил по неподатливым, зазубренным створкам, которые держали раму.
Б-у-у-м!
Резкий звук рикошета заставил Грэхема подпрыгнуть. Пуля отскочила от гранитной стены в сантиметре от его лица.
Он покрылся потом.
Боллинджер что-то кричал.
Ветер разрывал его слова, превращая их в бессмысленные звуки.
Грэхем не поднимал головы. Он продолжал бить по острым краям стекол.
Б-у-ум!
— Давай, — крикнул он, как только разбил вдребезги опасный кусок стекла.
Конни взобралась на подоконник и исчезла в темном офисе.
Он развязал узлы страховочного троса на поясе.
Б-у-ум!
Выстрел прозвучал так близко, что он непроизвольно вскрикнул. Пуля задела рукав его куртки. От неожиданности он потерял равновесие и в какое-то мгновение подумал, что сорвется с выступа.
Б-у-у-м!
Б-у-у-м!
Он рванулся вперед, в разбитое окно, ожидая, что в последнюю минуту будет остановлен выстрелом в спину.

35

Стекло хрустело под ногами в темном офисе на тридцать восьмом этаже.
Конни спросила:
— Как же он мог промахнуться в нас?
Стерев пот с лица перчаткой, Грэхем объяснил:
— Ветер почти штормовой силы. Он мог слегка отклонить пули.
— С девяти метров?
— Это возможно. Кроме того, он стрелял из неудобного положения, высунувшись из окна и целясь вниз. К тому же освещение было плохим. Ветер бил ему в лицо. Ему чертовски повезло бы, если бы он попал в нас.
— Мы не сможем оставаться здесь, как планировали, — сказала она.
— Конечно, нет. Он знает, на каком мы этаже. Он, вероятно, бежит сейчас к лифту.
— Мы снова выберемся наружу?
— Да, хотя и не хочется.
— Он будет стрелять во время нашего спуска, стараясь сбить нас со стены здания.
— Разве у нас есть выбор?
— Нет, — ответила она. — Ты готов к спуску?
— Как всегда.
— Ты все сделаешь хорошо.

— Я не подготовлен полностью к спуску.
— У тебя получится.
— Сейчас ты стала ясновидящей?
— У тебя получится. Потому что ты больше не боишься.
— Кто? Я?
— Ты.
— Да я перепуган до смерти.
— Но это не тот страх, что раньше. В любом случае сейчас у тебя есть веские основания для боязни. Твое ощущение — это естественная реакция, здоровый страх.
— Ну да. Я переполнен естественным страхом.
— Я была права.
— В чем?
— Ты тот мужчина, которого я всегда хотела.
— Ну, тогда ты хотела не слишком многого.
Несмотря на то, что он сказал, она уловила удовольствие в его голосе. Непохоже, что он собирался чернить самого себя; на худой конец он высмеивал комплекс неполноценности, от которого страдал еще вечером. Он уже смог вернуть часть своего самоуважения.
Распахнув вторую половину окна, он сказал:
— Подожди здесь. Я закреплю другой костыль, привяжу новый трос. — Он снял перчатки: — Подержи их.
— У тебя руки замерзнут.
— За одну-две минуты не успеют. Мне удобнее работать свободными руками.
Он осторожно высунул голову в окно и посмотрел вверх.
— Он все еще там? — спросила она.
— Нет.
Грэхем выбрался на двухметровый выступ, лег на живот, ногами к ней, свесив голову и касаясь плечами края выступа.
Она отошла от окна на несколько шагов и затаила дыхание, прислушиваясь, нет ли Боллинджера.

* * *

В помещении издательства Харриса Боллинджер задержался, чтобы перезарядить свой пистолет, прежде чем побежал к лифту.
Грэхем забил костыль в узкую горизонтальную полоску известкового раствора между двумя гранитными плитами. Он проверил его на прочность и прикрепил к нему карабин.
Усевшись поудобнее, он снял с правого бедра тридцатиметровый шнур и быстро подготовил его, свернув в кольцо, чтобы потом он разматывался без зацепки. Ветер был очень сильный и мог запросто запутать кольцо веревки; ему нужно было следить за этим, когда он будет заводить Конни. Если трос застопорится, им обоим придется туго. На конце шнура Грэхем завязал узел с двумя маленькими петлями сверху. Он снова лег, подполз к краю, просунул петли в карабин, затем защелкнул звено и поставил стопор на место. Сидя спиной к ветру, он чувствовал, как будто чьи-то сильные руки пытаются сбросить его с выступа.
Его пальцы заоченели от холода.
Два страховочных троса, которыми они пользовались во время спуска с сорокового этажа, свисали около него. Он взялся за один.
Наверху трос был прикреплен к карабину таким образом, что за него можно было легко потянуть снизу и вернуть. Пока на тросе ощущалось сильное напряжение, узел оставался надежным и прочным. Чем больше натяжение и чем тяжелее вес альпиниста, тем сильнее натяжение и прочнее узел. Однако, когда альпинист отпускал веревку, натяжение ослабевало и узел развязывался сам. Грэхем дернул за веревку раз, другой, третий. Наконец трос

освободился от защелкивающегося звена и упал к нему на колени.

Он достал складной нож из кармана куртки, открыл его, разрезал пополам трехметровую веревку, затем убрал нож.

Грэхем встал, слегка покачиваясь от боли в ноге.

Один из полутораметровых отрезков предназначался ему. Он привязал его конец к своему поясу, другой конец прикрепил к карабину и пристегнул карабин к стойке окна.

Наклонившись к окну, он позвал:

— Конни?

Она вышла из темноты и шагнула в круг тусклого света:

— Что-нибудь слышно?

— Пока нет.

— Вылезай сюда.

* * *

Ему хотелось, чтобы Билли оказался здесь во время убийства. Он чувствовал, что Билли был его половиной, половиной его плоти, крови и мозга. Без Билли он не мог четко проанализировать сложившуюся ситуацию. Без Билли он мог испытывать только часть переживаний, половину волнения.

По пути к лифту Боллинджер думал о Билли, в основном о тех первых нескольких вечерах, когда они узнавали друг друга.

Они встретились в пятницу и провели девять часов в частном ночном клубе на Сорок четвертой улице. Они разошлись уже на рассвете и были довольны тем, как провели время. Этот бар — любимое место встреч городских детективов — всегда был полон; однако Боллинджеру казалось, что они с Билли были там единственными людьми, совершенно одни в их угловом кабинете.

С самого начала у них не было затруднений в общении друг с другом. Ему казалось, что они были братьями-близнецами, которых объединяло мистическое единство близнецов, дополненное годами ежедневного контакта. Они беседовали энергично, страстно. Не болтовня или сплетни, а разговор. Чистосердечный и открытый разговор. Это был обмен идеями и чувствами, которыми Боллинджер ни с кем никогда не делился. Не было ничего запретного. Политика. Религия. Поэзия. Секс. Самооценка. Они нашли множество позиций, по которым у них сложились одинаковые неординарные мнения. После девяти часов они знали друг друга лучше, чем каждый из них когда-либо знал другого человека.

В следующий вечер они встретились в баре, поговорили, выпили, сняли смазливую проститутку и привели ее на квартиру к Билли. Все вместе втроем они пошли в постель. Правильнее было бы сказать, что они оба отправились в постель с ней, потому что они проделывали иногда отдельно, а иногда и одновременно широкий спектр половых актов с ней, при этом Билли не трогал Боллинджера, а Боллинджер не трогал Билли.

Той ночью секс был более динамичным, бодрящим, бурным, бешеным и, наконец, более изнурительным, чем Боллинджер когда-либо мог себе представить. Билли совсем не был похож на жеребца. Но в постели он оказался именно таким: ненасытным и жадным. Ему доставляло удовольствие часами сдерживать свой оргазм, ведь он знал, что чем дольше он отказывал себе в этом, тем более впечатляющим был кульминационный момент, когда он, наконец, наступал. Сластолюбец, он предпочитал отказывать себе в немедленном удовольствии ради более глубоких, сильных ощущений позднее. Боллинджер понял, что с момента, как он попал в постель, его проверяли, оценивали. Билли наблюдал за ним. Он почувствовал, как тяжело состязаться в темпе, взятом более опытным мужчиной, но Боллинджер рискнул. Даже девушка взмолилась и стала жаловаться, что ее выжали, изнурили.

Боллинджер живо припомнил позу, в которой находился, когда достиг сладострастного момента. Потом он подозревал, что Билли подстроил это специально. Девушка находилась

посередине кровати, опираясь на колени и на руки. Билли расположился на коленях перед ней. Боллинджер на коленях сзади, обхватив ее руками. Он смотрел на Билли поверх ее спины; позже он узнал, что Билли хотелось закончить, находясь лицом к нему.

Он видел себядвигающимся над женщиной, затем, приподняв голову, он заметил пристально смотрящего на него Билли. Он смотрел напряженно. Глаза были широко открыты. Глаза ненормального. Испугавшись этого, Боллинджер, однако, не отвел глаза — и словно погружался в галлюцинацию. Ему представилось, что он отделился от своего тела и поплыл навстречу Билли. И пока он плыл, он так уменьшался, что мог утонуть в этих глазах. Зная, что это была всего лишь иллюзия, далекая от реальности, он мог поклясться, что действительно погружался в глаза Билли, погружался все глубже и глубже...

Его кульминационный момент показался ему чем-то значительно большим, чем биологическая реакция; он объединял его с женщиной на физическом уровне, но связывал с Билли эмоционально. Вонзившись в ее вагину как можно глубже, Боллинджер заметил, что именно в этот момент Билли начал извергать семя ей в рот. В агонии интенсивного оргазма у Боллинджера возникло странное ощущение, что он и Билли невероятно выросли внутри женщины, увеличивались и удлинялись, пока не соприкоснулись в середине ее. Затем он полностью потерял ощущение присутствия женщины; ему казалось, что они с Билли были единственными людьми в комнате. В своем воображении он видел себя с ним, стоящими так, что головки их членов соединились вместе, одновременно извергая семя. Образ был очень ярким, но совершенно не сексуальным. В этом не было ничего гомосексуального. Он не чувствовал себя извращенцем. Он даже не имел понятия об этом. Воображаемый им акт был похож на ритуал, по которому представители, некоторых племен американских индейцев становились кровными братьями. Правда, индейцы делали надрезы на руках и соединяли надрезы вместе; они верили, что кровь из одного тела текла в другое тело; они чувствовали, что становились навечно частью друг друга. Эксцентричное видение Боллинджера было похоже на церемонию кровного братства у индейцев. Это была клятва, священные узы. И он осознавал, что метаморфоза произошла, и с этого момента они оба стали единым человеком.

Сейчас, ощущая свою неполноценность в отсутствие Билли, он добрался до кабины лифта и включил его.

* * *

Конни взобралась на подоконник на тридцать восьмом этаже.

Грэхем быстро привязал свободный конец тридцатиметрового троса к ее поясу.

— Готово? — спросила она.

— Не совсем.

Его руки окоченели, пальцы онемели, а суставы ломило, как при ревматизме. Он присоединил карабины к обеим концам отрезанной им полутораметровой веревки и прицепил оба карабина к металлическому кольцу у нее на поясе. Веревка между ними спускалась петлей до ее колен.

Он повесил молоток на ремешок у нее на поясе.

— Для чего все это? — спросила она.

— Следующий выступ пятью этажами ниже. Он, кажется, наполовину уже этого. Я спущу тебя таким же образом, как опустил сюда. Я буду прикреплен к стойке окна. — Он показал на свою полутораметровую привязь. — Но у нас нет времени, чтобы подготовить двадцатиметровый страховочный трос для тебя. Тебе придется спускаться только по одной веревке.

Она облизнула нижнюю губу, кивнув головой.

— Как только ты доберешься до того выступа, — пояснил Грэхем, — поищи узкую горизонтальную трещину в кладке между блоками гранита. Чем уже найдешь, тем лучше. Но не трать слишком много времени, сравнивая швы. Забей молотком костыль.

— Эта короткая веревка, которую ты только что нацепил на меня, будет моей

страховкой, когда я туда доберусь?

— Да. Отцеди один конец от пояса и прикрепи карабин к костылю. Убедись, чтобы затвор был закреплен.

— Затвор?

Он показал ей, что имел в виду:

— Как только тыкрепишь затвор, отвяжись от основного троса, чтобы я мог его поднять и использовать.

Она подала ему перчатки.

Он надел их:

— Еще одно. Я буду опускать веревку быстрее, чем в первый раз. Не паникуй. Только держись крепче и следи за выступом под тобой.

— Хорошо.

— Вопросы есть?

— Нет.

Она села на край выступа, свесила ноги вниз. Он взял веревку, сжал несколько раз свои окоченевшие руки, чтобы удостовериться, что у него был прочный захват. Тонкая струйка тепла заструилась по его пальцам. Он расставил ноги, сделал глубокий вдох и сказал:

— Давай!

Она соскользнула с выступа в пустое пространство.

Боль запульсировала по его плечам и рукам, как только ее полный вес навалился на него. Стиснув зубы, он передвигал веревку так быстро, как мог.

* * *

В коридоре тридцать восьмого этажа Фрэнк Боллинджер несколько замешкался, чтобы определить сразу, какие апартаменты находились прямо под офисом Харриса. Наконец он остановился на двух возможных: патентное бюро Босвелла и почтовые заказы Дентонвика.

Обе двери были закрыты.

Он потратил три патрона на замок в офис Дентонвика. Толкнув дверь, дважды выстрелил в темноту. Шагнул внутрь, притаился, нащупал выключатель на стене, включил освещение.

Первая из трех комнат была пуста. Он отправился обследовать две другие комнаты.

* * *

Натяжение веревки ослабло.

Конни достигла выступа, который находился пятью этажами ниже. Несмотря на это, он продолжал держать веревку и был готов завести ее снова, если вдруг она поскользнется или упадет, прежде чем закрепит свою страховочную привязь.

Он услышал два приглушенных выстрела.

Сам факт, что он мог слышать их, несмотря на оглушающие порывы ветра, показывал, что они были сделаны совсем близко.

Но куда стрелял Боллинджер?

Офис позади Грэхема оставался темным; но неожиданно зажегся свет в окнах соседнего офиса.

Боллинджер был невероятно близко.

«Неужели это случится здесь? — подумал он. — Неужели здесь я получу пулю в спину?»

Сигнал пришел раньше, чем он ожидал: два резких толчка.

Он втянул веревку, рассчитывая, что у него осталось около минуты, прежде чем Боллинджер найдет правильный офис, разбитое окно... и его.

Если он собирается добраться до того выступа, что пятью этажами ниже, прежде чем у

Боллинджера появится шанс убить его, ему следует спускаться гораздо быстрее, чем в первый раз.

Еще одно: веревка будет проходить около окон здания. Он должен быть осторожен, чтобы не попасть ногой в одно из них. Ему придется делать большие шаги и спускаться быстрее на каждой дуге, поэтому у него останется меньше времени, чтобы рассчитывать свое движение, избежать столкновения со стеклом будет гораздо труднее, чем при спуске с сорокового на тридцать восьмой этаж.

Его расчеты снова возбудили в нем страх. Возможно, для него было еще лучше, что он вынужден был торопиться. Если бы у него было больше времени для спуска, страх мог разрастись так, что снова парализовал бы его.

* * *

Харриса и женщины не было в офисе почтовых заказов Дентонвика.

Боллинджер вернулся в коридор. Он дважды выстрелил в дверь патентного бюро Босвелла.

36

Патентное бюро Босвелла занимало три маленькие комнаты. Все они были убого обставлены — и все пусты.

Боллинджер выглянул из разбитого окна, посмотрел по обеим сторонам вдоль чистого от снега двухметрового выступа. Там их тоже не было.

С неохотой он откинул осколки стекла со своего пути и медленно вылез через окно.

Ураганный ветер ударил в него, взъерошил волосы, залепил снежинками лицо, насыпал снег под рубашку, за воротник, где таял на спине. Задрожав от холода, он пожалел, что снял пальто.

Он поискал, за что можно ухватиться, лежа на животе. Камень был такой холодный, что ему показалось, будто он лежал голый на льду.

Он заглянул через край. Грэхем Харрис находился в трех метрах ниже. Он отталкивался от стены, скользил вниз по веревке, когда раскачивался по дуге. Затем возвращался к стене: он спускался.

Перегнувшись вниз, Боллинджер потрогал костыль. Тот был такой холодный, что его пальцы едва не примерзли к нему. Он попробовал расшатать костыль, но тот держался крепко.

Даже в бледном, почти несуществующем свете он смог разглядеть запор на защелкивающем устройстве, которое было прикреплено к костылю. Он потрогал его, попытался открыть, но не мог сообразить, как оно действует.

Хотя Боллинджер находился прямо над Харрисом, он знал, что не сможет произвести точный выстрел. Холод и ветер застилали слезами глаза, затуманивали видимость. Свет был скудным. И человек к тому же двигался слишком быстро, чтобы быть хорошей мишенью.

Поэтому он отложил свой «вальтер», перевернулся на бок и быстро достал нож из кармана брюк. Он открыл его. Это был тот самый нож, острый, как бритва, которым он умертвил так много женщин. И сейчас ему надо было перерезать веревку, прежде чем Харрис доберется до выступа. Дотянувшись до костыля, он начал пилить петлю узла, которая выходила из раскачивающегося карабина.

Ветер ударял в стену дома, скользил вдоль камня, бил ему в лицо.

Он дышал ртом. Воздух был такой холодный, что у него заболело горло.

Совершенно не подозревая о присутствии Боллинджера, Харрис опять оттолкнулся от стены. Качнулся в сторону, вернулся назад, спустившись в итоге на два с половиной метра. Снова оттолкнулся.

Карабин двигался на костыле, что затрудняло Боллинджеру возможность перерезать

веревку в одном, определенном месте.

Харрис спускался быстро, приближаясь к выступу, где его ожидала Конни. Через несколько секунд он будет в безопасности, независим от веревки.

Наконец, после того как Харрису удалось сделать еще несколько шагов вдоль стены небоскреба, нож Боллинджера перерезал нейлоновый трос, и веревка оторвалась от карабина.

* * *

Когда Грэхем устремился к зданию, вытянув ноги вперед и намереваясь укрепиться на узком оконном выступе, он вдруг почувствовал, что натяжение веревки ослабло.

Он сразу понял, что произошло.

Его мысли замелькали с бешеной скоростью. Задолго до того, как веревка упала ему на плечи и как был исчерпан импульс его движения вперед, а ноги коснулись камня, он проанализировал всю ситуацию и выработал план действия.

Выступ был шириной около пяти сантиметров. На нем могли поместиться только носки ботинок. Он был слишком узким, чтобы долго удерживаться на нем.

Используя инерцию движения вперед, он устремился к окну, повернув носки ботинок так, чтобы они оказались на подоконнике в тот момент, когда его тело соприкоснется с окном. Его плечо ударилось о высокое оконное стекло. Стекло разбилось.

Он надеялся просунуть руку через стекло и схватиться за центральную стойку. Если бы ему это удалось, он смог бы удержаться в таком положении достаточно долго для того, чтобы открыть окно и забраться внутрь.

Однако несмотря на то, что окно разбилось, он потерял опору на обледеневшем пятисантиметровом подоконнике. Его ботинки соскользнули вниз, погружаясь в пустое пространство. Он скользил вниз, по каменной стене, и отчаянно хватался за окно.

Его колени ударились о подоконник. Гранит разорвал брюки, поранив кожу. Колени соскользнули с невероятно мелкого углубления, так же как и его ступни.

Он уцепился за подоконник обеими руками и держался пальцами изо всех сил. Он висел над улицей, шарил ногами по стене, пытаясь найти хоть щелочку, которой там не было. Он тяжело дышал.

Выступ, на котором его ждала Конни, находился метрах в четырех от подоконника, на котором он висел, всего в двух — двух с половиной метрах от его ног. Два с половиной метра. Для него они казались целой милей.

Когда он увидел, как далеко до Лексингтон-авеню, он обратился к Богу, чтобы его видение — пули в спину — оказалось реальным.

Перчатки были слишком толстыми, чтобы помочь ему в этой чрезвычайной ситуации. Его хватка на обледеневшем камне постепенно ослабевала. Он упал на метровый выступ, приземлившись на ноги и закричав от боли, пошатнулся и едва не опрокинулся назад. Конни вскрикнула.

Одной ногой он оказался над пропастью. Почувствовав рядом с собой смерть, он закричал, отчаянно замахал руками.

Конни была привязана к стене и собиралась проверить костыль, который она забила между двумя гранитными блоками. Она прыгнула к Грэхему, схватила его за отвороты куртки, дернула на себя, пытаясь откачнуться с ним в безопасное место.

Все длилось какие-то одну-две секунды, но миг показался вечностью, пока они балансировали на краю пропасти.

Ветер толкал их к краю, на улицу. Наконец ей удалось собраться с силой и остановить его падение назад. Он занес свою ногу обратно. Они остановились на последних сантиметрах от края выступа. Затем он обхватил ее руками, и они двинулись назад к стене дома, в безопасное место, подальше от бетонного обрыва.

— Он перерезал веревку, — сказала Конни. — Но сейчас его нет наверху.

— Он спускается за нами.

— Тогда он снова перережет веревку.

— Да. Поэтому мы должны действовать намного быстрее его.

Грэхем растянулся на метровом выступе вдоль стены дома. Его больную ногу пронзала постоянная, почти невыносимая боль от пятки до бедра. Мысленно пробегая весь путь, который ему придется проделать, прежде чем он доберется до улицы, он предполагал, что его больная нога может подвести в самый ответственный момент, когда его жизнь будет зависеть от устойчивости ног.

Он достал костыль из кармашка на поясе. Протянул руку к Конни:

— Молоток.

Она подала ему инструмент.

Он немного осмотрелся вокруг, лежа под углом к зданию, его голова и руки были на краю выступа.

Далеко внизу машина «скорой помощи» медленно двигалась по Лексингтон-авеню, ее огни сверкали в ночи. Даже с тридцать третьего этажа улицу было плохо видно. Он едва мог различить очертания «скорой помощи» в отблеске ее собственных сигнальных огней. Она проехала рядом с «Бовертон билдинг», затем исчезла в снежной ночи.

Он нащупал известковый шов, даже не снимая своих толстых перчаток, и начал вбивать костыль.

Неожиданно в стороне, двумя этажами ниже, он уловил краешком глаза какое-то движение. Окно открылось внутрь. Одна из двух высоких половин. Никто не появился в окне. Однако он успел заметить мелькнувшего мужчину в темной глубине офиса.

Холодок пробежал у него по спине, но не от мороза и не от ветра.

Притворившись, что ничего не заметил, он закончил вколачивать костыль, затем отодвинулся от края и встал.

— Мы не можем спускаться здесь, — сказал он Конни.

— Почему? — Она с недоумением посмотрела на него.

— Боллинджер под нами.

— Что?

— В окне. Он ждет, чтобы застрелить нас — или, по крайней мере, тебя, — когда мы будем спускаться мимо него.

Ее серые глаза расширились от удивления:

— Но почему он не поднялся сюда, чтобы схватить нас?

— Может быть, он подумал, что мы уже начали спускаться. Или решил, что мы скроемся от него по выступу в тот момент, когда он проникнет в офис на этом этаже.

— И что теперь?

— Я думаю.

— Я боюсь.

— Не стоит раньше времени.

— Я ничего не могу поделать с собой.

Ее брови были запорошены снегом и стали похожи на меховую опушку у нее на капюшоне. Он обнял ее. Ветер стонал не переставая.

Он произнес:

— Это угловое здание.

— Разве это имеет значение?

— Оно выходит на соседнюю улицу.

— Ну и что?

— А то, что мы можем пройти по выступу, — с волнением проговорил он. — И повернем за угол на выступе.

— И спустимся вниз по другой стене, которая выходит на боковую улицу?

— Ты верно уловила мысль. Там спуститься внутрь не труднее, чем по этой стене.
— А Боллинджер из своего окна может видеть только Лексингтон-авеню, — добавила она.
— Верно.
— Здорово придумано.
— Давай за дело.
— Рано или поздно он поймет, что мы сделали.
— Поздно поймет.
— Хорошо бы.
— Я уверен, он будет ждать нас на своем месте некоторое время, надеясь подстрелить там. Затем ему понадобится время, чтобы обследовать весь этот этаж.
— И лифтовую шахту. Ведь мы можем воспользоваться любыми путями, чтобы добраться вниз, прежде чем он найдет нас.
— О'кей, — сказала она, отстегнув свою страховочную привязь от стойки окна.

38

Фрэнк Боллинджер ждал у открытого окна на тридцать первом этаже. Очевидно, они занимались подготовкой веревки, которую привяжут к костылю, только что вбитому Харрисом.

Он представлял, как застрелит женщину, когда она будет висеть на веревке около него. Эта картина взволновала его. Он с наслаждением отправит ее в ночной полет.

Когда это произойдет, Харрис будет ошеломлен, эмоционально подавлен, он окажется неспособным быстро принимать решения и защитить себя. Тогда Боллинджер сможет взять его голыми руками. Если он убьет Харриса в том месте, которое он выбрал заранее, убьет его аккуратно, он может спасти план, разработанный с Билли днем.

В ожидании своей жертвы он снова подумал о второй ночи их знакомства с Билли...

После того как женщина покинула квартиру Билли, они обедали на кухне. Они съели вдвоем два салата, четыре бифштекса, четыре ломтика бекона, шесть яиц, восемь кусков хлеба и выпили изрядное количество виски. Они относились к еде так же, как и к женщине: энергично, целеустремленно, с аппетитом, что было присуще не просто людям, а сверхчеловекам.

Уже за полночь, за стаканом бренди Боллинджер рассказал о годах, проведенных вместе со своей бабушкой.

Даже сейчас он мог подробно вспомнить любую часть того разговора. Он славился поистине феноменальной памятью, талантом, выработанным годами запоминания сложной поэзии.

— Так она называла тебя Дуайт. Мне нравится это имя.
— Почему ты так говоришь?
— С южным акцентом? Я родился на Юге. Я говорил с акцентом до двадцати лет. Мне стоило больших усилий избавиться от него. Брал уроки произношения. Но я могу говорить с акцентом, когда захочу. Иногда протяжное произношение умиляет меня.
— Зачем ты брал уроки произношения? Акцент приятный.
— Никто на севере не воспринимает тебя серьезно, если у тебя сильно растянутое произношение. Они считают тебя неотесанной деревенщиной. Послушай, а что, если я буду звать тебя Дуайт?
— Если тебе так хочется.
— Я тебе ближе, чем кто-либо еще после твоей бабушки. Не правда ли?
— Да.
— Я должен называть тебя Дуайтом. Я даже ближе тебе, чем была твоя бабушка.
— Я тоже так считаю.
— И ты знаешь меня лучше, чем кто-нибудь еще.

- Я? Полагаю, это так.
- Поэтому нам нужны особые имена друг для друга.
- Тогда зови меня Дуайт. Мне нравится это имя.
- А ты называй меня Билли.
- Билли?
- Билли Джеймс Пlover.
- Откуда ты взял его?
- Я с ним родился.
- Ты изменил свое имя?
- Так же как и акцент.
- Когда?
- Уже давно.
- Почему?

— Я поступил в колледж на севере. Но все получалось не так, как я хотел. Я не получал оценок, которые заслуживал. Наконец, я был исключен. Но к тому моменту я знал, почему я не мог окончить колледж. В те дни профессора Лиги Плюща¹ не оставляли тебе ни одного шанса, если ты говорил с протяжным акцентом и у тебя было такое деревенское имя, как Билли Джеймс Пlover.

- Ты преувеличиваешь.
- Откуда ты знаешь? Откуда ты, черт возьми, знаешь? У тебя всегда было прекрасное имя. Франклин Дуайт Боллинджер. Что ты можешь знать об этом?

— Полагаю, что ты прав.

— В то время все интеллектуалы Лиги Плюща были вовлечены в своего рода заговор против Юга, против южан. Этот заговор все еще существует, но он не такой широкий и злобный, как в то время. Тогда единственным способом добиться успеха в университете или в обществе на севере было англосаксонское имя, как твое, — или на худой конец еврейское. Фрэнк Боллинджер или Сол Коэн. И ты будешь принят с такими именами везде. Но не с такими, как Билли Джеймс Пlover.

- Поэтому ты перестал быть Билли.
- Как только я смог.
- И удача повернулась к тебе лицом?
- С того самого дня, как я поменял имя.
- И ты хочешь, чтобы я называл тебя Билли?
- Но ведь не имя было порочным, а люди, которые негативно реагировали на него.
- Билли...
- Не следует ли нам иметь особые имена друг для друга?
- Это не имеет значения. Но если ты хочешь...
- Разве мы сами не особенные, Фрэнк?
- Думаю, да.
- Разве мы не отличаемся от других людей?
- Сильно отличаемся.
- Поэтому мы не должны пользоваться в общении между собой теми именами, какими они нас называют.
- Если ты так считаешь.
- Мы сверхчеловеки, Фрэнк.
- Что?
- Не такие, как Кларк Кент.
- Я думаю, я ведь не могу видеть рентгеновские лучи.
- Сверхчеловеки, как понимал Ницше.
- Ницше?
- Ты не знаком с его работами?

¹ Старейшие университеты Новой Англии; интеллектуальная элита.

- Не очень подробно.
- Я пришлю тебе его книгу.
- О'кей.
- Действительно, Ницше следует перечитывать снова и снова, я дам тебе его книгу.
- Спасибо... Билли.
- Всегда рад помочь, Дуайт.

У полуоткрытого окна Боллинджер взглянул на часы. Было 00.30.

Ни Харрис, ни женщина не начали спускаться с выступа на тридцать третьем этаже.

Он не мог больше ждать. Он и так потерял слишком много времени. Ему нужно отправляться на их поиски.

39

Конни вбила костыль в горизонтальный известковый шов. Она прикрепила страховочную привязь к костылю при помощи карабина, затем отвязалась от основного троса.

В тот момент, когда веревка освободилась, Грэхем втянул ее наверх.

Спускаться по этой стене здания было намного легче, чем по той, что выходила на Лексингтон-авеню. Дело не в том, что здесь находилось больше карнизов, выступов или точек опоры, чем там; они распределялись одинаково. Просто на этой стороне улицы порывы ветра были не такими сильными. Здесь снежинки, попадавшие на лицо Конни, были действительно похожими на снежинки, а не на острые осколки. Холодный воздух охватывал ее ноги, но он не проникал через джинсы; он не выстуживал ее бедра; не замораживал до боли икры.

Она спустилась на десять этажей, а Грэхем на пять, с тех пор как они увидели Боллинджера, поджидавшего их у окна. Грэхем опустил ее на метровый выступ на уровне двадцать восьмого этажа и стал выполнять скоростной спуск вслед за ней. Под этой точкой опоры находился еще один выступ, на шестом этаже, в девяноста метрах от них. На двадцать третьем этаже был декоративный полуметровый карниз, архитектурная отделка — здание окружал вырезанный из камня пояс в виде соединенных абстрактных гроздьев винограда, — и это была их следующая цель. Грэхем опустил ее, и она обнаружила, что резной карниз был широким и достаточно прочным, чтобы выдержать ее. Меньше чем через минуту, вдохновленный своей вновь обретенной уверенностью, он будет возле нее.

Она не представляла, как они будут спускаться дальше. До выступа на шестом этаже было еще очень далеко; если на каждый этаж отводить по четыре с половиной метра, то до него оставалось около восьмидесяти метров. Их веревки были всего по тридцать метров. Между карнизом из каменных гроздьев винограда и шестым этажом не было ничего, кроме отвесной стены и невероятно узких оконных выступов.

Грэхем заверил ее, что это не безвыходная ситуация. Несмотря на это, она беспокоилась.

Он начал спускаться сверху вниз сквозь падающий снег. Ее завораживало это зрелище. Казалось, что он создавал трос по мере того, как спускался, вытягивая его из самого себя; он напоминал паука, который грациозно раскачивался на своих нитях, перемещаясь из одного конца в другой по сплетенной им паутине.

Через несколько секунд он уже стоял рядом с ней.

Она подала ему молоток.

Вбив два костыля в стену между окнами в разные горизонтальные известковые швы, он тяжело дышал широко открытым ртом.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Более или менее.

Без страховочного крепления он стал осторожно пробираться по выступу, спиной к улице, прижимаясь руками к стене. С этой стороны здания ветер намет небольшие сугробы

на выступах и на подоконниках. Его ноги погружались на несколько сантиметров в снег, ломали хрупкий лед.

Конни не терпелось спросить его, куда он направлялся, что собирался делать, но она боялась, что своими расспросами отвлечет его и он может сорваться.

Пройдя мимо окна, он остановился и вбил еще один костыль, затем прикрепил молоток к ремешку на поясе.

Передвигаясь сантиметр за сантиметром, он вернулся к тому месту, где вбил два первых костыля и пристегнул страховочную привязь к одному из них.

— Для чего все это? — поинтересовалась Конни.

— Мы спустимся вниз на несколько этажей, — ответил он. — Оба одновременно, по двум отдельным тросам.

С трудом сглотнув, она возразила:

— Только не я.

— Да, ты.

Ее сердце колотилось так сильно, что готово было выскочить из груди.

— Я не смогу сделать это.

— Сможешь. У тебя получится.

Она потрясла головой: нет.

— Ты будешь спускаться не так, как я.

— Для этого нужно иметь опыт, я понимаю.

— Я спускался стоя на ногах. Ты пойдешь вниз в сидячем положении. Это гораздо легче и безопаснее.

Хотя ее сомнения не исчезли, Конни спросила:

— Какая разница между спуском на ногах и спуском сидя?

— Сейчас я покажу тебе.

— Ладно.

Он отвязался от тридцатиметровой веревки, по которой только что спускался с выступа на двадцать восьмом этаже, подергал раза три за нее. Наверху развязался узел, и веревка скользнула вниз. Он сложил ее рядом с собой.

Осмотрев, не истерся ли конец веревки, он остался доволен увиденным. Завязав узел на этом конце, он прикрепил веревку к карабину и пристегнул карабин к свободному костылю, расположенному чуть выше того, к которому была пристегнута его страховка.

— Мы же не сможем спуститься до самой улицы, — заметила Конни.

— Уверен, что сможем.

— Но у нас веревки короткие.

— Ты будешь спускаться только на пять этажей за один раз. Закрепишься на оконном выступе. Затем правой рукой отпустишь трос.

— Как же я закреплюсь на пятисантиметровом выступе?

— Это можно сделать. Но не забывай, что левой рукой ты продолжаешь держаться за трос.

— А что я буду делать правой рукой в это время?

— Разобьешь стекла в окне.

— А потом?

— Первое:крепишь свою страховку к окну. Второе:прицепишь другой карабин к центральной стойке. Как только ты сделаешь это, тебе нужно будет перенести тяжесть с основной веревки и...

— Подергать ее, — подхватила Конни. — Чтобы наверху развязался узел, как ты только что сделал.

— Я покажу тебе, как это сделать.

— Мне надо держать веревку, чтобы она не упала?

— Да.

— И привязать ее к карабину, который будет на центральной стойке?

— Все верно.

Ее ноги окоченели. Она переступила несколько раз на выступе:

— Думаю, затем я должна отвязать страховку и спуститься еще на пять этажей?

— И закрепить на другом окне и снова повторить все по порядку. И так мы будем спускаться до конца по пять этажей за один раз.

— Это кажется легко, когда ты объясняешь.

— У тебя получится лучше, чем ты думаешь. Я покажу тебе, как совершать спуск сидя.

— Но есть и другая проблема.

— Какая?

— Я не знаю, как завязывать один из тех узлов, которые потом можно подергать снизу и развязать.

— Это не сложно. Я покажу тебе.

Он отвязал веревку от карабина перед собой. Она же подвинулась к нему и наклонилась к веревке, которую он держал в руках. Всемирно известное освещение Манхэттена, его миллионы сверкающих огней были поглощены метелью. Внизу покрытая инеем улица отражала свет многих уличных фонарей; но эта иллюминация едва ли могла рассеять фиолетовый мрак на высоте двадцать третьего этажа. Но если приглядеться, то можно было рассмотреть, что делал Грэхем.

За несколько минут она научилась завязывать узел на веревке, чтобы потом ее можно было вернуть снизу. Она несколько раз завязала узел сама, чтобы удостовериться, что она уже не забудет, как это делается.

Затем Грэхем обхватил ремнем ее бедра и пропустил ремень между ног, все три конца соединил еще одним карабином.

— Теперь об этом спуске, — сказала она, держась за веревку для спуска. Она попыталась изобразить улыбку, которую он вряд ли заметил, но она хотела подбодрить себя.

Взяв еще одно защелкивающееся звено из кармана на ее поясе, Грэхем произнес:

— Во-первых, я должен соединить главный трос с ремнем. Затем я покажу тебе, как ты должна стоять, чтобы начать спуск. Я объясняю...

Его прервал приглушенный выстрел: б-у-у-м!

Конни посмотрела вверх.

Боллинджера не было над ними.

Она удивилась, действительно ли она услышала звук выстрела, или это был шум, произведенный ветром.

Затем она снова услышала этот звук: б-у-у-м! Сомнений не было. Это выстрел. Два выстрела. Совсем рядом, внутри здания, где-то на двадцать третьем этаже.

* * *

Фрэнк Боллинджер толкнул разбитую дверь, вошел в офис и зажег свет. Он обошел вокруг большого письменного стола, прошел около печатной машинки на столе и около ксерокса. Он спешил к окну, которое выходило на боковую улицу.

* * *

Когда в окнах по обеим сторонам от них зажегся свет, Грэхем отстегнул свою страховку от костыля и сказал, чтобы Конни сделала то же самое.

В окне справа раздался шум, когда Боллинджер попытался открыть заржавевший запор.

— Иди за мной, — сказал Грэхем.

Он снова покрылся испариной. Его лицо было липким от пота. Под капюшоном влажная кожа головы зудела.

Он отвернулся от Конни, от окна, которое уже почти открыл Боллинджер, и повернул налево, к Лексингтон-авеню. Без страховки он шагнул по узкому выступу, вместо того чтобы

боком пробираться по нему. Правой рукой он держался за гранитную стену, что давало ему слабое чувство безопасности. Ему приходилось ставить ногу на одной линии с другой ногой, словно он шагал по туго натянутому канату, потому что выступ был недостаточно широк, чтобы идти нормально.

Он находился в пятнадцати метрах от стены небоскреба, которая выходила на Лексингтон-авеню. Когда они с Конни завернут за угол, идя по выступу, то будут вне досягаемости выстрела.

Конечно, Боллинджер найдет офис с окнами на Лексингтон-авеню. Самое большее, что они выиграют, это одну-две минуты. Но именно сейчас любая минута жизни стоила таких усилий.

Ему хотелось оглянуться назад и посмотреть, не было ли каких затруднений у Конни, но он не осмеливался. Он должен был смотреть на выступ и тщательно взвешивать, куда поставить ногу в следующий раз.

Пройдя немногим более десяти шагов, он услышал крики Боллинджера.

Он сгорбил плечи, вспомнив свое видение и ожидая пулю в спину.

И вдруг до него дошло, что его загораживала Конни. Он должен был пропустить ее вперед, встать между ней и пистолетом. Если она остановит пулю, предназначенную ему, незачем будет жить. Однако уже было слишком поздно уступать лидерство. Если они остановятся, то станут еще лучшей мишенью.

Выстрел грохнул в темноте.

Затем другой.

Он зашагал быстрее, чем позволяла осторожность, прекрасно сознавая, что неверный шаг будет стоить ему падения на землю. Его ноги передвигались по занесенному снегом выступу.

До угла оставалось девять метров.

Семь...

Боллинджер снова выстрелил.

Шесть метров.

Он почувствовал четвертый выстрел прежде, чем услышал его. Пуля разорвала левый рукав его куртки, обожгла верхнюю часть руки.

Удар пули заставил его немного оступиться. Он неуклюже сделал несколько быстрых, нерассчитанных шагов. Казалось, что улица бешено завертелась под ним. Правой рукой он беспомощно хватался за стену дома. Он поставил ногу на каменный выступ, его пятка зависла в пустоте. Он услышал свои крики, но совершенно не понимал, о чем он кричал. Его ботинки погружались в снег, скользили на обледеневших участках. Шагов через шесть, снова обретя равновесие, он очень удивился, что не сорвался.

* * *

Сначала боль в руке не ощущалась. Рука ниже плеча онемела; казалось, она была оторвана. В какой-то миг он подумал, что смертельно ранен; но потом пришел к выводу, что прямое попадание имело бы большую силу, сбilo бы его с ног и сбросило с выступа. Через одну-две минуты рана начнет сильно болеть, но она не смертельна.

Четыре метра...

У него кружилась голова.

«Наверное, шок», — подумал он.

Три метра.

Еще один выстрел. Не такой громкий, как те, что были раньше. Не так устрашающе близко, в пятнадцати метрах.

На углу, когда он начал осторожно перебираться на другую сторону здания, выходящую на Лексингтон-авеню, где сильный ветер ударил ему в лицо, он наконец смог оглянуться назад, на пройденный путь. Позади него выступ был пуст.

Конни не было.

40

Конни находилась в четырех или пяти метрах под выступом из каменных гроздьев винограда на двадцать третьем этаже. Слегка раскачиваясь, она висела над землей. Она не осмеливалась смотреть вниз.

Руки находились над головой, обеими руками она крепко держалась за нейлоновый шнур. Пальцы онемели от напряжения, и она была не совсем уверена, сможет ли достаточно крепко держаться за веревку, чтобы не упасть. Минуту назад она ослабила руки, не осознавая, что делает, и в мгновение ока соскользнула вниз по веревке метра на два, словно та была намазана маслом. Ей удалось остановиться не сразу.

Она попыталась ногами найти какую-нибудь опору, но ничего не было.

Конни пристально посмотрела на выступ над головой, ожидая увидеть Боллинджера.

Несколько минут назад, когда он открыл окно справа от нее и высунулся с пистолетом в руке, она сразу поняла, что он слишком близко и вряд ли промахнется в нее. Она не могла последовать за Грэхемом к углу, чтобы повернуть на другую сторону здания. Если она попытается сделать это, то получит пулю в спину. Она ухватила за основную веревку и попыталась опередить выстрел. Если у нее будет лишь малейший шанс — хотя она не уверена в этом, — тогда у нее останется только доля секунды до выстрела. Если она сдвинется до или после того, как он выстрелит, то, вероятно, погибнет. К счастью, ее расчет времени был превосходным; она откинулась назад, в пустоту, как только он выстрелил, поэтому он мог подумать, что попал в нее.

Она молила, чтобы он подумал, будто она погибла. Если у него появятся какие-то сомнения, он может выбраться из окна, выглянуть с карниза, заметить ее и перерезать веревку.

Хотя ее собственное положение было достаточно серьезным и занимало все ее внимание, она беспокоилась о Грэхеме. Она знала, что он не был застрелен на выступе, иначе она увидела бы, как он падал. Он был еще там, но он мог быть тяжело ранен.

Был он ранен или нет, но ее жизнь зависела от того, вернется ли он назад, чтобы найти ее.

Она не была альпинисткой. Она не знала, как спускаться, как закрепить свое положение на веревке. Конни не знала, что еще можно сделать, кроме как висеть так; да и это она не будет в состоянии делать слишком долго.

Она не хотела умирать. Даже если Грэхем уже убит, она отказывалась следовать за ним. Она любила его больше, чем кого-либо раньше. Иногда она даже расстраивалась, потому что не могла найти подходящих слов, чтобы выразить всю глубину своего чувства к нему. Язык любви беден. Она обожала его. Но она любила и жизнь, такой, какой она была. Пробуждение утром и приготовление французских булочек для завтрака, работа в антикварном магазине, чтение интересной книги, просмотр волнующего кинофильма. Так много маленьких удовольствий. Действительно, маленькие радости повседневной жизни становились незначительными в сравнении с впечатляющими наслаждениями любви, но если ей придется отказаться от последнего, она охотно примирится с тем, что останется. Она знала, что такое отношение ни в коей мере не умаляло ее любви к Грэхему или заставляло сомневаться в прочности их связи. Именно ее любовь к жизни притягивала его к ней и делала ее так необходимой для него. Все это было очень серьезно для Конни.

Метрах в четырех наверху кто-то двигался в свете, который шел из распахнутого окна.

Боллинджер?

Господи, только бы не он!

Но прежде чем отчаяние охватило ее, из тени выглянуло лицо Грэхема. Он был ошеломлен, увидев ее. Очевидно, он ожидал, что она лежит разбитой на занесенной снегом улице.

— Помоги мне, — произнесла она.
Улыбаясь, он начал втягивать ее наверх.

* * *

Фрэнк Боллинджер остановился в коридоре на двадцать третьем этаже, чтобы перезарядить свой пистолет. У него оставалось совсем мало патронов.

* * *

— Так ты читал Ницше прошлой ночью? И что ты думаешь?
— Я согласен с ним.
— В чем?
— Во всем.
— А как насчет сверхчеловека?
— Особенно в этом.
— Почему особенно?
— Он действительно прав. Человечество, каким мы его знаем, должно быть промежуточным видом в эволюции. Все указывает на это.
— А разве мы не принадлежим к тем людям, о которых он говорит?
— Совершенно ясно, что мы именно те люди. Но одна вещь беспокоит меня. Я всегда считал себя либералом, особенно в политике.
— Ну и что?
— Как я могу совместить либеральные, левоцентристские взгляды с верой в высшую расу?
— Нет проблем, Дуайт. Настоящие либералы, либералы до мозга костей, верят в высшую расу. Они относят себя к ней. Они считают себя более умными, чем основная масса человечества, более подготовленными, чем остальные мелкие людишки, к управлению их жизнями. Они думают, что только у них есть верное понимание, способность разрешить все моральные проблемы столетия. Они предпочитают сильное правительство, потому что это первый шаг к тоталитаризму, к беспрекословному господству элиты. И естественно, они причисляют себя к элите. Разве взгляды Ницше не совпадают с либеральной политикой? Не трудно примирить его и с крайне правым крылом в философии.

* * *

Боллинджер остановился перед дверью в офис «Онвей электроника», потому что его окна выходили на Лексингтон-авеню. Он выстрелил два раза из своего «вальтера»; замок сломался под ударами пуль.

* * *

Грэхем был поражен ее спасением. Оберегая свою раненую руку, он втащил Конни на выступ.

У него выступили слезы, он схватил ее обеими руками и сжал так крепко, что она могла задохнуться, не будь у них толстых курток. Они замерли на узком выступе и на какой-то момент забыли о глубокой пропасти за спиной, грозящей опасности. Он не хотел отпускать ее. Он чувствовал новый прилив сил, это подняло его дух. Его настроение никак не соответствовало тем обстоятельствам, в которых они оказались. Хотя им предстоял долгий небезопасный спуск, обоим одновременно и на расстоянии, они находились в приподнятом настроении: она была жива.

— Где Боллинджер? — спросила она.

Офис за спиной Грэхема был ярко освещен, окна открыты. Но убийцы не было видно.

— Он, наверное, пошел искать меня на стене, выходящей на Лексингтон-авеню, — ответил Грэхем.

— Тогда он думает, что я убита.

— Несомненно. Даже я подумал так.

— Что случилось с твоей рукой?

— Он попал в меня.

— О нет!

— Рука ранена, она кажется одеревенелой, но это все.

— Ты потерял много крови?

— Немного. Пуля, вероятно, обожгла руку, рана неглубокая. — Он поднял руку, открыл рану и показал ей, что ранен несерьезно.

— Я могу спускаться.

— Тебе не следует.

— Со мной все в порядке. Кроме того, у меня нет выбора.

— Мы можем забраться внутрь и снова воспользоваться лестницей.

— Как только Боллинджер проверит ту сторону и не обнаружит меня, он вернется назад. Если меня здесь не будет, он станет осматривать лестницы. Он найдет нас, если мы попытаемся там спуститься.

— Тогда что?

— То же, что и раньше. Мы пройдем по выступу до угла. К тому времени, когда мы доберемся до другой стены, он будет искать нас на этой стороне здания и, не найдя, уйдет. Тогда мы начнем спуск.

— С такой рукой, как у тебя?

— С такой рукой, как у меня.

— Видение, которое у тебя было: о выстреле в спину...

— Почему ты спрашиваешь о нем?

Она дотронулась до его левой руки:

— Это так было?

— Нет.

* * *

Боллинджер отошел от открытого окна, которое выходило на Лексингтон-авеню. Он поспешил из офиса «Онвей электроника» по коридору в ту комнату, откуда он стрелял в Харриса несколько минут назад.

* * *

— Хаос, Дуайт.

— Хаос?

— Слишком много этих недочеловеков приходится на каждого сверхчеловека, чтобы осуществить контроль над происходящим в обычные времена. Только в разгар великого побоища поднимутся такие люди, как мы.

— Ты имеешь в виду... после ядерной войны?

— Это один из возможных вариантов. Только такие люди, как мы, будут обладать мужеством и воображением, чтобы поднять цивилизацию из руин. Но не глупо ли ждать, пока они разрушат все, что мы должны унаследовать?

— Глупо.

— Поэтому мне пришло в голову, что мы сами можем создать хаос. Он нам нужен, чтобы спровоцировать великое побоище в менее разрушительной форме.

— Как?

— Ну... имя Альберт де Сальво что-нибудь говорит тебе?

— Нет.

— Он был бостонским душителем.

— А, да. Он умертвил много женщин.

— Нам следует изучить этот случай. Конечно, он не один из нас. Он — представитель низшей расы и в придачу еще шизофреник. Но я думаю использовать этот случай как образец. Один, без посторонней помощи, он нагнал столько страха, что поверг Бостон в паническое состояние. Страх будет нашим главным орудием. Страх, переходящий в панику. Горстка охваченных паникой людей может распространить свою истерию на все население города или страны.

— Но де Сальво и близко не подошел к созданию хаоса, который привел бы к гибели общества.

— Потому что это не являлось его целью.

— Даже если бы и было...

— Дуайт, представь, что Альберт де Сальво, нет, лучше Джек-Потрошитель появился в Манхэттене. Вообрази, что он убил не десять женщин и не двадцать, а сотню. Две сотни. В особо жестокой манере. С явными следами сексуальных наклонностей в каждом случае. Так, чтобы не оставалось сомнений: все они погибли от одной руки. И что, если он все это проделает за несколько месяцев?

— Вот это действительно будет страх. Но...

— Это будут самые важные новости в городе; после того как мы убьем первую сотню женщин, мы начнем тратить половину нашего времени на убийство мужчин. Каждый раз мы будем отрезать половые органы у мужчин и оставлять послание, приписывая убийство фиктивной военизированной группе феминисток.

— Что?

— Мы заставим общество думать, что убийство мужчин явилось актом возмездия за смерть сотен женщин.

— Но для женщин нетипично совершение такого рода преступления.

— Не имеет значения. Мы и не пытаемся создавать типичные ситуации.

— Я не уверен, что понимаю, какого рода ситуацию мы хотим создать.

— В нашей стране крайне опасные, напряженные отношения между мужчинами и женщинами. По мере роста женского освободительного движения они стали почти нетерпимыми, но пока глубоко скрыты. Мы заставим их всплыть на поверхность.

— Неплохо. Но ты преувеличиваешь.

— Нет. Поверь мне. Я знаю. Существуют сотни потенциальных убийц-психопатов. Всем им нужно дать направление, маленький толчок. Они будут так много слышать и читать об убийствах, что у них могут появиться собственные идеи. Как только мы зарежем сотню женщин и двадцать, или около того, мужчин, попытаюсь представить себя психопатами, у нас появятся десятки подражателей, делающих за нас нашу работу.

— Может быть.

— Обязательно. Всегда находились подражатели у тех, кто совершал массовые убийства. Но никто из них никогда не совершал преступления, чтобы вдохновить легионы подражателей. А мы сделаем это. И тогда, когда мы создадим образ убийц на сексуальной почве, мы изменим направление нашей собственной деятельности.

— Как?

— Мы будем убивать наобум белых людей и воспользуемся фиктивной революционной группировкой черных, чтобы переложить вину на нее. После десятка убийств такого рода...

— Мы можем уничтожить несколько негров и создать впечатление, что они были убиты в отместку.

— До тебя дошло. Мы раздуем пламя.

— Я начинаю понимать твою идею. В таком огромном городе существует множество группировок. Негры, белые, пуэрториканцы, азиаты, мужчины, женщины, либералы,

консерваторы, радикалы и реакционеры, католики и евреи, богатые и бедные, старые и молодые. Мы натравим их друг на друга. Как только начнутся раздоры и насилие, будь они религиозные, политические или экономические, им не будет конца.

— Верно. Если мы спланируем достаточно точно, то сможем осуществить это. За полгода ты мог бы умертвить, по крайней мере, две тысячи. Может быть, даже в пять раз больше.

— Будет установлено военное положение. Это положит конец убийствам, прежде чем хаос достигнет того масштаба, о котором ты говоришь.

— Пусть будет военное положение. Но мы добьемся хаоса. В Северной Ирландии солдаты годами находятся на улицах, но убийства продолжаются. О, хаос будет, Дуайт. И он распространится на другие города, как...

— Нет. Я не могу представить это.

— По всей стране люди будут читать и слышать о Нью-Йорке. Они...

— Все это не так легко распространить, Билли.

— Ну, хорошо, хорошо. На худой конец хаос будет здесь. Избиратели будут готовы избрать крепкого мэра с новыми идеями.

— Конечно.

— Мы можем предоставить им возможность избрать одного из нас, одного из новой расы. Должность мэра Нью-Йорка является хорошей политической основой для энергичного человека, который хочет добиться поста президента.

— Избиратели могли бы избрать решительного политика. Но не каждый решительный политик согласится стать одним из наших людей.

— Если мы спланировали хаос, то сможем разработать план, как ввести в курс дела одного из наших людей. Он будет знать, что происходит; он будет следовать скрытому курсу.

— Один из наших людей? Черт возьми, да мы не знаем никого, кроме тебя и меня.

— Я мог бы стать великолепным мэром.

— Ты?

— У меня есть хорошая основа для кампании.

— Боже мой, дай подумать об этом; ты можешь...

— Я смогу победить.

— У тебя будет прекрасный шанс в любом случае.

— Это будет шагом вперед в достижении власти для нашей расы.

— Господи, но убийства, что нам предстоит совершить!

— Разве ты никогда не убивал?

— Сводника. Двух торговцев наркотиками, которые попытались выстрелить в меня. Проститутку, о которой никто не знает.

— Убийство смутило тебя?

— Нет. Они были подонки.

— Мы будем убивать подонков. Нашу низшую расу. Животных.

— А мы не попадемся на этом?

— Мы оба знаем полицейских. Кого будут искать полицейские? Известных пациентов с умственными отклонениями. Известных преступников. Известных радикалов. Людей, которые имели бы какие-то мотивы. У нас есть мотив, но им вовек не докопаться до него.

— Если мы разработаем каждую деталь, тщательно спланируем, черт побери, мы могли бы сделать это.

— Ты знаешь, что Леопольд написал Лоебу перед тем, как они убили Бобби Франкса? Сверхчеловек не несет никакой ответственности, что бы он ни сделал, кроме одного преступления, которое он может совершить, — сделать ошибку.

— Если мы сделаем что-то подобное...

— Если?

— Ты берешься за это?

— А ты, Дуайт?

— Мы начнем с женщин?
— Да.
— Будем их убивать?
— Да.
— Билли?..
— Будем их сначала насиловать?
— Ну да.
— Это будет даже весело.

* * *

Боллинджер высунулся из окна, посмотрел по обеим сторонам вдоль выступа. Харриса не было на стене здания, выходявшей на боковую улицу.

— Хотя костыли торчали из камня рядом с окном, как и тогда, когда он стрелял в Харриса, веревка, которая была привязана к одному из них, исчезла.

Боллинджер выполз на подоконник, высунулся из окна насколько мог и заглянул за выступ. Тело женщины должно было лежать внизу, на улице. Но трупа не было. Ничего, кроме мягкого блеска свежего снега.

Проклятье, она не упала! Он не попал в эту суку!

— Почему эти люди никак не умрут?

Разъяренный, он вернулся в комнату, подальше от ветра и снега. Выскочив из офиса, он побежал по коридору к ближайшей пожарной лестнице.

* * *

Конни хотелось спускаться с закрытыми глазами. Балансируя на стене небоскреба на высоте двадцати трех этажей от Лексингтон-авеню без страховочной привязи, она лишилась присутствия духа от всего происходящего.

Правая рука сзади.

Левая рука впереди.

Правая рука тормозящая.

Левая рука направляющая.

Ноги прямые и прочно стоят на стене.

Повторяя про себя все, чему Грэхем учил ее, она оттолкнулась от здания. И задохнулась. Ей показалось, что она совершила убийственный прыжок.

Когда она отлетела, то обнаружила, что держалась за веревку левой рукой слишком крепко. Левая направляющая. Правая тормозящая. Она ослабила хватку на веревке перед собой и соскользнула вниз на некоторое расстояние, прежде чем затормозила.

Она неправильно приближалась к стене. Ее ноги не были прямо перед ней, и они не были согнуты. Не контролируя себя, она повернулась направо и ударилась плечом о гранит. Столкновение было не слишком сильным, чтобы сломать кость, но удар все-таки был довольно ощутим.

Это ошеломило ее, но она не выпустила веревки. Она снова поставила ноги на стену. Заняла правильную позицию, потрясла головой, чтобы все прояснилось. Посмотрев налево, увидела Грэхема в трех метрах и кивнула, чтобы он знал: она в порядке. Затем оттолкнулась с силой, скользнула вниз, вернулась назад к стене. В этот раз она не сделала ни одной ошибки.

Улыбаясь, Грэхем смотрел, как Конни сделала еще несколько шагов вдоль стены. Его восхищали ее стойкость и решимость. В ней действительно было что-то от Норы Чарлз, да и чертовски много от Ника тоже.

Когда он увидел, что она приобрела сноровку в спуске — ее стиль был грубым, но сносным, — он оттолкнулся от стены. Он спускался на большее расстояние, чем она на каждой дуге, и достиг восемнадцатого этажа раньше ее.

Закрепившись на почти несуществующем оконном выступе, он разбил оба оконных стекла и присоединил карабин к центральной металлической стойке. Когда он пристегнул страховочный трос к карабину, он освободил от тяжести основной трос и выдернул его из верхнего крепления. Поймав веревку, прикрепил ее к карабину перед собой и занял позицию для спуска.

Рядом с ним, метрах в трех, Конни тоже приготовилась к спуску.

Он оттолкнулся в пространство.

Его удивляло не только то, как хорошо он помнил всю технику и навыки подъема, но и как быстро исчезли остатки его страхов. Он все еще боялся, но не так противоестественно, как раньше. Необходимость и любовь Конни совершили чудо, которое не удалось ни одному психиатру.

Он уже начал подумывать о том, что они смогут спастись. Его левая рука ныла в том месте, где ее задела пуля, и пальцы на этой руке задеревенели. Боль в его покалеченной ноге стала постоянной и все усиливалась, что заставляло его крепче стискивать зубы, но это не слишком влияло на его спуск.

За пару шагов он достиг семнадцатого этажа. В два с небольшим прыжка он добрался до выступа окна на шестнадцатом этаже, где Фрэнк Боллинджер решил устроить засаду.

Окно было закрыто, однако шторы отодвинуты. В офисе тускло светила настольная лампа.

Боллинджер находился по другую сторону стекла. Он пытался поднять задвижку.

«Нет!» — подумал Грэхем.

И в тот самый момент, когда его ботинки коснулись оконного выступа, он оттолкнулся от него прочь.

Боллинджер увидел его и выстрелил, даже не пытаясь открыть раму окна. Стекло посыпалось в ночь.

Хотя Боллинджер среагировал быстро, Грэхем уже был недосыгаем для него. Он прильнул к стене в двух — двух с половиной метрах ниже Боллинджера, оттолкнулся снова, задержался на выступе окна на пятнадцатом этаже.

Грэхем посмотрел вверх и увидел пламя, коротко вспыхнувшее в дуле пистолета, когда Боллинджер стрелял в Конни.

Выстрел сбил ее с ритма. Она снова ударилась плечом о стену. Но потом быстро поставила ноги на стену перед собой и оттолкнулась.

Боллинджер снова выстрелил.

41

Боллинджер понял, что не задел ни одного из них.

Он выскочил из офиса и побежал к лифту; включив контрольную панель, нажал на кнопку десятого этажа.

Как только лифт начал спускаться, он подумал о плане, который они с Билли разработали вчера.

* * *

— Ты должен убить Харриса первым. Делай что хочешь с женщиной, но обязательно нарежь ее.

— Я всегда убиваю их так. Эта мысль у меня на первом плане.

— Тебе следует убить Харриса там, где это произведет меньше всего беспорядка, где ты потом все можешь убрать.

— Убрать?

— Когда ты разделаешься с женщиной, ты вернешься назад к Харрису, вытрешь все капли крови вокруг него и завернешь его тело в пластиковый мешок. Поэтому не убивай его

на ковре, где могут остаться пятна. Завлеки его в комнату с кафельными полами, может быть, в ванную.

— Завернуть его в мешок?

— Я буду ждать тебя позади «Бовертон-билдинг» в десять часов. Ты вынесешь тело ко мне, и мы засунем его в автомобиль. Позднее мы вывезем его из города и сожжем в подходящем месте.

— Сожжем его? Зачем?

— Мы постараемся заставить полицию думать, что Харрис убил свою любовницу, что он — Мясник. Для этого я позвоню в отдел по расследованию убийств и изменю свой голос. Я скопирую Харриса и скажу им, что я — Мясник.

— Чтобы сбить их с толку?

— Ты уловил.

— Рано или поздно они обнаружат обман.

— Да, очевидно. Но несколько недель, может быть, даже несколько месяцев они будут искать Харриса. У них не будет ни одного шанса найти путь, который приведет их к нам.

— То есть классически подложить свинью.

— Точно.

— Это даст нам время?

— Да.

— Сделать все, что мы хотим.

— Почти все.

* * *

План рухнул.

Было чертовски трудно убить этого ясновидящего.

Двери лифта открылись.

Боллинджер споткнулся при выходе из лифта и упал. Пистолет выскочил из его руки и отлетел к стенке.

Он поднялся на колени и вытер пот, застилавший ему глаза.

Он позвал:

— Билли? — но по-прежнему оставался один.

Кашляя, шмыгая носом, он медленно подполз к пистолету, зажал его в правой руке и поднялся.

Он прошел через темный коридор к дверям офиса, окна которого выходили на Лексингтон-авеню.

Беспокоясь о том, что у него осталось мало патронов, он выстрелил в дверь только один раз после того, как тщательно прицелился. Б-у-у-м! Выстрел отозвался эхом в коридоре. Замок был поврежден, но продолжал удерживать дверь. Дверь шаталась. Вместо того чтобы использовать еще один патрон, он навалился на дверь плечом, пока она не открылась.

К тому времени, когда он добрался до окон, выходивших на Лексингтон-авеню, Харрис и женщина уже опередили его. Они были двумя этажами ниже.

Он вернулся к лифту. Боллинджер собирался выйти наружу и встретить их, когда они доберутся до земли. Он нажал кнопку первого этажа.

42

Закрепившись за стойку окна на восьмом этаже, они решили преодолеть оставшиеся тридцать шесть метров в два приема, используя стойки окон четвертого этажа.

На четвертом этаже Грэхем разбил стекла в обеих рамах. Он прикрепил карабин к стойке, прицепил страховку к карабину и невольно отшатнулся, когда пуля ударилась в стену сантиметрах в тридцати справа от его головы.

Он сразу понял, что произошло. Он быстро повернулся и посмотрел вниз.

Боллинджер, весь запыхавшийся, в одной рубашке, стоял на заснеженном тротуаре в восемнадцати метрах внизу.

Показав Конни жестом на опасность, Грэхем закричал:

— Давай сюда! Забирайся внутрь! Через окно!

Боллинджер снова выстрелил.

Вспышка света, боль, кровь: пуля в спину... «Неужели это случится здесь?» — подумал он.

Грэхем отчаянно разбивал руками в перчатках осколки стекла, торчавшие в оконной раме. Он ухватился за центральную стойку и уже почти забрался в окно, когда улица позади него неожиданно наполнилась странным громоханием.

Большой желтый дорожный грейдер поворачивал на Лексингтон-авеню. Его огромные черные шины месили мокрый снег и оставляли позади наполненные водой следы. Щит снегоочистителя перед машиной достигал почти двух метров в высоту и трех в ширину. Проблесковые маяки горели на крыше кабины водителя. Два фонаря размером с обеденные тарелки были выпуклые, как глаза у лягушки, и ослепительно сверкали сквозь падающий снег.

Это было единственное транспортное средство, появившееся на занесенной снегом улице.

Грэхем посмотрел на Конни. Казалось, что она не могла освободиться от веревок и забраться в окно. Он отвернулся от нее и нетерпеливо замахал рукой водителю грейдера. Вряд ли водитель мог заметить его из-за залепленного снегом стекла.

— Помогите! — закричал Харрис. Он не думал, что человек может услышать его из-за грохота двигателя. Несмотря на это, он продолжал звать на помощь: — Помогите! Мы наверху! Помогите нам!

Конни тоже начала кричать.

Удивленный Боллинджер сделал именно то, что ему как раз не следовало делать. Он резко повернулся и выстрелил в грейдер.

Водитель резко затормозил, почти полностью остановил машину.

— На помощь! — закричал Харрис.

Боллинджер снова выстрелил в машину.

Пуля отскочила от стальной рамы, которая обрамляла стекло кабины.

Водитель переключил скорость, и мотор заработал громче.

Боллинджер побежал.

Под действием гидравлической системы отвал снегоочистителя поднялся сантиметров на тридцать над проспектом. Повернув колеса, машина с грохотом приближалась к тротуару, край щита заскрежетал по бордюру.

Преследуемый грейдером, Боллинджер пробежал десять-двенадцать метров по тротуару, прежде чем выскочить на дорогу. Затем, с каждым шагом поднимая небольшие облачка снега, он пересек улицу перед грохочущим снегоочистителем. Когда всего два метра отделяло его от сверкающего стального щита, он ринулся в сторону, обежал вокруг машины и устремился к «Бовертон билдинг».

Грейдер не мог развернуться с легкостью спортивного автомобиля. К тому времени, когда водитель развернулся и направился назад, Боллинджер уже снова стоял под Грэхемом.

Грэхем увидел направленный на него пистолет, мерцавший в свете уличного фонаря.

Внизу, где ветер дул не так сильно, выстрел показался очень громким. Пуля ударилась в гранит рядом с правой ногой Грэхема.

Грейдер с грохотом двигался на Боллинджера.

Тот прижался спиной к зданию и смотрел на механическое чудовище.

Предчувствуя, что собирается предпринять этот сумасшедший, Грэхем нащупал компактную дрель, которая была прикреплена к его поясу, и отстегнул ее от ремня.

Грейдер уже был в четырех-шести метрах от Боллинджера, который целился

пистолетом в стекло кабины водителя.

Грэхем бросил дрелью в Боллинджера с четвертого этажа. Она дугой пролетела восемнадцать метров сквозь падающий снег и ударила Боллинджера — не по голове, куда целился Грэхем, а по бедру. Она задела его не так сильно.

Несмотря на это, дрель напугала Боллинджера. Он подпрыгнул, попал ногой на лед, поскользнулся, качнулся вперед, споткнулся о бордюр и, взмахнув руками, упал лицом вниз в сточную канавку у тротуара.

Водитель грейдера предполагал, что его жертва отбежит, но не ожидал, что Боллинджер упадет прямо под машину. Он промедлил и затормозил мгновением позже, но машина не могла остановиться сразу.

Тяжелый стальной щит поднимался на тридцать сантиметров над улицей; но этого было недостаточно, чтобы проехать над Боллинджером, не задев его. Низ ножа зацепил его за ягодицы, смял его тело, протаранил его голову, раздавив череп, придавил тело к возвышающемуся рядом бордюру.

Кровь растеклась по снегу, блестя в круге света от ближайшего уличного фонаря.

43

Тела Макдональда, Отта, охранников и инженера здания были помещены в тяжелые пластиковые мешки, предоставляемые городским моргом. Мешки с телами положили на мраморный пол.

Шесть стульев были поставлены полукругом около закрытого ставнями газетного киоска в передней части вестибюля. Грэхем и Конни сидели там вместе с Айрой Предуцки и тремя другими полицейскими.

Предуцки выглядел как обычно: слегка запачкан, коричневый костюм висел на нем немногим лучше, чем простыня. Он прошелся по мокрому снегу, поэтому низ его брюк, ботинки и носки были мокрые. Он не носил галоши или сапоги; у него было несколько пар подходящей обуви, но он всегда забывал надевать их в плохую погоду.

— Сейчас мне бы не хотелось докучать вам, — произнес Предуцки, обращаясь к Грэхему. — Я знаю, я уже спрашивал вас, и вы рассказывали мне. Но я беспокоюсь, и я ничего не могу поделать с этим. Я постоянно беспокоюсь о множестве вещей. Это еще один мой недостаток. Ну, как раненая рука? В порядке?

Грэхем слегка похлопал по повязке под рубашкой. Санитар с дурным запахом изо рта, но уверенными руками позаботился о нем час тому назад.

— Сейчас вполне хорошо.

— А что с вашей ногой?

Грэхем поморщился:

— Я хромаю не больше, чем до того, как все это произошло.

Повернувшись к Конни, Предуцки поинтересовался:

— А как вы? Врач со «скорой» говорит, что вы получили несколько сильных ушибов.

— Только ушибы, — почти беззаботно ответила она. Она держала за руку Грэхема. — Ничего страшного.

— Да, у вас у обоих была ужасная ночь. Просто жуткая! И это моя вина. Я должен был схватить Боллинджера несколько недель назад. Если бы у меня было хоть немного мозгов, я бы распутал это дело до того, как вы были вовлечены в него. — Он взглянул на часы: — Почти три часа утра. — Он поднялся, безуспешно попытался выпрямить смятый воротник пальто: — Мы слишком долго задержали вас здесь. Очень долго. Но я собираюсь попросить вас остаться еще на пятнадцать-двадцать минут, чтобы ответить на вопросы, которые могут появиться у других следователей или судебных представителей. Я прошу вас о большом одолжении, да? Я знаю, это ужасное, ужасное испытание. Я извиняюсь!

— Все в порядке, — утомленно сказал Грэхем.

Предуцки обратился к другому скромно одетому детективу, сидевшему с группой:

— Джерри, ты уверен, что их задержат не более чем на пятнадцать-двадцать минут?
— Как скажешь, Айра. — Джерри был высоким коренастым человеком около сорока лет. У него на подбородке была родинка.

— Проследи, чтобы их доставили домой на патрульной машине.

Джерри кивнул.

— И держи репортеров подальше от них.

— О'кей, Айра. Хотя это будет нелегко.

Грэхему и Конни Предуцки сказал:

— Когда доберетесь домой, первым делом отключите телефон. Вы пообщаетесь с прессой завтра. Но это уже совсем скоро. Они еще долго будут одолевать вас. Это еще одно испытание. Я сожалею. Может быть, нам удастся уберечь вас от них сегодня ночью, дать вам несколько часов покоя перед бурей.

— Спасибо, — поблагодарила Конни.

— Сейчас я должен идти работать. Сделать то, что давно нужно было сделать. Я всегда отстаю в своей работе. Всегда. Я не создан для этой работы. Это правда.

Он пожал руку Грэхему и неловко поклонился Конни.

Когда он проходил по вестибюлю, его мокрые туфли скрипели.

Снаружи он увернулся от одних репортеров и отказался отвечать на вопросы других.

Его не оборудованный сигнализацией автомобиль стоял в самом конце двойного ряда полицейских черно-белых седанов, машин «скорой помощи» и репортерских фургонов. Он сел за руль, пристегнул ремень и включил двигатель.

Его партнер, инспектор Дэниел Маллиган, будет занят внутри еще пару часов, и ему не понадобится автомобиль.

Напевая мотив своего собственного сочинения, Предуцки ехал по Лексингтон-авеню, которая была недавно расчищена. На колесах его автомобиля были прикреплены цепи; они скрипели на снегу и стучали на некоторых обнаженных участках дороги. Он свернул за угол, поехал по Пятой авеню и углубился дальше.

Менее чем через четверть часа он припарковал машину на окруженной деревьями улице Гринвич-Виллидж.

Выйдя из автомобиля, он прошел треть квартала, стараясь держаться в тени, подальше от света уличных фонарей. Бросив быстрый взгляд назад и удостоверившись, что он никем не был замечен, он свернул на узкую тропинку между двумя аккуратными домиками. Дорожка упиралась в глухую стену, но по обеим сторонам располагались высокие калитки.

Снежинки плавно кружились в ночном воздухе. Порывы ветра не добирались сюда, но сильный шум слышался наверху, на крышах.

Он достал из кармана связку замочных отмычек. Он нашел их уже давно в квартире одного вора-взломщика, который покончил жизнь самоубийством. За все время у него было несколько редких, но очень важных случаев, когда отмычки оказывались очень кстати. Он воспользовался одной из них, чтобы ослабить задвижку в дешевом замке калитки, другой отмычкой он вернул задвижку в прежнее положение. Так всего за две минуты он оказался внутри.

Перед домом Грэхема Харриса лежал маленький дворик. Верхушки травы торчали из снега, два дерева, облицованное кирпичом крыльцо. Две тумбы с цветами были укрыты на зиму. Однако наличие стального столика и четырех стальных стульев создавали впечатление, что люди играли в карты здесь вчера днем.

Он пересек двор и поднялся по трем ступенькам заднего входа.

Осторожно, тихо и аккуратно он открыл замок деревянной двери.

Его разочаровала легкость, с которой он проник внутрь. Когда же люди научатся приобретать надежные замки?

На кухне у Харриса было темно и тепло. Пахло пряностями и бананами, которые положили дозревать, а они уже переспели.

Он беззвучно закрыл дверь.

Несколько минут он стоял совершенно тихо, прислушиваясь к звукам в доме и ожидая, когда его глаза привыкнут к темноте. Наконец, когда он смог различать все предметы на кухне, он подошел к столу, приподнял около него стул и, чуть отодвинув, снова поставил его без малейшего шума.

Он сел и, достав револьвер из кобуры под левой рукой, положил оружие на колено.

44

Патрульный автомобиль оставался у обочины, пока Грэхем не открыл переднюю дверь дома. Затем он уехал, оставив следы в десятисантиметровом слое снега, который еще не был убран на Гринвич-Виллидж.

Он включил свет в прихожей. Пока Конни запирала дверь, он прошел в темную жилую комнату и зажег ближайшую настольную лампу. Он нажал на кнопку и... застыл, не имея ни сил, ни желания убрать пальцы с выключателя.

В одном из кресел сидел человек. У него был пистолет.

Конни положила руку на локоть Грэхема. Обратившись к мужчине в кресле, она спросила:

— Что вы здесь делаете?

Энтони Прайн, хозяин «Полночного Манхэттена», встал. Он помахал пистолетом перед ними.

— Я поджидал вас.

— Почему вы так говорите? — спросила Конни.

— С южным акцентом? Я родился с ним, потом, много лет назад, избавился от него. Но я могу пользоваться им когда захочу. Конечно, избавление от акцента привело к тому, что я заинтересовался искусством подражания. Я начинал в шоу-бизнесе как комик, подражая известным людям. Сейчас я изображаю Билли Джеймса Пlovera, человека, которым я был.

— Как вы сюда проникли? — спросил Грэхем.

— Я обошел вокруг стены дома и разбил окно.

— Убирайтесь! Немедленно уходите отсюда!

— Вы убили Дуайта, — проговорил Прайн. — Я проехал мимо «Бовертон билдинг» после телепередачи. Я видел полицейских. Я знаю, что вы сделали. — Он был бледен, на лице отражалось напряжение.

— Убил — кого? — спросил Грэхем.

— Дуайта. Франклина Дуайта Боллинджера.

Сбитый с толку, Грэхем произнес:

— Но он пытался убить нас.

— Он был одним из лучших людей. Один из самых лучших, какие когда-либо жили. Я вел программу о полицейских, и он был одним из гостей. Всего за какую-то минуту мы поняли, что мы оба очень похожи.

— Он был Мясником, который...

Прайн был крайне возбужден, у него тряслись руки, левая щека дергалась от нервного тика. Он перебил Конни и сказал:

— Дуайт был половиной Мясника.

— Половиной Мясника? — переспросила Конни.

Грэхем оторвал руку от выключателя и взялся за ножку настольной медной лампы.

— Я был другой половиной, — сказал Прайн. — Мы были похожими, Дуайт и я. — Он сделал шаг в их сторону, затем другой. — Даже больше того. Мы были неполноценны друг без друга. Мы были половинками одного целого организма. — Он нацелил пистолет в голову Харриса.

— Убирайся вон отсюда! — закричал Грэхем. — Беги, Конни! — И он бросил лампу в Прайна.

Лампа откинула Прайна назад в кресло.

Грэхем повернулся к прихожей.
Конни уже отпирала входную дверь.
Как только он последовал за ней, Прайн выстрелил ему в спину.
Страшный удар под правую лопатку, вспышка света, кровь заливала ковер вокруг него.
Он упал, повернулся на бок и в тот же миг увидел Айру Предуцки, выходящего из коридора, который вел на кухню.
Он плыл в море боли, которое становилось темнее с каждой минутой. Что же случилось?
Детектив закричал на Прайна и затем выстрелил в него — в целях самообороны. Один раз, в грудь.
Хозяин шоу упал возле журнального столика.
Боль. Только первые признаки боли.
Грэхем закрыл глаза. Подумал, правильно ли он делает. Он помнил: если уснешь, то умрешь. Или это было верно только при тяжелых ранениях? Он открыл глаза, чтобы удостовериться: он жив.
Конни вытирала пот у него с лица.
Стоя на коленях возле него, Предуцки сказал:
— Я вызвал «скорую».
Прошло какое-то время. Ему казалось, что он постепенно исчез в середине разговора и появился в середине другого.
Он закрыл глаза.
Снова открыл их.
— Теория судмедэксперта, — сказал Предуцки. — Сначала она казалась неправдоподобной. Но чем больше я думал об этом...
— Я хочу пить, — сказал Грэхем. Он хрипел.
— Пить? Еще бы, — сказал Предуцки.
— Дайте мне... воды.
— Может быть, тебе не следует этого делать, — сказала Конни. — Подождем «скорую помощь».
Комната кружилась. Он улыбнулся. Он кружился по комнате, как на карусели.
— Я не должен был приходить сюда один, — подавленно сказал Предуцки. — Но вы видите, почему я подумал, что должен так поступить? Боллинджер был полицейским. Второй половиной Мясника тоже мог быть полицейский. Кому я мог доверять? Действительно, кому?
Грэхем облизнул губы и промолвил:
— Прайн мертв?
— Боюсь, что нет, — ответил Предуцки.
— А я?
— А что ты?
— Убит?
— Ты будешь жить.
— Уверен?
— Пуля не повредила позвоночник. Не задела жизненно важные органы. Я держу пари.
— Уверен?
— Я уверена, — сказала Конни.
Грэхем закрыл глаза.

Эпилог Воскресенье

Айра Предуцки стоял спиной к госпитальному окну. Низкое вечернее солнце обрамляло

его мягким золотым светом.

— Прайн говорит, что они хотели начать расовые войны, религиозные, экономические...

Грэхем лежал на боку в кровати, подушки поддерживали его. Он говорил немного медленно из-за раны, причинявшей ему боль.

— Итак, они стремились добиться власти впоследствии.

— Именно об этом он и говорит.

Конни, сидевшая на стуле около кровати Грэхема, сказала:

— Но ведь это безумие. Разве кучка психопатов Чарльза Мэнсона не убивала людей по тем же самым причинам?

— Я упомянул о Мэнсоне, — сказал Предуцки. — Но Прайн говорит мне, что он — ничтожный человечиска, мразь, шпана.

— А Прайн, надо полагать, сверхчеловек.

Предуцки печально покачал головой:

— Бедный Ницше. Он был одним из самых блестящих философов, когда-либо живших — и к тому же неправильно истолкованных.

Он нагнулся и понюхал букет цветов, которые стояли на столике у окна. Когда он снова посмотрел вверх, то промолвил:

— Извините меня за вопрос. Это не мое дело. Я знаю. Но я любопытный человек. Один из моих недостатков. Но... когда же свадьба?

— Свадьба? — переспросила Конни.

Смутившись, Грэхем произнес:

— Как же вы могли узнать? Мы говорили об этом только сегодня утром. Между собой, и были только вдвоем.

— Я же детектив, — пояснил Предуцки. — Я собрал кое-какие улики.

— Например? — спросила Конни.

— Например, манера, как вы смотрите друг на друга сегодня.

Наслаждаясь тем, что он может поделиться новостью, Грэхем вымолвил:

— Мы собираемся пожениться через несколько недель после того, как я выйду из госпиталя и снова наберусь сил.

— Которые ему понадобятся, — добавила Конни, озорно улыбнувшись.

Предуцки обошел вокруг кровати, посмотрел на Грэхема:

— Каждый раз, когда я думаю обо всем, что произошло в ночь с пятницы на субботу, я удивляюсь, как вы оба смогли выбраться живыми из этой истории.

— Это было нетрудно, — сказала Конни.

— Нетрудно? — переспросил Предуцки.

— Нет, правда. Не так ли, Ник?

Грэхем улыбнулся и почувствовал себя совсем хорошо:

— Совсем нетрудно, Нора.